

Самид АГАЕВ

ИЗ БАКУ, С ЛЮБОВЬЮ

Р о м а н

(Журнальный вариант)

Глава 1

— Посмотри, та девушка с тебя глаз не сводит, — сказал цветочник весело, видно, радуясь возможности хоть ненадолго сменить тему разговора.

Мурад повел головой, оглядывая широкий проход перед торговыми рядами. Был вечер пятницы, в преддверии базарных дней людей на рынке было много, но он сразу заметил темноволосую девушку лет двадцати — двадцати трех. Ее стройная фигура среди потока людей своей неподвижностью и без того привлекала внимание. В самом деле, она безотрывно смотрела если не на него, то в его сторону. На всякий случай оглянулся, но сзади была белая каменная стена. Мурад ткнул пальцем себе в грудь. Немой вопрос. Она не реагировала. Тогда он улыбнулся и помахал ей. После этого девушка исчезла, как будто ее и не было, словно она привиделась. То есть ее заслонил прохожий, а когда прошел, ее не стало.

— Красивая девчонка, — сказал торговец, — я ее здесь часто вижу, молоко покупает, сметану деревенскую, наверное, живет где-то рядом.

— Ты откуда знаешь? — спросил Мурад.

— Заур из молочного отдела сказал. Он давно к ней клеится, но бесполезно. Она, видно, из порядочных девиц. Почему она так на тебя смотрела, непонятно? Может, ты ей понравился?

— Ладно, — сказал Мурад, — вернемся к нашему разговору.

— Вернемся, — со вздохом сказал торговец, но тут же бросился к подошедшему покупателю. — Пожалуйста, уважаемый, свежий цветы, все что хочешь. Розы подмосковный, голландский, хризантемы, гвоздики, астромелии, пожалуйста, выбирай все, что душа угодно.

Мурад взглянул на часы, тридцать минут рабочего времени на ветер. Он дождался, когда торговец обслужит покупателя, и спросил:

— Тебя как зовут?

— Саадат, я же тебе говорил, — обиделся торговец.

— Извини. Но все-таки, когда вы вернете мне долг?

— Ай киши¹, я же сказал тебе, деньги у Садагата. Он куда-то ушел, когда придет, не знаю, может, в префектуру пошел, а это надолго, там, знаешь, какие бюрократы сидят.

— Из кассы дай.

— Из кассы не могу. Не имею права. Садагат ругаться будет.

— Послушай, я уже во второй раз приезжаю зазря. Не ближний свет мне сюда мотаться.

— Зачем неправду говоришь, первый раз ты нас привез сюда и сейчас за деньгами приехал, значит, первый раз получается.

— Ты мне демагогию не разводи.

— Обижаеть ты меня, брат. И почему напрасно? Второй раз земляков видишь. Плохо, что ли?

— Ладно, — в сердцах сказал Мурад, — мне надо план делать, поеду, в следующее воскресенье заеду за деньгами. В третий раз. Как раз восьмое марта пройдет, надеюсь, вы заработаете.

— Приезжай, брат, — заверил его торговец, — деньги будут тебя ждать.

---

¹ Мужчина (азерб.).

Мурад вздохнул и выбрался из-за вазонов с цветами.

— Как, ты сказал, цветок называется? — спросил он, указывая на бледно-фиолетовые цветы. — Астролябия?

— Астромелия, — снисходительно улыбаясь, ответил Саадат.

Мурад махнул рукой и направился к выходу. Таксомотор, новую черную «Волгу»-универсал — *sarai*, в просторечии, — он припарковал поодаль, чтобы никто не приставал. Тем не менее у машины стояла толпа цыган. С непроницаемым видом Мурад прошел сквозь них, отпер дверцу, но все же услышал:

— Дядя, отвези нас в хорошую столовку.

Мурад сосчитал цыган и сказал:

— Я могу взять только шесть человек, а вас восемь.

— Так нас взрослых шесть как раз, остальные дети. А мы еще рупь сверху дадим, — пообещал старший.

— Загружайтесь, — разрешил Мурад.

Поскольку смена подходила к концу, надо было двигаться в сторону таксопарка. Он довез цыган до ближайшей на пути его следования столовой. Там взял других пассажиров. Им было не совсем по пути, но вектор был правильный. В отличие от большинства таксистов, берущих в конце смены пассажиров строго в направлении парка и в итоге возвращавшихся порожняком, или, как говорили таксисты, *конем*, Мурад двигался, как средневековый арабский капитан парусного судна — галсами. Он недавно вычитал, что именно арабские мореплаватели изобрели способ плыть против ветра. С последним клиентом повезло, ему надо было на Мытную, то есть совсем рядом с таксопарком. Высадив его, он доехал до улицы Павлова, повернул направо, еще раз направо и по улице Люсиновской, названной так в честь армянской девушки большевички, погнал в сторону «Автозаводской». Налево с моста, еще раз налево, он проехал мимо гастронома, на террасе которого стояли таксисты и лимитчики с завода имени Лихачева, утоляя экзистенциальную жажду пивом и водкой. Пиво пили не таясь, а беленькую прятали, хотя ментов поблизости не наблюдалось. Мурад отметил среди них знакомые лица. В следующем здании, мимо которого он проехал, располагалась дирекция таксомоторного парка. Гараж находился рядом, под Автозаводским мостом. Между гаражом и дирекцией теснилась автозаправка, что было очень удобно, выехал из гаража, заправился и вперед, *бомбить* улицы Москвы. Значение этого слова нашему герою было не совсем ясно, то есть он его знал, но считал неудачным.

Мурад въехал в ворота и притормозил, протягивая в окошко путевку, прижимая к ней пальцем *двугривенный*. В таксопарке словечки из дореволюционной жизни были в ходу. Контролер, пробывающий время возвращения таксомотора, протягивал руку лодочкой, словно скрюченный параличом, и цепко подбирал деньги. Кто давал одной монетой, а кто-то россыпью. Неудобно, понимаешь, если рассыплется, зазвенит, хотя вряд ли это кого бы удивило, но ухмылки вызвало. Отбив время, Мурад проехал дальше, встал в хвост автомобильной очереди на мойку и, не тратя попусту время, стал заполнять путевку, подсчитывать выручку.

В начале месяца ему позвонил армейский товарищ, живущий в Ленкорани, и попросил встретиться на Курском вокзале родственника, который вез в Москву партию цветов. Дело происходило в начале марта. Все это представлялось занятием довольно хлопотным и сомнительным в отношении выгоды, но отказаться Мурад не смог. Хотя и попытался объяснить товарищу, что Москва не провинция, где таксист — хозяин-барин своей машины. В Москве довольно жесткий график, почасовой план, что он потеряет время, которое ему придется потом наверстывать.

— О чем ты говоришь? — возразил товарищ. — Они все оплатят, каждый твой час. Они спекулянты, ты заработаешь, а им еще дешево выйдет. Я им про тебя ляпнул, они теперь насели на меня, неудобно отказывать, родня дальняя.

С первым Мурад согласился, *вокзальщички*, то есть таксисты, неформально причисленные к определенному вокзалу, драли с барыг три шкуры. Второй довод у него понимания не вызвал, тем не менее, в назначенный день он заезжал на привокзальную площадку. Включил счетчик и поставил автомашину на стоянку, чтобы обезопасить себя от контролеров. Затем пошел встречать бакинский поезд.

Их было трое, спекулянтов; багаж — десять коробок, набитых цветами. Вместительный автомобиль забили под завязку.

— Слушай, брат, а счетчик зачем работает? — удивился тот, кто сел рядом с водителем. Его звали Садагат, видимо, он был старшим. Замечание Мураду не понравилось.

— Как зачем? — холодно сказал он. — Я же ждал вас.

— Да, конечно, конечно. — согласился Садагат. — Я вижу, что ты прямой человек.

Только зачем государству лишнее отдавать, мы и так заплатим, сколько скажешь, мы цены знаем.

Одно с другим не вязалось, но Мурад не стал раньше времени говорить о деньгах. Выяснилось, что везти товар надо на Ленинградский рынок. Там простояли еще минут сорок, пока Садагат решал вопросы с администрацией рынка. Когда все было кончено, на счетчике пробило семь рублей.

— Сколько с меня? — спросил Садагат.

— Десять рублей.

Торговец бросил взгляд на счетчик и улыбнулся:

— Без проблем, брат, трешник сверху, это по-божески.

— Нет, не трешник сверху. Ты не смотри на счетчик. У меня план пять рублей в час. Я потратил на вас с подачей два часа. Мне лишнего не надо. Я на вас ничего не зарабатываю, эти деньги я внесу в кассу.

— Конечно, брат, зачем нервничаешь?! Только у меня просьба будет. Все деньги в товаре, мы в дороге поистратились. Базарный старшина тоже деньги взял, еще за гостиницу платить. Можно завтра заплачу? Один день хотя бы поторгую. Завтра деньги будут.

— Но мне надо будет опять время терять, сюда ехать. К тому же завтра я не работаю.

— Не обижайся брат. Войди в положение, мы же земляки.

— Мы не земляки, — возразил Мурад.

— Нет? — удивился Садагат. — То-то я смотрю, ты по-русски совсем без акцента говоришь. А Исмаила откуда знаешь? Он сказал, что вы родственники почти что.

— Мой дед вроде бы оттуда, хотя я его в глаза никогда не видел, а теперь, вишь, расплачиваюсь, — неохотно обронил Мурад. Родней с отцовской стороны он никогда не интересовался, заняв сторону брошенной матери.

— Зачем так говоришь, брат? Родственников уважать надо, обычай такой. Тем более дедушку, аксакала.

— Ладно, — буркнул Мурад.

Он был раздражен. Два часа рабочего времени коту под хвост. А надо было еще делать план. Часы пик он угробил на спекулянтов.

— Послезавтра я приеду. В какое время, не знаю, в течение дня. Где вас искать?

— Увидишь, где цветами торгуют, там найдешь.

Сзади посигналили. Задумавшись, он отстал от очереди. Мурад запустил двигатель и поехал вперед на ленту транспортера. Выключил мотор, машина поехала вперед. Форсунки лили воду со всех сторон. Вертикальные и горизонтальные щетки облепили машину и елозили по кузову. В конце процедуры стояли две пожилые женщины в резиновых сапогах, в черных прорезиненных фартуках. Они домывали те места, которые были недоступны щеткам — зеркала, коврики, пороги. Женщинам также полагался двугривенный. Система работала, как часы. В этой финансовой цепочке нижним платежным звеном были таксисты. Они *отстегивали* всем службам. Существовала раздача ежедневная и периодическая, к которой относились ремонт и техническое обслуживание. Водители платили независимо от того, удачным ли был день, были ли вообще чаевые. Порой приходилось на раздачу отдавать деньги из собственного кармана. Каждая служба платила дань своему начальнику, а тот — своему. Неизвестно, как высоко поднималась эта финансовая пирамида. Нафанаил Ханаанович, директор таксопарка, тучный высокий еврей на собраниях, коря присутствующих за невыполнение плана, любил подчеркнуть, что свои двести рублей должностного оклада он получит в любом случае. А вот водители останутся без премии. Иначе говоря, намекал на то, что взятки до него не доходят. Тех правдолюбцев, которые считали, что платить ни за что не обязаны, ожидало так называемое *лечение*. Их переводили на každодневный режим работы и сажали на старую машину, именуемую на сленге — *рыгван*. (Любопытный Мурад, размышляя над этимологией этого слова, решил, что это означает — рыдающий Ваня, сокращенно). В настоящее время один из таких принципиальных людей, некто Тарасов, вел многолетнюю неравную борьбу с таксопарком. Когда его выбрали партийным секретарем автоколонны, он решил, что новый статус позволяет ему не давать взятки, и перестал платить, но даже коммунистическая партия не смогла одолеть систему. Его быстро переизбрали, и с тех пор большую часть рабочего времени он проводил в ремзоне. Мужик оказался с характером, сдаваться не собирался. Однако рассказ, собственно, не об этом.

Выехав из мойки, Мурад поднялся по пандусу на второй этаж, где размещалась автоколонна №2. Сменщик работал по ночам, он как раз был *вокзальщиком*, поэтому машину надо было поставить поближе к выезду. И так, чтобы ее не заставили другие. Если этого не сделать, будет орать как резаный. Записавшись в журнал у механика,

Мурад дал ему полтинник и отправился в диспетчерскую, где сдал путевку и выручку. На этом раздача закончилась.

В такси Мурад оказался осознанно. До этого он работал на заводе им. Лихачева, через дорогу. На самом что ни на есть конвейере по сборке автомобилей ЗиЛ, как Чарли Чаплин в фильме «Новые Времена». Но пришел он в такси не за чаевыми, в отличие от алиментчиков, хапуг и прочих теневиков, желающих скрыть свою реальную зарплату. Он пошел туда, как бы это странно ни звучало, как бы ни пафосно — за свободой. Ибо при тоталитарном строе, каковым являлся общественный порядок СССР — только шофер имел относительную свободу, ибо имел роскошь не трудиться в коллективе, хотя был связан определенным маршрутом. Таксист обладал полной свободой. Он выезжал из ворот гаража и был абсолютно независим. От него требовалось только вернуть машину через двенадцать часов, ибо работал он через день, и сдать в кассу определенное количество выручки, то есть денег.

Закончив с формальностями, Мурад вышел из конторы и направился к универсаму. На прилегающей к нему открытой террасе было многолюдно. Примерно десятую часть составляли таксисты. Кивая знакомым, пожимая руки, уклоняясь от предложений быть третьим, Мурад добрался до стеклянных дверей абсолютно трезвым, хотя бывало всякое. Но не потому, что любил выпить, такого за ним не водилось, но случалось, проявлял слабость характера. В магазине купил на ужин хлеба, триста грамм колбасы, пару пива (выбрал в темных бутылках), десяток яиц, пачку сливочного масла и отправился домой. Он жил на Нагатинской улице рядом с музеем «Коломенское».

Вечер он провел у окна, глядя на гуляющих в парке людей. Хорошо было бы и самому пройтись, размять ноги, но было лень, поэтому он продолжал пить пиво и возвращаться в мыслях к загадочной красавице на рынке. В свои двадцать семь Мурад еще не был женат. Не то чтобы он жил затворником. Пару раз даже, было дело, доходил до загса, то есть до подачи заявления. Инициатива всякий раз исходила от девушки, а в его же голове перед самым торжественным мероприятием, возникал вопрос: «Зачем я это делаю»? Не находя ответа, он впадал в панику и ретировался. А девушка была хороша. Вряд ли они еще раз встретятся, а даже если встретятся, не станет она водиться с таксистом. Это было единственным недостатком его профессии — сомнительный имидж. Когда-то он, отработав два года в такси, уволился, чтобы пойти в дальнбойщику и ездить за границу, а его не взяли. Оказалось, что нужно для этого быть членом партии, а он тогда был еще беспартийным. Возвращаться в парк было неловко, и он стал искать себе работу водителя. Но во всех гаражах кадровики, узнав, что он таксист, тут же возвращали ему трудовую книжку. И Мурад вернулся в таксопарк. Самое смешное, что обратно его тоже взяли не сразу, долго кобенились.

Через несколько дней Мурад вновь заехал на Ленинградский рынок. С деньгами он мысленно уже расстался, семь рублей небольшая сумма, однако неприятно было осознавать, что провинциальные ребята, тальшские спекулянты, оставили его, столичного таксиста, в дураках. Дело уже было не в деньгах, вопрос стоял принципиально.

Саадат встретил его радостной улыбкой.

— А, земляк, салам! Как дела? Какими судьбами?

— Разве ты не знаешь, какие дела меня привели сюда? — ответил Мурад холодно.
— Где твой друг?

— А-а, так ты за деньгами! Ты знаешь, торговля очень плохо идет. Веришь, аренду еле отбиваем. После праздников денег ни у кого нет, ты же знаешь, как эти русские пьют. За праздники всё прогуляли.

— А как же восьмое марта, хочешь сказать, что вы ничего не заработали?

— Ну, немножко заработали, бир аз¹, отрицать не буду, только расходы тоже были. Тебе надо было сразу после праздника приехать. Мы тоже погуляли немножко, зачем буду скрывать, ресторан, девочки, туда-сюда, потанцевали, сам понимаешь! Садагат только что отошел в администрацию. Брат, не сердись за задержку с деньгами. Зато у меня есть для тебя приятная новость.

— Интересно, это какая же?

— Девушка помнишь? Красивая такая. Почти каждый день приходит, наверное, тебя ищет.

— Прямо-таки ищет, — скептически сказал Мурад, — спрашивала, наверно, обо мне?

— Нет, не спрашивала, зачем буду врать. Просто мимо идет и смотрит, и так каждый раз.

— Это ни о чем не говорит. Может, она цветами любитесь? Иди лучше Садагата

¹ Немного (азерб.).

позови.

— Я в этом разбираюсь, — многозначительно произнес Саадат, — цветами любитесь или человека ищете. Видать, ты ей понравился, по сердцу пришелся. Везунчик, клянись, честное слово.

Мурад улыбнулся, злость его вдруг растаяла. Эти наивные попытки отвлечь его от неприятной темы возврата долга неожиданно развеселили.

— Ну что, ты идешь или нет? — тем не менее, поинтересовался он.

— Ала¹, иду, да, иду, — со вздохом ответил Саадат. — Посмотри здесь, если кто подойдет, продай. Ценники везде висят.

Он ушел. Мурад осматрелся. Цветы стояли в одинаковых вазах. Розы, хризантемы, тюльпаны и многие другие, названия которых он не знал. Оглядев все это флористическое хозяйство, Мурад взглянул на часы и отметил, что двадцать минут рабочего времени уже потеряно. Когда он поднял глаза, то увидел пресловутую девушку. Она стояла поодаль. На сгибе ее руки висела небольшая плетеная корзина, лукошко, так сказать, и, по всей видимости, оттягивала ей руку. Девушка внимательно смотрела на него. Мурад готов был в этом поклясться. Он кивнул ей приветственно, улыбнулся, но девушка никак не отреагировала. Тогда Мурад извлек цветок из подручного вазона и протянул ей. И тогда девушка приблизилась к нему.

— Здравствуйте, — сказал Мурад, — как поживаете?

— Спасибо, хорошо, — ответила девушка, — но я не принимаю цветы от незнакомцев.

— Как же. Ведь мы знакомы. Мы виделись недавно, буквально неделю назад. Правда, у вас не было этой корзины. Я вас все время вспоминал. Меня зовут Мурад. Возьмите, это астробябия, а как вас зовут?

— Красивый цветок, — словно не слыша вопроса, сказала девушка.

Мурад не стал настаивать на пустяках, решив сразу взять быка за рога. На него это было непохоже, но другого случая могло не представиться.

— А что вы делаете сегодня вечером?

Девушка задумалась, произнесла:

— Пожалуй, ничего. Буду читать.

— Я тоже люблю читать, — сообщил Мурад.

— Это хорошо, что у нас такие образованные продавцы, — заметила девушка.

Замечание Мураду почему-то не понравилось, но разубеждать незнакомку он не стал. Таксист в общественном сознании был ничем не лучше продавца цветов, а девушка по виду, по манерам и по породе была из высшего общества. Наступив на горло собственному самолюбию, он сказал:

— Хороший фильм приносит не меньше удовольствия, чем книга, почему бы нам ни сходить в кино?

Девушка взглянула на него широко распахнутыми глазами.

— А вы полагаете, что, если я приняла цветок... как вы сказали его название?

— Астробябия.

— Астробябию. Так и в кино теперь пойду с вами? Вообще странное название, вы уверены, что он именно так называется? Если я не ошибаюсь, астробябией что-то меряют.

— Я не полагаю, — смиренно ответил Мурад, — я надеюсь. Насчет измерения спорить не буду, но разве это что-то меняет? Говорят же — хоть горшком назови, только в печку не ставь. С названием я немножко утрировал, цветок называется астромелия.

— Уже лучше, — сказала девушка, — и ваша трактовка пословицы тоже логична, поэтому я, пожалуй, соглашусь. В «Баку», в семь вечера.

Мурад взглянул на часы.

— Самолетом лететь туда два часа сорок минут, но еще надо билеты купить, доехать до Домодедово. А у нас осталось четыре часа. Вряд ли успеем, — девушка удивленно взглянула на него. — Я пошутил, — поспешил сообщить Мурад.

— Я поняла, — без улыбки ответила девушка. — Тем не менее, чтобы мы с вами не разминулись, вдруг вы в аэропорт отправитесь, кинотеатр «Баку» находится с другой стороны рынка. Я буду в семь, в семь вечера, в девятнадцать ноль-ноль. А правильное название этих цветов — альстромерии. Их любит моя бабушка. Какое совпадение. До свидания.

Мурад смотрел, как она уходит, держа в руке цветок.

— Ну ты орел, — одобрительно сказал подошедший торговец, — сколько ребят пытались к ней клеиться, бесполезно. Ну и о чем вы договорились?

— В семь часов у меня с ней свидание, — не без гордости заявил Мурад.

— Да ладно врать, — хмыкнул Саадат, — цветок, я видел, взяла, полтинник штука, а

¹ Ала — принятое в просторечии обращение у азербайджанцев.

свидание — это вряд ли. Видно, что она девушка из приличной семьи. Со спекулянтом на свидание не пойдет.

- Я не спекулянт, я таксист.
- Тем более.

Мурад неприязненно взглянул на торговца, хотел было его осадить, но промолчал. Какой-никакой резон в его словах был. У него вдруг испортилось настроение. Душевный подъем, в котором он пребывал, испарился.

- Где твой подельник? — хмуро спросил он. — Деньги принес?

— Ала, типун тебе на язык, как наши старшие братья, русские, говорят. Какой подельник, модельник, он мой компаньон. Он просит передать, чтобы ты зашел к вечеру, когда рынок закроется, деньги отдаст.

— Ладно, — буркнул Мурад, — связался я с вами на свою голову, — сделав несколько шагов, обернулся: — А цветок называется — альстромерия, знаток тоже мне.

Мурад торопясь пошел к машине. Времени было в обрез, надо было вернуться в парк, потом домой, чтобы переодеться.

Фильм был французский, назывался «Мужчина и женщина», режиссером значился Клод Лелуш.

- Удачное название, — заметил Мурад.
- Почему вы так думаете? — спросила девушка.

Мурад все еще не знал ее имени. Она пришла к третьему звонку. Мурад было решил, что его *продинамили*, он уже комкал голубоватые бумажки в руке, примериваясь к ближайшей урне, как вдруг она возникла у стеклянной двери кинотеатра. Мурад даже не заметил, с какой стороны она подошла.

— Ну, в смысле актуальное название, — уточнил Мурад; поскольку таинственная незнакомка продолжала смотреть на него без улыбки, он продолжил: — Мы с вами мужчина и женщина и идем фильм смотреть с таким названием.

— А вы хорошо знаете русский язык, — заметила девушка. — Даже шутить пытаетесь. Вы давно в Москве?

- Сколько себя помню.
- Видимо, у вас короткая память.

Мурад удивился, но сообразил, что она считает его продавцом цветов. Хотел было уже ее в этом разубедить, но погас свет, и он стал смотреть кино. Фильм был черно-белый. Трентиньян наворачивал круги на стадионе или, лучше сказать, автодроме. Анук Эме гуляла с дочкой...

Когда фильм закончился и публика потянулась к выходу, Мурад удержал девушку в фойе.

- Буфет еще открыт, — сказал он, — может, перекусим?
- Я не очень голодна.

— А я очень голоден. С утра ничего не ел. Работал без обеда. Триста верст отмахал, еще немного, и упаду в голодный обморок, как Цюрипа на заседании малого Совнаркома.

- Она удивленно взглянула на него и не сдержала улыбки.
- Хорошо, пойдете.

В буфете было шумно и довольно многолюдно перед последним девятичасовым сеансом. Мурад отыскал свободное место.

- Вам чего взять? Подумайте, как следует, — предупредил он.

Девушка вновь улыбнулась. «Дело на мази, — подумалось Мураду. — Она уже третий раз улыбается».

- Ладно, возьмите мне бутерброд с сыром.
- Там шампанское в розлив дают. Будете?
- Нет.
- Пиво?
- Нет.
- Коньяк?
- Нет.
- А мне можно?
- Только пиво.

Мурад кивнул и отправился к стойке. Вернулся он, держа в руках тарелку с бутербродами, бокал пузырящегося шампанского Очаковского завода и бутылку пива завода «Хамовники».

— Можете не пить, — предупреждая ее возмущение, сказал он, — пусть стоит, выдыхается, главное, чокнутся. Ну, за знакомство. Кстати, я до сих пор не знаю, как вас зовут.

- Меня зовут Анастасия.

- Очень красивое имя у вас. А меня зовут Мурад.
- Я помню.

– Это хорошо. А то все кивают на короткую память, девичью.

Девушка засмеялась и взяла в руки бокал.

- Рада знакомству, — и чокнулась с протянутой бутылкой пива.

После этого она поставила бокал на стол.

- Так нельзя, — сказал Мурад, — полагается хотя бы пригубить.

- Тостуемый пьет до дна?

- Вот именно. Я возьму себе тоже шампанского.

- Почему? Вы же хотели пива.

– Хотел, однако негоже соединять шампанское с пивом. Иначе так дальше и пойдет. «В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань». Можно я буду вас звать Настей?

– Можно. Но не всякий раз, — согласилась девушка. Внезапно ее глаза сузились от подозрения. — Послушайте, а вы тот, за кого себя выдаете?

– Странный вопрос. Я сейчас вернусь, и мы его обсудим, мне даже интересно, — он сходил за шампанским и вернулся к столику. — Кажется, наш разговор принял интересный оборот, можете повторить вопрос, — предложил Мурад. Но девушка не успела ответить. В это время прозвенел звонок, люди стали расходиться. В поредевшем буфете Мурад обратил внимание на компанию за крайним столиком и сказал девушке: — Простите, я сейчас оставляю вас ненадолго.

Продавец цветов Садагат подносил ко рту рюмку с коньяком. Рядом с ним пили и закусывали трое мужчин, двое азербайджанцев и один армянин. Когда перед ним появилось вопрошающее лицо Мурада, Садагат, ни слова не говоря, поставил рюмку на стол, полез в карман, достал сложенную вдвое пачку денег, отделил одну красную бумажку и протянул Мураду. Последний так же молча положил червонец в карман, пожал ему руку и вернулся к своему столику.

– И часто вы продельваете такие штуки? — спросила Анастасия, наблюдавшая эту сцену.

– Нечасто, — ответил Мурад, — а только когда деньги нужны. Но мы начали говорить о чем-то интересном. О чем вы хотели меня спросить?

– Вообще-то я хотела спросить, откуда вам, азербайджанцу, так хорошо известны тонкости русского языка. Но, видя, как вы управляетесь с людьми, я поняла, что мой вопрос не существует. Мне надо домой.

- Еще не очень поздно, можем погулять? — предложил Мурад.

Анастасия покачала головой:

- Мне надо покормить бабушку.

- Бабушка — это святое, но я вас провожу.

Анастасия жила на Ленинградском проспекте в десяти минутах ходьбы от кинотеатра. Дом, к которому они подошли, выделялся своими архитектурными формами — это был так называемый ампир. Девушка стала прощаться.

- Может быть, постоим еще, поболтаем?

- Мне надо покормить бабушку.

- А я подожду.

– Не надо ждать, — неожиданно сказала Анастасия, — вы можете пойти со мной. Я вас тоже покормлю.

– Какая вы хорошая, участливая. О бабушке заботитесь. И обо мне вот, сироте, подумали.

- Это вы язвите?

– Ну что вы, как я смею. А чем вы будете бабушку кормить? — спросил Мурад, следуя за девушкой.

– Бабушку — кашей. А вас — бутербродом с колбасой, докторской. Могу яичницу приготовить.

Квартира находилась на последнем этаже. Оказавшись в прихожей, Мурад увидел прямо перед собой раскрытую дверь в кухню, а направо виднелись двери комнат. Одна, другая и далее в конце коридора виднелось еще что-то, комната или чулан. В этих сталинских домах встречались самые разные планировки.

– Проходите в комнату, туда, в следующую. Там гостиная. Я покормлю бабушку, а потом займусь вами.

Мурад прошел в указанном направлении, минуя комнату с приоткрытой дверью, краем глаза заметив фигуру старой, седовласой женщины, лежащей на кровати. Гостиная была уставлена массивной мебелью. Здесь был старинный буфет красного дерева, обеденный стол, витые венские стулья и огромный черный кожаный диван с высокой деревянной спинкой. Мурад подошел к окну. Вопреки ожиданию оно не выходило на проспект, внизу был большой зеленый двор, где стояли несколько авто-

мобилей. Он опустился на диван, щелкнул тумблером настольной лампы, стоявшей рядом на журнальном столике. Лампа была тоже старой, с большим зеленым плафоном. Верно, за ней когда-то работал революционер-ленинец. В этом районе в таких домах простым людям квартиры не давали.

Мурад заметил на стене репродукцию какой-то картины. Подошел поближе. Это был фотографический снимок, очень старый, возможно начала века, помещенный в рамку под стекло. И на нем были запечатлены нефтяные вышки. Мурад был готов поклясться в том, что это был Бакинский нефтепромисел. У него в квартире долгое время пылился журнал, где был подобный снимок с нефтяными качалками. На другой стене, когда он повернулся, ища другие снимки, он вдруг увидел портрет. Странно, что он его сразу не заметил. Это был портрет молодого офицера с заливчатскими усами в форме царской армии. Определенно он был кавказец. Может быть, даже азербайджанец. И в его лице было что-то очень знакомое. «Где я мог его видеть? — попытался вспомнить Мурад. — Наверное, кто-то из героев гражданской войны. Может быть, Якир или Тухачевский? Хотя на еврея он не похож. Даром, что чернявый».

Вошла Анастасия, в руках у нее был поднос. Чайник, чашки, варенье, розетки. Все это она расставила на столе, налила чай в чашки.

— Прошу вас, угощайтесь.

— Спасибо. Как бабуля?

— Хорошо. Только прошу без фамильярности, ее зовут Елизавета Петровна. Поела, теперь спит. Хотела с вами пообщаться, но я не пустила. Она частично парализована, после инсульта.

— Может, уже перейдем на ты? Сколько тебе лет?

— Ну вот, сразу бестактные вопросы.

— Ты еще так молода, что можешь прибавлять себе возраст. Лично мне скоро 28 стукнет.

— Мне недавно исполнилось 23 года. Я закончила исторический факультет МГУ. Пока нигде не работаю, учусь в аспирантуре. Сижу с бабушкой. А вот что вы за птица? Откуда вы так хорошо знаете русский язык, что сыплете прибаутками? Это вызывает подозрение.

— А птица — это не обидно?

— Почему же это должно быть обидно?

— Это все равно что сказать «хорош гусь».

— Извините, я об этом не подумала. Беру свои слова обратно, но вот лишнее подтверждение моих слов. Птица, гусь... может, вы еще и кроссворды гадаете на досуге?

— Ничего, я не обижаюсь на птицу, хотя другой бы обиделся, — сказал Мурад. — Бывает, что и гадаю, но при чем здесь кроссворды? Это заторно? Когда я работал на заводе, у нас вся бригада этим занималась?

— Вместо работы?

— Нет, во время перекуров. Это вы пошутили, да?

— Да, не все же вам шутить. Вы собирались говорить мне ты.

— Как-то не очень получается, робею. Я буду чередовать. Так о чем мы?

— Откуда вы так хорошо знаете русский язык? Вы учились в русской школе, наверное.

— Конечно, где же мне учиться, если я русский.

— Вы не похожи на русского. Я думаю, что вы азербайджанец.

— Ну, извините. По-моему, на русского в этой стране вообще мало кто похож. Русские — это такой фантомный архетип, как этруски, полумифический народ, кстати, и слова созвучны. Давайте выйдем на улицу и отсчитаем десяток человек и посмотрим, сколько из них будут соответствовать вашим представлениям о русском человеке. Померяем линейкой размеры черепа. Да и сами вы обладаете отнюдь не славянской внешностью.

— А я азербайджанка и не скрываю этого.

— Да ладно вам, вы шутите.

— Шучу, но в каждой шутке есть доля правды. Знаете, мою бабушку в молодости спас от насилия и позора, а возможно, и от смерти азербайджанец. Поэтому я в каком-то смысле могу считать себя азербайджанкой. Если бы не он, меня бы не было на свете. Но я не могу поверить, что разговариваю с торговцем, со спекулянтом с Ленинградского рынка. Вы откуда родом? Из какого города?

— Анастасия, — осторожно сказал Мурад, — не знаю, чем это мне грозит, но у нас, видимо, произошло некоторое недоразумение. Во-первых, я не торговец, а таксист.

— Это мало что меняет.

— Подождите, дайте договорить. Во-вторых, я родился и живу в Москве. Я коренной москвич, русский.

— А это многое меняет. Но вас зовут Мурад.

— Моя мама недолгое время была замужем за одним джигитом. Это он записал меня в загсе Мурадом. Мама у меня — русская.

— Он был азербайджанец?

— Вроде того, — нехотя признался Мурад.

— Почему вы так тяжело с этим соглашаетесь? Вам это не нравится? Почему?

— Потому что ничего хорошего я от азербайджанцев не видел. Кроме того, что один из них дал мне жизнь. Даже наше знакомство произошло из-за того, что они не отдавали мне долг. Хотя здесь я им благодарен. Но в армии я все время был обязан драться из-за них, на их стороне против русских. А я наполовину русский. Я никогда не был в Азербайджане, я не поэтому против русских, справедливость этого требовала. Один из них, не помню, как его звали, совершенно не знал русского языка, странно, что его в армию взяли. Так вот он все время путал команды, из-за него нас гоняли по плацу на строевой подготовке. Знаете, этот большевистский принцип коллективной ответственности. Короче, ребят наших русских так достало, что они взяли его в оборот, я заступился за него. Ситуация была, скажу я вам, глупей не бывает. Несколько русаков накинулись на одного тщедушного азербайджанца и давай его мутузить, я заступился, слово за слово, началась драка. Я один, их четверо, тут за меня вписались азербайджанцы, их во взводе было шесть человек, а за русских весь оставшийся взвод в количестве двадцати трех. И я оказался вроде как ренегат, против своих.

— Но наполовину вы азербайджанец. И то, что один из них дал вам жизнь — это немало. Это много. Эта драка — лишнее тому доказательство.

— Ничего подобного, здесь я буду спорить, я дрался не за них, за справедливость. В другой ситуации точно так же я бы заступился за русских. Послушайте, вам-то что до этого? Почему вы на этом настаиваете?

— Ну, как же, а голос крови? Мы с вами в каком-то смысле земляки.

— Нет, вы меня не проведете, у вас вон целый Ленинградский рынок земляков, стопроцентных азербайджанцев. Тут дело не в этом.

— А против армян вам не приходилось драться на стороне азербайджанцев?

— Нет, вы знаете, они в армии очень даже хорошо ладят друг с другом. Кучкуются, не без этого, но драк никогда не было, некоторые даже дружили.

— Интересно.

— Послушайте, давайте будем откровенны, — предложил Мурад.

— Это не всегда удобно, интеллигентным людям присуща недосказанность, порой она более уместна.

— Ну, это кому как, я человек прямой... Вы верите в любовь с первого взгляда?

— Верю, если первый взгляд падает на Омара Шарифа, а так — нет.

— Вы можете не верить, я даже спорить с вами не буду, но как это по-другому называть? С тех пор, как я вас увидел, я только о вас и думаю. И, между прочим, мне не раз говорили, что я похож на Омара Шарифа. Кстати, кто это? — Анастасия засмеялась. — Но раз вы считаете, что недосказанность лучше, пусть так и будет. Однако уже половина одиннадцатого.

— А где находится ваша работа?

— На «Автозаводской». На метро минут двадцать. А от метро «Аэропорт» как раз прямая линия.

— Вообще-то, если вам это будет удобно, вы могли бы сегодня переночевать здесь, — разглядывая чашку, еле слышно произнесла девушка.

— А я вас не стесню?

— Нет, нисколько. У нас две комнаты. Вы будете спать здесь, а я в комнате с бабушкой.

Несмотря на слабое освещение, Мурад заметил, что щеки девушки стали розовыми, и от этого у него вдруг заколотилось сердце. Схватив свою чашку, он залпом выпил содержимое.

— А диван раскладывается?

— Выбросьте это из головы, — словно читая его мысли, сказала Анастасия. — Мы только сегодня познакомились. Мы еще даже не друзья. То, что я вас позвала в дом, еще ничего не значит. До революции это было в порядке вещей.

— Хорошо-хорошо, — согласился Мурад. — А ты, может быть, из дворян? — иронически спросил он.

— Да, — совершенно серьезно ответила она, — и вы тоже.

— Я? — удивился Мурад. — Вы в этом уверены, с чего вы взяли?

— Абсолютно. Породу не спрячешь. Как говорят арабы — *шараф ан насаб*. Благородство заложено в крови.

— Вообще-то я обыкновенный таксист. Но мне это приятно слышать.

— В двадцатые годы треть таксистов в Париже были сплошь русские дворяне.

— Как скажете.

— Мне надо сбежать в аптеку, капли успокоительные закончились. Вы посидите один, ладно? Пейте чай. Если бабушка вдруг проснется и позовет меня, вы просто загляните к ней и заговорите о чем-нибудь. Она все равно плохо слышит, решит, что это я, и успокоится. Ладно?

— А если не успокоится? Решит, что я Герман. Крик поднимет.

— Не бойтесь, — улыбнулась Анастасия, — она безобидная, она вас не укусит.

— Будем надеяться.

Вскоре щелкнул замок, и в квартире воцарилась тишина.

Мурад почувствовал, что ему как-то не по себе. Встал и вышел в прихожую. Дверь другой комнаты была приотворена достаточно, чтобы можно было туда заглянуть. В комнате горел торшер, и ему хорошо была видна кровать, на которой лежала старуха. Она была совершенно седа, но не безобразна. Правильные черты даже в глубокой старости подчеркивали породу ее бледного лица. Не двигаясь с места, он оглядел комнату. Кроме кровати, там еще стояла модная софа под названием «малютка». Мурад часто перевозил подобные диваны от мебельных магазинов. Его такси, если сложить сидения, вполне вмещало в себя отдельные предметы мебели. В комнате пахло лекарствами. На стенах висело много картин, фотографий. Рядом с одним портретом напротив кровати висела сабля. Мурад не удержался, осторожно вошел и дотронулся до оружия. Это была самая настоящая сабля или шашка. Он перевел взгляд на портрет и вновь испытал странное чувство знакомства с этим человеком. Мурад быстро сообразил, что это тот самый офицер, что изображен на портрете в гостиной. Здесь он был запечатлен в гражданской одежде. Черный костюм, манишка, галстук. Без военной формы он еще больше напоминал кого-то, но кого именно, Мурад вспомнить не мог. Сколько ни напрягал память. Закрученные сверху кончики усов. Мурад невольно стал подкручивать воображаемый ус. Поискал глазами зеркало, вспомнил, что оно есть в прихожей. Глянув напоследок на старушку, повернулся, чтобы выйти, и в этот момент она вдруг открыла глаза.

— Здравствуйте, — сказал Мурад. Торопливо стал объяснять, опасаясь, что она испугается и закричит: — Я Настин друг, она вышла в аптеку, а я зашел узнать, не надо ли вам чего. Вы спите, я буду в соседней комнате. Не беспокойтесь. Я пойду.

Старуха протянула к нему руки и сказала:

— Вы вернулись! Мое кольцо! Умоляю, верните мне обручальное кольцо.

У Мурада мурашки поползли по коже. «Только этого мне не хватало», — пробормотал он, пятясь к выходу. В дверях столкнулся с девушкой.

— Привет, — обрадовался он, — как хорошо, что ты пришла. Я заглянул узнать, не надо ли чего, а теперь она требует от меня обручальное кольцо. Но я ничего не брал, клянусь мамой.

— Не переживайте, — весело сказала Анастасия, — бабушка бредит, то есть она заговаривается. Это давняя история. Идите в гостиную. Я дам ей капли и приду.

— Можно я выйду покуру на лестничной клетке?

— Нет, не надо там. Дым все равно в квартиру тянет. Я с соседями все время ссорюсь из-за этого. Идите лучше на балкон. Вы бледный. Испугались? Извините, это я виновата. Не надо было вас одного с бабушкой оставлять.

— Да что вы. Чтобы я испугался? Ничуть.

Мурад кивнул, в некотором волнении пошел по коридору и увидел дверь балкона. Он повернул ручку и вышел на свежий воздух. Вскоре к нему вышла Анастасия.

— Ну, как вы тут?

— Спасибо.

Девушка стояла рядом, он залюбовался ее красивым нежным профилем. На мгновение, потеряв самообладание, Мурад обнял ее за плечи.

— Нет, — тихо, но твердо сказала Анастасия, — пожалуйста, не надо, — Мурад убрал руку, полез за второй сигаретой. — Не надо больше курить.

— Я волнуюсь.

— Хотите я дам вам бабушкиных капель? И вы успокоитесь.

— Нет, спасибо. Мне надо капли покрепче градусом.

— У меня есть коньяк, правда, он грузинский. Я иногда его бабушке в чай капаю, чтобы она крепче спала, когда мне надолго уйти надо.

— Ничего, и грузинский сойдет. Только мне, пожалуйста, наоборот. Накапайте чай в рюмку коньяка.

— Будет вам коньяк, только уговор — всего одна рюмка.

— Как скажете. Могу вообще не пить, если вы опасаетесь.

— Мне нечего опасаться, — обронила Анастасия и вышла. Мурад смотрел ей вслед, девушка нравилась ему все больше и больше.

Он сидел на диване и смотрел на портрет царского офицера на стене. Этот человек не давал ему покоя. Анастасия принесла чайник, бутылку грузинского трехлетнего ко-

ньяка и блюдец, полное орехов.

— Пожалуйста, угощайтесь.

Анастасия открыла буфет и поставила перед ним старинную рюмку из граненого стекла.

— А вы не будете?

— Я не пью.

— Это правильно. Я тоже собираюсь бросить. Ну, ваше здоровье и здоровье вашей бабушки!

— Спасибо.

— Она меня здорово напугала, — признался Мурад. — Что это за история с кольцом? Почему она требовала его у меня? Я не обещал на ней жениться.

— Это не смешно. Но всему свое время. Вы пейте.

Анастасия стала разливать чай. Мурад выпил и спросил, указывая на портрет:

— Кто этот офицер?

— А вы не узнаете? — неожиданно спросила Анастасия.

— Хороший вопрос. Мне это лицо действительно кажется знакомым, весь вечер поглядываю. Но так и не вспомнил. В автошколе, в которой я учился, в аудитории, где стояли учебные моторы и шасси автомобилей, на стене висели портреты героев гражданской войны — Якир, Тухачевский, Блюхер и другие, человек десять-пятнадцать. Мне кажется, я видел его портрет там. У меня очень хорошая зрительная память. Так что я обязательно вспомню. Ясно, что это герой гражданской войны. Это ваш дедушка?

— Нет. Этот человек спас мою бабушку от рук мародеров и насильников в Баку во время мартовской резни 1918 года. Это я про него говорила.

— А кто кого резал?

— Армяне резали азербайджанцев. Человеку с именем Мурад надо знать такие вещи.

— Я исправлюсь, — пообещал Мурад. — А что делала ваша бабушка в Баку?

— Она поехала увидеться со своим женихом. Он служил в Кавказском корпусе в Персии во время Первой мировой войны в чине прапорщика. Был причислен к дивизии полковника Бичерахова.

— То есть это был ваш дедушка?

— Я этого не говорила.

— Но вы сказали, бабушкин жених.

— Не каждый жених доходит до венца, — голос ее дрогнул. — Бабушка приехала в Баку, сняла комнату и телеграфировала в Энзели, где квартировал корпус Бичерахова. Потому что у нее не было загранпаспорта, а то бы она и до Персии доехала. Короче говоря, они так и не встретились. К несчастью, бабушка сняла комнату в доме, где жила мусульманская семья, и потому попала в самое пекло. До этого она жила в гостинице, потом из-за дороговизны съехала на частную квартиру, поскольку жених опаздывал. Хозяина дома убили на ее глазах и двух его жен. Моя бабушка была в своей комнате, когда это происходило. На шум она вышла из своей комнаты, бросилась на помощь, пыталась защитить их, взывала к совести, к христианскому милосердию. Армяне, поначалу видя, что она русская, просто отталкивали ее. Предлагали уйти и не вмешиваться в их отношения с татарами. Но надо было знать мою бабушку. Она бросилась на них с кулаками. И они вконец рассвирепели. Тогда и ей досталось. У нее отобрали единственную драгоценность — обручальное кольцо. Двое армян собирались ее насиловать. В этот момент откуда-то возник этот офицер. Двоих он зарубил, третий убежал вместе с бабушкиным кольцом. Офицер погнался за ним. И больше бабушка офицера никогда не видела. Он не вернулся.

— Какая ужасная история. И как же вы теперь относитесь к армянам? — вдруг спросил Мурад.

— А вы?

— Я первый спросил.

— Не будем считаться.

— Я отношусь к ним нормально, у моего двоюродного брата жена армянка, я у них на свадьбе был. И кстати. Я когда-то встречался с одной девушкой армянкой, очень красивой.

— Неужели? — ревниво спросила Анастасия. — И чем же дело кончилось?

— А ничем, она предпочла мне армянина. Она сказала, что любит меня, но родители никогда не позволят ей быть с азербайджанцем. Хотя я не совсем азербайджанец. Видите, я тоже пострадал на национальной почве. Ваша очередь, как вы к ним относитесь?

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что я в армии ненавидел киргизов.

- А при чем здесь киргизы?
- Надо мной в армии издевался сержант Джумабаев, киргиз по национальности. Я встретил его после армии, хотел избить, но не смог, жалость одолела. Он стоял, тряся от страха, лепетал что-то про армейские законы. Я даже не ударил его, дал разок по щеке для приличия, и все. Поэтому я и спрашиваю, как вы относитесь после того, что произошло с вашей бабушкой, к армянам.
- Я историк.
- Для меня это неполный ответ.
- Я нейтрально отношусь ко всем национальностям, никакого значения не имеет, кто передо мной, русский, африканец или армянин.
- Несмотря на эту историю?
- Конкретно этих армян, участвовавших в погроме, я ненавижу, но моя ненависть никуда больше не распространяется. Вообще я хочу сказать следующее. Я должна была начать свой рассказ с этого постулата: национальность — это географическое понятие, это ментальность, идентичность человека той местности, в которой он родился или живет много лет. В этом смысле то, что творили в Баку люди, называвшие себя армянами, были вовсе не армяне, это были приезжие люди непонятной национальной принадлежности, потому что истинные армяне-бакинцы пытались спасти своих соседей. Странно, что мы вообще об этом заговорили. И давайте договоримся на будущее, что бы я вам ни рассказывала, не ищите никаких ксенофобских подтекстов. Речь всегда будет идти о конкретном историческом периоде.
- Вот и ладно, — согласился Мурад, — можно мне еще одну рюмку выпить? Хотя вы не подумайте. Могу сбегать за бутылкой. Или просто уйти.
- Нет, вы сегодня останетесь здесь, — беспрекословно заявила Анастасия, — вы можете выпить, но только одну рюмку. Пожалуйста.
- Мурад налил себе еще одну рюмку, заметив при этом:
- Анастасия, вы даже себе не представляете, как приятно одинокому холостяку подчиняться словам молодой красивой девушки.
- Он выпил и взглянул на часы. Стрелка подбиралась к полуночи.
- Надо ложиться спать, — поймав его взгляд, заметила девушка. — А ваша память на этот раз вас подвела. Вы не вспомнили, кто этот герой. Я могу вам помочь, — Анастасия вышла из комнаты и вскоре вернулась, держа в руках большое зеркало. Она стала рядом с портретом и приказала: — Встаньте и подойдите ко мне, — Мурад повиновался. — Смотрите в зеркало и на портрет, — поскольку на лице мужчины появилось недоумение, Анастасия протянула ему тонкую черную расческу. — Приложите это к верхней губе, — Мурад исполнил требуемое и обомлел. Он видел два изображения одного и того же человека. И в зеркале, и на портрете. — Ну как? — спросила Анастасия.
- Я же говорю, кого-то он мне напоминает. Мы здорово похожи, просто одно лицо. Такого сходства не бывает. Это фотомонтаж. Где вы раздобыли мою фотографию? Это я опять шучу, — от растерянности Мурад стал многословен.
- Я поняла. Вам рано вставать, я постелю.
- А почему погром? Я слышал про еврейский погром, но почему мусульманский? Баку — это же Азербайджан. Откуда там армяне взялись? Понаехали?
- Я расскажу, но не сейчас.
- Ну, хотя бы в двух словах, а то я не засну. А мне рано вставать.
- Странно, что вы ничего не знаете об этом. У вас в паспорте что написано?
- В каком смысле?
- В прямом.
- Я не женат.
- Это меня не интересует. В графе национальность.
- Странно, обычно всех девушек интересует семейное положение. В графе национальность написано — азербайджанец. Но это ничего не значит. У нас в союзе национальность по отцу определяется. Поэтому паспортистка так и записала. Я даже с ней поругался. Какой из меня азербайджанец. Я понимать язык стал только в армии, общаясь с азербайджанцами, служившими вместе со мной. Правда, освоил быстро, даже сам удивился. Так что ничего странного нет. Странно для меня то, что вы это знаете.
- Мой интерес понятен. Вам подробно или в двух словах?
- Давайте поступим, как в сказке «Тысяча и одна ночь», рассказывайте с мельчайшими подробностями.
- Тогда нам ночи не хватит.
- Я об этом и толкую. Кстати, вы знаете о том, что, когда Шехерезада закончила дозволенные речи, у нее уже было несколько детей.
- Даже не знаю, как быть. Указать вам на дверь или позволить объясниться.
- Ясный перец, объясниться. Не поймите неправильно. Я так шутливо выразился.
- Шутка вышла рискованная, но я вам ее зачту, так и быть. И так, что касается

появления армян в Азербайджане. Они оказались там, спасаясь от войн, которые Россия вела с Персией и Турцией. Это были беженцы. Я лучше прочитаю вам несколько документов. Не возражаете?

Анастасия вышла из комнаты и вернулась, держа в руках пухлую картонную папку с надписью «Дело».

— Дело гражданина Корейко? — улыбаясь, спросил Мурад.

— Почти, — Настя развязала папку вынула листок бумаги. — Итак, первый документ — письмо Грибоедова, который активно помогал армянам в этом переселении тогдашнему министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде:

«...Армянский архиепископ Нерсес, прибывший из Эчмиадзина, говорил мне много насчёт переселения 8000 семейств армян, которые пришли из-за р. Аракс, чтобы поселиться в наших провинциях; вследствие этого Марага, Салмас и Урмия почти обезлюдели, что для Аббас-Мирзы, согласно финансовому вычислению персов, составляет потерю в 100000 туманов ежегодного дохода, или 4 курура капитала; это его чрезвычайно огорчило. Вашему сиятельству угодно было узнать достовернее чрез меня о способах, которые были приняты к переселению армян из Азербейджана, и о нынешнем их водворении в наших областях. Армяне большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами. Не заготовлено ни леса и не отведено иных мест для прочного водворения переселенцев. Переселенцы находят сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропщут и основательно».

Кстати говоря, — сказала девушка, отложив письмо, — именно Грибоедов, бывший редактором протоколов конференции, добился включения в Туркменчайский мирный договор 1828 года, заключенный между Россией и Персией, особой статьи, позволяющей армянам покинуть Персию. За три с половиной месяца за Аракс перешли более сорока тысяч семейств. Руководил этим переселением полковник Лазарев. А вот выписка из доклада историка того времени Ивана Шопена:

«Несколько времени после заключения Туркманчайского трактата, по которому Армянская область была присоединена к России, большая часть магалов Эриванской и Нахичеванской провинций оставалась более года без жителей, которые во время войны укрывались в соседних турецких пашалыках и в неприступных горах Армянской области. В 1828 году, когда армяне, обитавшие в Азербейджане, получили позволение переселиться в пределы наши, частые их партии начали переправляться через Аракс и заняли все пустопорожние деревни, которые встречались им на марше — таким образом разместились они и завладели домами, землями, садами, мельницами коренных жителей, которые начали постепенно возвращаться только с 1829 года. Но найдя жилища свои в руках других хозяев, они просьбами и разными убеждениями склонили армян дозволить им занять небольшие участки самых невыгодных земель их селений и строить себе дома. Другие удалились в горы и в верхней и средней полосах устроили вовсе новые селения».

Английский историк и географ Джон Баделли сообщал, что после заключения Адрианопольского мира в 1829 году между Россией и Османской империей армию Паскевича при возвращении из Турции в Закавказье сопровождало около 90 тысяч армянских мигрантов. Апогея переселение армян в Закавказье достигло во время Первой мировой войны. Только лишь в ходе одного отступления русских войск от Вана в 1915 году в Эриванскую губернию переселилось более 200 тысяч армян. Таким образом, еще в начале 19 века, спасаясь от русско-иранской и русско-турецкой войн из Персии и Турции на территории Азербайджана и Грузии переселились сотни тысяч армянских беженцев. К России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства. На их месте была образована Армянская область. Вот что писал русский поэт, публицист и общественный деятель Василий Величко:

«Армянское дело в русских пределах с той поры продолжало расти неуклонно, по временам двигаясь вперед крупными скачками. По Туркменчайскому трактату в состав России вошел Эчмиадзин и католикос оставлен на правах вселенского патриарха всех армян. Православную грузинскую автокефальную церковь мы своевременно упразднили и земли ее отобрали в казну, а наряду с этим в русских пределах оказалась теократическое государство в государстве, фактически недоступное контролю и обладающее огромным авторитетом в глазах своей «политической паствы». При Паскевиче был послан в Персию полковник Лазарев для приглашения армян, которые

перешли в Закавказье в числе примерно 40000 душ. Эчмиадзинский патриарх тоже участвовал в этой комбинации: велел переселиться из Персии армянским священникам, за которыми вслед пошла и паства. По Агрианопольскому миру мы получили более 10000 турецких армян; один эрзерумский архиепископ Каранет привел до 70000. С той поры постепенное переселение армян из мусульманских государств в Россию шло непрерывно, то еле заметной струйкой, то, как за последние несколько лет, широким, стремительным потоком. Теперь, когда более или менее ясно, к каким результатам привело стремление кавказских администраторов привлечь побольше армян, немудрено вспомнить малорусскую поговорку: «купив собі біду, тай за свої гроши».

Так армяне оказались на территориях Азербайджана и Грузии.

— Я вижу у вас обширные познания в этом вопросе, — заметил Мурад, — наверное, это тема вашей диссертации.

— Может быть, но вряд ли. У меня к этому личный интерес, можно сказать, хобби. Вам уже наскучило?

— Ну, что вы, наоборот. Так бы слушал и слушал.

Девушка подозрительно взглянула на Мурада.

— Это ирония?

— Боже упаси, как бы я посмел? Можно я скажу правду? Как сказал Михаил Афанасьевич, говорить правду — просто и приятно.

— Конечно, — настороженно сказала Анастасия, — я вас слушаю.

— По большому счету, мне было бы все равно, что вы рассказываете, мне приятно просто сидеть и слушать вас. Но в данном случае это еще и познавательно. Как говорится, совместить приятное с полезным. Пожалуйста, продолжайте. Что привело к конфликту армян с азербайджанцами?

— Дело в том, что армяне, веками находившиеся под гнетом персов и турок, мечтали о своей государственности, о «Великой Армении». И у них были для этого надежды в виде посулов сначала от царя, затем от Ленина. Но они и сами не сидели сложа руки. Были созданы националистические боевые организации «Гнчак» и «Дашнакцутюн». Царская власть поначалу одобрительно отнеслась к действиям этих организаций, даже к совершаемым ими террористическим актам, поощряла, до тех пор пока они происходили на территории Османской империи. Но в 1897 году наместник царя на Кавказе князь Голицын обратил внимание царя на опасную тенденцию. Речь шла о том, что в Тифлисе и Баку армяне захватили всю власть, «слишком о себе возомнили», и «армянская церковь способствует революционизированию местного населения». Действительно, при обысках во многих армянских церквях и приходах по всему Кавказу были обнаружены тайники оружия, боеприпасов, нелегальные типографии. Узнав об этом, царь наложил секвестр на имущество армянских церквей. Был издан так называемый «Закон о конфискации имущества Армянской апостольской церкви и о закрытии армянских школ от 12 июня 1903 года». Армяне Голицыну этого не простили. 14 октября 1903 г., среди бела дня, когда он вместе с женой возвращался с прогулки в Ботаническом саду, его экипаж был остановлен тремя просителями, Голицын взял прошение, тогда один из них встал перед лошадьми, а два других вскочили в экипаж и стали наносить князю удары кинжалами, пытаясь вытащить его из коляски. Князь и его жена, как могли, палкой и зонтом стали отбиваться. На помощь подошли чины земской стражи, а затем казаки. Головерезы, отстреливаясь, стали убегать, один из них был убит наповал, а два других смертельно ранены и умерли в тот же день. От полученной раны в голову Голицын через три года скончался.

Что касается Баку, то в этом городе к началу 20 века армяне занимали третье место по численности после азербайджанцев и русских. Их интересы представлял Армянский национальный совет. Они были широко представлены в торговле, в финансах, ремеслах, были посредниками, поставщиками. Армяне сумели захватить лучшие нефтеносные районы Баку и возглавляли Союз нефтепромышленников. Почти все места в государственных учреждениях были заняты армянскими конторщиками, счетоводами и прочими служащими. Они занимали ведущие места во всех органах власти. Даже градоначальником Баку становился армянин. Революцию они приняли с большим воодушевлением. В ноябре 1917 года Бакинский совет народных депутатов во главе с Шамяном объявил себя единственной властью в городе, подчиненной Совнаркому, а Бакинскую губернию — частью Советской России. Противопоставив себя Бакинской городской Думе, где главную роль играла партия азербайджанских националистов «Мусават», выступавшая за независимость Азербайджана от России. Большевистскую организацию в Баку на семьдесят процентов составляли армяне. Ленинский декрет о «Турецкой Армении» от 29 декабря 1917 года объявил армянскому народу о праве на создание своего государства на территории временно оккупированной турецкой территории. Однако ликование армян было недолгим, на Брест-Литовских переговорах

Россия признала за Турцией захваченные ранее районы Батум, Карс и Ардоган, где и предполагалось создание «Великой Армении». У самих армян сил для претворения в жизнь этой идеи не было. Россия же была охвачена гражданской войной, хаосом и анархией. Но в Баку цели армянских националистов и большевиков сошлись. Ленину нужна была нефть, а армянам государственность. Шаумян в газете «Бакинский рабочий» открыто заявил, что мусаватисты, желающие независимости Азербайджана, получат в итоге груды развалин... И на сегодня достаточно. А теперь я постелю вам. Утром будете уходить, просто прикройте дверь, там английский замок.

Оставшись один, Мурад разделся, костюм повесил на деревянную вешалку в виде фавна на углу диванной спинки, такая же была с другой стороны, а может, это были не вешалки, а украшения, еще раз посмотрел на портрет на стене. Вновь подивился сходству и выключил свет.

* * *

Когда он открыл глаза, в окно из-за штор пробивался солнечный свет. С мыслью о том, что он опоздал на работу, Мурад вскочил и торопливо стал одеваться. «Теперь, как дурак, попрусь в хорошем костюме в таксопарк», — подумал он. Коричневую чешскую тройку он брал из-под полы с переплатой. Единственный выходной костюм, можно сказать, пасхальный. Надо будет сразу заехать домой, переодеться, благо недалеко, от «Автозаводской» до «Нагатинской» рукой подать, один перегон. Галстук надевать не стал, ребята засмеют, сунул его в карман и, стараясь не шуметь, вышел из квартиры и в растерянности остановился. Он оказался в длинном коридоре гостиничного типа, по обе стороны лиловели двери комнат. Почему-то он напрочь забыл, как выглядела лестничная клетка. Мурад спустился на первый этаж. За стойкой стоял зевающий консьерж, набриолиненный смуглолицый малый с закругленными усиками. Такого красавца он бы точно отметил. Значит, вчера его не было на месте. В голове возникла запоздалая мысль вернуться в квартиру, но он вспомнил об английском замке. Обратного не войдешь, придется звонить, неудобно как-то. За спиной консьержа был шкафчик с ячейками для ключей. Увидев Мурада, консьерж поклонился и сказал с явным южным акцентом:

— Доброе утро, сударь. На прогулку? Отличная сегодня погода.

Мурад кивнул в ответ. На столике лежали газеты. Бесплатные газеты он брал везде. Очень удобно класть под ноги в машине, впитывают воду, и ботинки не промокают от талого снега.

— Можно взять? — спросил он.

— Конечно, дорогой, возьмите, пожалуйста.

Сунув газету в карман, Мурад вышел на улицу и зажмурился от яркого солнца. Весна в этот год была ранняя, снег в городе почти растаял. Но все равно слишком тепло для марта. Привыкнув к дневному свету, Мурад огляделся, пытаясь сообразить, в какой стороне находится метро. В этот ранний час на улице никого почти не было. Наконец, он остановил прохожего, дивясь его внешнему виду — черкеска с газырями, высокие сапоги и кинжал на поясе.

— Простите, в какой стороне метро?

— Ала, какой метро, — на ломанном русском ответил прохожий, — не знаю никакой метро.

«Ох уж эти гости столицы, — раздраженно подумал Мурад, — разгуливают, как у себя в ауле, еще бы саблю прицепил, идиот, и куда милиция смотрит?»

Он пошел наугад, ибо совершенно не мог сориентироваться, в какой стороне находится Ленинградский проспект. И домов вокруг он не узнавал. Анастасию он провожал вечером, шли уже в сумерках, он был больше занят девушкой и разговором. Но точно помнил, что ее дом находился между «Соколом» и «Аэропортом», ближе к «Соколу». Мурад посмотрел на часы, на работу он безнадежно опаздывал. Он пошел прямо, никуда не сворачивая, надеясь выйти к метро, но дорога почему-то раздваивалась. По правой стороне улицы шли трамвайные рельсы. «Все правильно, трамвай идет из Тушино», — заметил он. Пока размышлял над тем, в какую сторону пойти, сзади раздался звон, грохот. Он едва успел отскочить, чтобы не попасть под трамвай. «И вагон какой допотопный, — отметил Мурад, — и где только откопали?»

Пошел по левой стороне и вышел к морю. Прямо перед ним была набережная. Он стоял, подставив вспотевший лоб сильному морскому ветру, догадываясь, что стал жертвой розыгрыша, прямо Степа Лиходеев. Только вот кто выступил в роли Воланда? Ладно, дом, гостиница, этот нерусский приезжий, но море в Москве откуда? Может, он в Можайске? Улица за его спиной постепенно наполнялась народом, и люди были в большинстве своем нерусские. Мурад услышал азербайджанскую, армянскую и русскую речь, в воздухе сильно пахло мазутом. Но ближайший вокзал, откуда мог исходить подобный дух, был Белорусский, не так уж близко. Если только ветер с той

стороны, топить в вагонах еще не закончили. «А море? Может быть, это сон? — с надеждой подумал Мурад и облегченно вздохнул. — Ну конечно же сон».

В этот момент на набережной он увидел девушку. Это была Анастасия. Она была одета, как русская барышня с иллюстраций к романам Тургенева, длинная юбка в пол, накидка, шляпка. «Ну что же, — подумал Мурад, — не наяву, так во сне у нас что-то будет». Он подошел к ней и сказал:

— Привет, — видно, ветер унес его слова, потому что она посмотрела на него строго с холодным недоумением. — Здравствуйте, — громче произнес Мурад, — давно не виделись.

— Прошу прощения, — ответила удивленно девушка, — разве мы знакомы?

— Ну как же, — настало время удивляться Мураду, — вчера вечером я был у вас в гостях.

— Простите, не понимаю. Вы меня с кем-то путаете.

«Нет, так нечестно, — подумал Мурад, — чтобы во сне не узнавать, это слишком. Что же, мне заново перед ней бисер метать?» Однако он вдруг понял, что это не Анастасия. Очень похожая на нее девушка, но не Анастасия.

— Простите мне мою нескромность, — заговорил Мурад, — кажется, я действительно ошибся. Но вы так похожи на одну девушку. А как вас зовут?

— Это что, новый способ завязывать знакомства? — бросила девушка.

— Не такой уж и новый, — заметил Мурад, — но я говорю правду. Я спутал. Простите.

— Бог простит, — ответила незнакомка.

«Ну ладно, — вполголоса произнес Мурад, — знать, не судьба. Пойду себе, солнцем палимый или, лучше, ветром гонимый. Куда, интересно, меня занесло?» Он повернулся, чтобы уйти, и тут увидел вдали по левую руку средневековое сооружение, башню, чей силуэт был ему почему-то знаком.

— Простите, великодушно, — сказал он, — как называется этот город?

Девушка бросила на него недовольный взгляд.

— Я вижу, что вы никак не уйметесь, сударь.

«Сударь», — повторил про себя Мурад и вслух произнес:

— Скажите, как называется эта башня, и я уйду.

— Это «Девичья башня». Можете идти.

Мурад, вдруг сообразив, полез в карман за газетой. Она называлась «Бакинский рабочий». «Я в Баку, — осознал Мурад, — это потрясающе. Какая у меня чувствительная натура. Стоит на ночь послушать историю, как она мне сразу снится. *И в кого такой я уродился, прямо удивляю всю семью. Стоит только в девушку влюбиться...* Но куда же я пойду во сне, я и города-то не знаю. Надо все-таки с ней познакомиться».

— Послушайте, — сказал он, — надо нам познакомиться.

— С какой стати?

— Я вижу, что вы приезжая. Одна в чужом городе. Я тоже один в чужом городе. Надо держаться друг друга. Что такого предосудительного в нашем знакомстве?

— Потому что мне это не к лицу — заводить знакомства с мужчинами. Я обручена.

Девушка показала ладонь с золотым обручальным кольцом на безымянном пальце.

— Поздравляю. Но что случится, если вы поговорите с соотечественником? Мир рухнет?

— Я вижу, мне легче назвать свое имя, чем втолковать, почему я не хочу этого делать.

— Это логично, целиком и полностью согласен с вами. Итак!

— Елизавета Петровна меня зовут.

— Очень приятно. А я Мурад. Вы случайно не из Москвы?

— Да, — удивилась барышня, — как вы догадались?

— Просто так сказал, наугад. Вы похожи на одну мою знакомую в Москве. Вчера с ней познакомился.

— Так вы, значит, каждый день знакомитесь с девицами таким способом?

— Нет, честное слово, просто совпадение, да я сам из Москвы.

— Простите, как вы сказали, Мурад, а дальше, по батюшке?

— По батюшке не надо, да я его и не помню совсем.

— Странное имя для москвича, хотя вы, наверное, татарин?

— Ну почему сразу татарин, в столице всякого люда хватает.

— Москва не столица.

— Ну конечно, — с иронией произнес Мурад, — Баку — столица, Москва — нет.

— Баку точно не столица, южная окраина Российской империи. И Москва не столица, странно, что вы, живя в Москве, не знаете таких вещей. Столицей числится Петроград и давно уже.

— Ладно, здесь я спорить не буду, но я москвич, клянусь. Мы земляки.

— Возможно, местного говора у вас нет. Но вы узнали название башни и мое имя, а теперь должны сдержать свое слово.

— То есть уйти?

— Вы догадливы.

— Вы шутите, — заметил Мурад, видя, что девушка пытается сдержать улыбку. — Можно я еще немного постою здесь? Я так одинок в этом городе, а рядом с вами будто дома.

Она пожала плечами.

— Жалостью вы меня не проймете, а впрочем, стойте, если хотите. Набережная не моя, общественная.

После недолгого молчания Мурад спросил:

— Ваш жених моряк?

— Почему вы так решили?

— Вы ждете своего жениха, стоя на берегу, глядя в море.

— Мне сказали, в той стороне Персия. Он там служил, в корпусе генерала Бичерахова. Со дня на день должен прийти пароход, он приплывет на нем. Я приехала в Баку, чтобы встретиться с ним.

— Ну, что же, Елизавета Петровна, я рад за вас. И рад знакомству. Не буду вам мешать. Ухожу, как обещал.

Барышня взглянула на него и впервые за время разговора улыбнулась.

— Всего хорошего.

Мурад сделал несколько шагов и был остановлен вооруженными людьми. Их было трое, у двоих из-за плеч выглядывали штыки винтовок, а у третьего на поясе висела кобура. И это были армяне. В армии Мурад научился различать эти два народа безошибочно. Хотя внешне выглядели похоже, но что-то было в глазах, то, что отличало армян от азербайджанцев.

— Ха ес¹? — спросил один из них.

— Че ахпер, — ответил Мурад, — папуасем².

С минуту царило настороженное молчание. Первым расхохотался старший патруль. Что-то пояснил по-армянски своим товарищам, и те тоже засмеялись.

— Шутник, — сказал он Мураду по-русски, — молодец, гуляй пока. Сегодня еще можно.

Когда они ушли, Мурад пожалел, что он не заехал кому-нибудь по роже. Во сне ведь все можно. Армян он почему-то недолюбливал, без причины. Возможно, это было что-то генетическое, раз когда-то была резня, кто знает? Обернувшись, он увидел, что барышня с любопытством смотрит в его сторону.

— Что вы им сказали, почему они рассмеялись?

— Пустяки, это армейская шутка.

— Вы говорите по-армянски?

— Нет, знаю несколько слов. Служил с армянами.

— Мне они все не внушают доверия, и те, и другие, — вдруг произнесла девушка.

— Вообще, вы знаете, у меня какое-то тяжелое предчувствие. Эту стихию уже не остановить. Уж скорее бы приехал Сережа. Боюсь здесь оставаться. Я сегодня уже была на пристани, парохода все нет.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Нет, чем вы можете помочь? Просто вырвалось. Впрочем, если говорить о помощи, вы сейчас в какую сторону идете?

— Да мне все равно куда идти. Вас проводить? — с готовностью отозвался Мурад.

— Только если нам по дороге. Я не хотела бы вас утруждать. Вы в самом деле из Москвы? Где вы живете?

— В Коломенском.

— Вы живете в деревне?

— Почему же. Это находится в черте города.

— И вы так странно одеты.

Мурад оглядел свой чешский костюм.

— А что странного. По последней моде, брюки с манжетами, сейчас так носят, а галстук у меня в кармане.

— Возможно. Я не слежу за модой. Простите. Я не должна была вам этого говорить. Просто вы производите странное впечатление. Но у меня нет причин в вас сомневаться. Пойдемте. Я каждый раз боюсь заблудиться. Я живу в гостинице «Дагестан». Мне сказали на пристани, зайти еще после обеда. Возможно, пароход придет. Я думала подалее погулять по набережной. Но ветер усиливается, лучше я буду в гостинице. Ну,

¹ Армянин (арм.).

² Нет, брат, я папуас (арм.).

идемте. Что же вы стоите?

Мурад повиновался. Весь короткий путь они проделали молча. То есть поначалу Мурад пытался говорить, но барышня отвечала односложно, рассеянно, и Мурад оставил ее в покое, шел, читая названия улиц. Они пересекли набережную, пошли по Торговой улице и вышли на Великокняжеский проспект, который, в свою очередь, вывел их на небольшую площадь.

— Это Парапет, — сказала барышня. — В том переулке моя гостиница. Дальше меня провожать не надо. Я вам очень благодарна, мерси.

— Всего хорошего, — сказал Мурад, — желаю вам счастья и долгих лет жизни, — барышня улыбнулась и повернулась к нему спиной, стала уходить. Мурад сказал ей вслед: — Не желаете ли отобедать со мной?

Она, не оборачиваясь, покачала головой. «Ну и ладно, — подумал он, — была бы честь предложена. Пойду и я к себе в гостиницу. Лягу спать в этом сне. И тогда проснусь уже в Москве. Историческая родина — вещь, конечно, хорошая, но что-то все затянулось». Он стоял и смотрел на удаляющуюся фигуру, пока она не скрылась в переулке. Затем вернулся на Великокняжеский проспект, где путь ему преградил зазывала. Он стоял у дверей ресторана.

— Заходите покушать, уважаемый. Уже время обеда. Почему мимо идете?

— Нет, спасибо, — отказался Мурад.

— Какой спасибо, если вы еще ничего не попробовали. Заходите, разве вы еще не голодны?

После этих слов Мурад вдруг почувствовал, что он, в самом деле, зверски проголодался. Чувствовать голод во время сна — в этом было что-то противоестественное.

Мурад подчинился зазывале, тот провел его в зал. Усадил у стеклянной витрины, а сам исчез, даже не приняв заказ. Но вскоре появился официант с подносами, с которых на стол перекочевали громада маленьких тарелочек: зелень — кресс-салат, редиска, зеленый лук, острый и сладкий перец; закуски — сыр, соленья, черная икра и масло. На деревянной лопатке лежал пышущий жаром хлеб, только из тандыра.

— Разве я это все заказывал? — поинтересовался Мурад.

— Дорогой мой, сначала надо закусить, — пояснил официант, — нельзя сразу приступить к основному блюду, желудок надо подготовить.

«Интересно, за чей счет банкет? — сказал себе мрачно Мурад. — Хотя чего я беспокоюсь, если все это сон. Да и деньги у меня есть». В его бумажнике лежала десятирублевая царская ассигнация, он носил ее как талисман таксиста, чтобы чаевые не переводились, на счастье, предчувствовал, одним словом.

— Но мы можем все это убрать, — предложил официант.

— Не надо, оставь, — сказал Мурад, — а выпить у вас есть или у вас сухой закон?

— Нет, дорогой, наш закон — это желание клиента. Что вы будете пить? Есть домашнее вино грузинское, «Тестовский» коньяк и русская водка.

— А вы что посоветуете?

— А это на ваш вкус. Вино «Киндзмараули», полусладкое, коньяк «Тестовский» делают, на самом деле армяне. А водка натуральная русская, казенная, как говорится.

— Давайте водку. Тем более, что я вижу на столе соленые огурцы.

— Да, уважаемый, это молоканский засол. А что кушать будете? На первое могу предложить пити, бозбаш, борщ, довга, дюшпара.

— А бозбаш — это что?

— Бозбаш — это все для азербайджанца. Это и первое, и второе. Но порция маленькая, поэтому советую второе тоже взять. На кебаб у нас есть телятина, баранина, осетрина, сердце, печень, легкое, джыз-быз, хаш.

— Нет-нет. Ни джыз-быз, ни хаш не надо — воспротивился Мурад.

Как ни странно, но эти два экзотических блюда он пробовал и запомнил на всю жизнь. Армейский товарищ, азербайджанец, тот самый, по чьей просьбе Мурад связался с продавцами цветов, приехав в Москву, разыскал кооперативное азербайджанское кафе и повел туда Мурада. Как выяснилось из небольшой гастрономической лекции — хаш едят поутру. Его подают с семи до девяти утра. Тот, кто его поел, весь день не чувствует голода. Вообще это еда бедняков — поденщиков. Хаш варят из телячьих ног и головы, а джыз-быз готовят из кишок. То есть из всего того, что богатые люди выбрасывают или отдают беднякам. Перед Мурадом стояла пиала с бульоном, в котором плавали зеленовато-желтые медали жира. Рецепт дошел из средневековья, а может, из глубин древности с небольшим, но существенным дополнением. Поэтому Мурад удивился, когда на столе оказалась бутылка водки. «Без этого хаш уже никто не ест, — пояснил приятель. — Ну, давай, за встречу». — «А потом говорят, мусульмане не пьют», — сказал Мурад, поднимая стопку. «А мы и не пили, — возразил Исмаил, — пока большой русский брат не научил нас этому, — и посоветовал: — Ты сыпь туда побольше соли, перца, сумах можно, а главное, чесночный соус не жалей». Они выпи-

ли, стали закусывать. Но здесь вышла накладка, несмотря на все ухищрения, обильно одобренный специями хаш в горло не пошел. Мурад с трудом заставил себя проглотить ложку густого жирного варева. Сильный нутряной вкус отбивал всякое желание есть знаменитое блюдо. Между тем тосты следовали один за другим, а закусывать, кроме хаша, было нечем. В 8 часов 30 минут Мурад был пьян и голоден до безобразия, то есть наоборот. С тех пор он зарекся есть хаш.

— А ведь время есть хаш уже вышло, — проявил осведомленность Мурад.

— Молодец, знаете, что к чему, — похвалил официант. — Так что принести?

— Бозбаш принеси. Раз он все для азербайджанца. А на второе можно люля-кебаб.

— Люля не советую, — несколько понизив голос, сказал подавальщик, — слишком много хлеба в фарш кладут. Возьмите лучше кебаб из осетрины. Ее ничем нельзя испортить.

— А осетрина первой свежести? — невпопад пошутил Мурад, но подавальщик шутки не принял, укоризненно цокнув языком, ушел.

Мурад взял с тарелки листик кресс-салата и стал жевать его. Его тут же проняло, аж в нос ударило. Этот сон беспокоил его все больше своей реалистичностью. Ресторан был почти пуст. Через витрину виднелась улица, по которой в разные стороны шли люди, большей частью вооруженные. «Что-то затевается», — подумал Мурад и совершенно не удивился этой мысли. Пришел подавальщик. На подносе стоял стеклянный графинчик, заледеневший от холода. Рядом с графинчиком появилась тарелочка со стопкой чебуреков.

— Это подарок от шефа, — сказал официант, — гутабы с зеленью, мясом и сыром на закуску. Пока бозбаш приготовится, чтобы было чем закусить.

«Рановато, конечно, для водочки, — сказал себе Мурад, его командирские часы показывали ровно одиннадцать, — но, как говорится, магазины в Москве уже открылись, а на работу я все равно уже не попаду. Черт, какая работа, я же сплю».

Он выпил наполненную официантом стопку, закусил кресс-салатом. Недолго думая, накатил еще одну. Водка пиалась натурально, как наяву. Тут подоспел подавальщик с дымящимся бозбашем. В небольшой пиале Мурад увидел большую фрикадельку, наполовину залитую прозрачным янтарным бульоном, картофелину и горох на дне. Подавальщик наполнил рюмку из графинчика.

— Приятного аппетита, — сказал он, — только я советую сначала закусить гутабом, а потом перейти к бозбашу.

Подавальщик ушел. Мурад поднес рюмку ко рту и медленно выпил. Обычно он не жаловал водку, пил, только когда деваться было некуда. Например, на работе после смены на троих. Но эта водка сопротивления не вызывала. Была мягкая и пиалась легко. Он выдохнул, подцепил огурчик молоканского засола, сжевал, думая, что подмосковный засол все же получше будет. Затем, послушавшись совета, взялся за гутабы. Налил себе еще одну рюмку, выпил, глядя в окно. В основном проходили военные — солдаты, матросы или просто вооруженные люди. «Может быть, кино снимают», — подумал Мурад. Он вытащил из кармана газету. На первой полосе по-прежнему стояло название «Бакинский рабочий» и дата — 18 марта 1918 года. Ниже в качестве передовицы было напечатано воззвание к трудящимся г. Баку от Бакинского совета большевиков. Пытаясь осмыслить эту информацию, Мурад выпил еще одну рюмку. Читать передовицу он не стал. Тем временем ресторан наполнялся людьми, слышалась русская и армянская речь, мусульман почти не было, не считая его самого, наполовину азербайджанца. У Мурада отчего-то стало портиться настроение. Он выпил еще одну рюмку, увидел подавальщика и поманил его.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Рустам.

— Послушай, Рустам, почему азербайджанцев нет? Только русаки и армяне.

Вопрос почему-то Рустама озадачил. Он оглянулся, наклонившись, понизив голос, сказал:

— Боятся. Говорят, армяне что-то готовят. Многие уезжают, если есть куда.

— А ты?

— А мне некуда. Осетрину нести?

— Я еще бозбаш не попробовал.

Трое армян за соседним столиком громко переговаривались, то и дело смеясь. Мурад взглянул в их сторону раз, другой, встретился взглядом с одним из них, и тот сказал:

— Ара, что смотришь, что надо? — Мурад отвернулся, сосредоточился на закусках, он призывал себя к спокойствию. — Ара, я с тобой разговариваю, глухой, что ли? — не унимался армянин.

— Вы ко мне обращаетесь? — поинтересовался Мурад, молчать далее означало проявлять малодушие.

— К тебе, — подтвердил армянин.

— Не надо мне тыкать, я с вами свиней не пас, — заметил Мурад.

Эта грубость цели не достигла, напротив, компанию почему-то развеселила. Они заулыбались.

— Ара, конечно, не пас — воскликнул задира. — Турки же свинину не едят. А что ты смотришь на нас, может, мы тебе мешаем? Так ты скажи, не бойся.

— Если можно, ведите себя потише, — сказал Мурад, — не шумите, не мешайте другим.

Просьба армян крайне удивила.

— Э-э, — сказал один из них, — а мы вам что, кушать помешали, ложку отобрали? Мы же не в театр пришли, чтобы тихо сидеть.

— Вы мне думать мешаете, — сказал Мурад.

— Ара, ты откуда такой наглый взялся? Турок недорезанный. Доедай свой обед и иди отсюда, пока цел.

— Турок недорезанный — твой отец, — возразил Мурад, — и твой дед. Заткни свою пасть, пока я ее не заткнул.

После этих слов двое встали и двинулись к нему. Третий остался сидеть, с улыбкой наблюдая происходящее. Мурад поднялся навстречу, уже не сознавая, что делает. От удара ближайшего армянина он уклонился и ударил сам, разбив ему нос. Удар второго пропустил, и тот заехал ему в скулу вскользь, посему особого вреда не причинил. Первый армянин стоял, закрыв лицо руками, из-под пальцев видна была кровь. Мурад увидел, что второй тащит из кармана револьвер, схватил стул и что было сил опустил ему на голову. Вырвал револьвер из-за пояса упавшего. В зале поднялся шум, слышались армянские ругательства. Надо было уходить, но дорогу к выходу преграждали несколько чернобородых мужчин. В этот момент Мурад увидел, как подавальщик делает ему знак, показывая на завешенную соломенной циновкой дверь. Видимо, там был служебный выход, и путь к нему был свободен. Мурад в несколько прыжков преодолел его и скрылся за циновкой. Проскочив коридор, заставленный продуктами, он оказался в переулке, где его встретил Рустам.

— Сколько я должен? — тяжело дыша, спросил Мурад.

— Беги, потом сочтемся, — сказал Рустам и добавил вслед: — Красавчик!

Мурад пробежал до конца переулка, повернул направо в сторону моря. Затем еще направо и оказался в начале Великокняжеского проспекта. Отсюда дорогу до гостиницы он помнил.

К счастью, портье еще не сменился, улыбнулся и приветствовал, как старого знакомого.

— Забыл, в какой стороне мой номер, — сказал Мурад.

— Я вас провожу, — вызвался портье. Он проводил его до комнаты, открыл дверь.

— Как называется ваша гостиница? — спросил Мурад.

— «Дагестан», — ответил портье и ушел.

«Значит, она где-то здесь, — подумал Мурад, — мы живем в одной гостинице». Он закрыл за собой дверь, подошел к черному кожаному дивану, сунул револьвер под подушку. Лег, закрыл глаза и сразу же открыл. У него кружилась голова. Он повернулся на бок и лежал так, пока сон не сморил его.

Глава 2

Когда Мурад проснулся, было еще темно. Минуту он лежал, осмысливая, где он находится. Свет уличных фонарей проникал в комнату. Увидев портрет на стене, Мурад сообразил, наконец, в чем дело, и облегченно вздохнул. В следующий момент он, выпростав руку, взглянул на светящийся циферблат наручных часов, чертыхнулся и стал торопливо одеваться. Уходя, не удержался, чтобы не заглянуть в соседнюю комнату. Анастасия спала на раскладном диване, разметав волосы по подушке.

На работу он опоздал минут на сорок. Диспетчер Марина укоризненно посмотрела на него, но, ничего не сказав, выдала путевку. Но в наказание одела его копеечным заказом. Подача на Мытную, ехать на Павелецкий вокзал. В итоге он в графике опаздывал на два часа, минус десять рублей, ибо каждый час по плану должен был зарабатывать для государства пять рублей. Правда, на вокзале ему повезло больше. Взял клиента в аэропорт «Домодедово». Так что заехать домой и переодеться ему не удалось. В аэропорту стоянка была переполнена свободными таксомоторами. Мурад поставил машину в стороне, подошел к контролеру, пожал ему руку, вложив в нее три рубля. Процедура была отработана. Контролер подавал руку не иначе, как клешней, чтобы смять купюру. Иногда хотелось поздороваться просто, без задней мысли, а тот все равно делал ладонь лодочкой, выходил конфуз, поэтому, если просто поздороваться, руки

уже не подавали. Заплатив, таксист мог спокойно искать себе клиента у выхода, где толпились пугливые провинциалы, и их *пасли* так называемые *аэродромщики* — таксисты, которые работали только между аэропортами. Они платили контролерам 15 рублей за смену в каждом аэропорту, где собирались работать. Но и заработки их были несоизмеримые. Так, из Домодедово в Шереметьево счетчик пробивал 18-20 рублей в зависимости от того, в какую сторону по МКАД ехать. Если водитель брал четырех пассажиров, то с каждого причиталось по двадцатке. Итого восемьдесят рублей за час, за одну поездку. Не каждый министр зарабатывал такие деньги в советское время. Но чтобы работать *аэродромщиком*, надо было иметь наглость и не иметь совести. У Мурада все было наоборот. Поэтому, схватив первого попавшегося пассажира, направлявшегося к стоянке такси, он посадил его в свою машину и был таков. В дальнейшем день сложился удачно. План сделал досрочно, чаевых набралось около червонца, что считалось нормой. Он вернулся в гараж раньше времени, прогнал машину через мойку и только после этого отбил время на путевке и сдал деньги. Выйдя из диспетчерской, постоял немного в раздумье. Двое таксистов из его колонны делали ему призывные знаки, показывая ему три пальца. Но Мурад отрицательно качнул головой и направился было к автобусной остановке. Но его окликнул один из водителей.

— Слышь, парень! Кажись, тебя контролер зовет?

Мурад посмотрел в сторону ворот. В самом деле, татарин Ринат махал ему рукой. «Может, время не то отбил», — забеспокоился Мурад. Часы, фиксирующие время въезда и выезда таксистов, а это было основой основ контроля за водителями, всецело находились в руках контролеров. Они скручивали механизм и пробивали любое время по просьбе водителя, за деньги, разумеется. Существовала такса, один час стоил 50 копеек. Иногда из-за этого бывали курьезы, забывали поправить колесико. Но на сей раз дело было не в этом. Рядом с контролером стояла девушка, и он указывал ей на Мурада.

Эта встреча была полной неожиданностью.

— Привет, — сказал Мурад, — как я рад вас видеть снова. Вам понадобилось такси или я?

— Я иногда езжу в бассейн на «Автозаводской», — ответила Анастасия, — хотя бассейн так себе. Наши ездят в «Чайку», но сюда мне удобно, прямая линия.

— Я знаю. Сам иногда туда хожу. Как вы узнали, где я работаю?

— На «Автозаводской» только один таксопарк. Решила зайти, уж коли я здесь, осведомиться, как вам спалось? Говорят, на новом месте приснится жених невесте или наоборот. Телефонами мы не обменялись.

— Отойдем, — предложил Мурад.

— Да, конечно, вы ведь куда-то шли.

— Вообще-то я шел домой. Может быть, теперь поедем ко мне?

— Это неудобно, я же девушка.

— Я дам вам слово, что с вами ничего не случится. Слово джентльмена. Правда, у ворот таксопарка это звучит неестественно, но тем не менее.

— Полагаюсь на ваше слово, — согласилась Анастасия. — Нам куда?

— На автобус. А кто сидит с бабушкой?

— К нам ходит патронажная сестра. Беспокоитесь за нее? Спасибо.

— Проявляю участие. Как, вы сказали, ее зовут?

— Елизавета Петровна. Кажется, вчера вы говорили мне ты.

— Много воды утекло с тех пор. Робею.

Анастасия засмеялась.

Они перешли дорогу, сели в автобус на конечной остановке, напротив проходной завода им. Лихачева. Свободных мест было вдоволь, сели над колесом, повыше. Молчали, пока ехали по «Автозаводской», разворачивались на площади, выезжали на Пролетарский проспект.

— Живописные здесь места, — заметила Анастасия, глядя по сторонам. Автобус поднимался на метромост, под которым текла река. — Я всегда считала, что жить можно либо в центре, либо на «Соколе». А теперь вижу, что ошибалась.

— Из моей квартиры открывается вид еще лучше.

В квартире Мурад подвел девушку к окну, выходящему на Коломенское.

— Потрясающе! — сказала она. — Ради такого пейзажа можно жить на окраине. И река тебе здесь, и церковь, и колокольни, и вообще красота. А что там дальше за рекой?

— А за рекой как раз и есть окраина. Это микрорайон Орехово-Борисово. А у нас здесь до центра всего пятнадцать минут... Сударыня, у меня есть курица, но с ней долго возиться. Я приготовлю яичницу с колбасой и луком.

— Яичницу вы сами себе готовить будете, а раз я здесь, то я вам приготовлю цыпленка табака.

Когда на тарелке лежал распластанный подрумяненный цыпленок, Мурад сказал:
 — Грешно есть такую закуску помимо водки, — он полез в морозилку и вытащил заледеневшую бутылку. — Выпьете со мной?

— Боже упаси.

— А я слышал, что девицы в дворянских семьях охотно пили водку.

— Вот они и довели страну до ручки... Вы мне расскажете свой сон?

Мурад наполнил рюмку ледяной тягучей жидкостью, пожелал девушке здоровья, выпил.

— Знаете, — морщась от водки, сказал он, — мне снился очень странный сон. Будто бы я оказался в Баку того времени. Думаю, что не иначе, как под воздействием ваших рассказов.

— И что же там происходило в вашем сне? — живо спросила Анастасия.

— Можно я закушу сначала? А то на пустой желудок в голову ударит, приставать начну.

Анастасия терпеливо ждала, пока Мурад закусывал.

— Ну рассказывайте наконец, — взмолилась она, — это невыносимо, нельзя так медленно есть.

— Да, собственно, ничего особенного не было. Я гулял по набережной, разговаривал с одной девушкой, кстати, она была похожа на вас. Это тоже объяснимо. Ваш светлый образ. Я заснул, думая о вас.

— Что было потом? — нетерпеливо спросила Анастасия. — Вы с ней познакомились? Как ее звали?

— Ее звали Елизавета Петровна. Как вашу бабушку. Но это тоже объяснимо. Я вообще люблю объяснять сны. Мне надо было стать психоаналитиком. Потом я пошел в ресторан, выпил водки и подрался с армянами. Они сидели за соседним столиком.

— Вы уверены, что это были армяне?

— Ну, кто же еще. После тех страстей, что вы мне рассказали на ночь. Зло, естественно, должны олицетворять армяне.

— И что было дальше?

— Я им накостылял, отобрал револьвер и убежал.

— Так вы думаете, что это был сон?

— А вы думаете иначе, — с сарказмом произнес Мурад. Он ожидал улыбку на лице Насти, но она серьезно сказала:

— Вам, наверное, тоже досталось в той драке.

— Один из них задел меня по лицу.

— Эта ссадина у вас на лице после той драки осталась, — Анастасия извлекла из сумочки карманное зеркальце и поднесла к лицу Мурада. — Вчера вечером ее не было.

— Приложился где-то. Да ладно. Вы это бросьте. Я мебель часто вожу, недавно помогал грузить диван, клиента взял у мезельного. Я там пасусь частенько. Червонец сшибешь, а потом от тротуара работаешь. Просто на чайниках много не зарабатываешь.

— Вчера вечером у вас ее не было, — повторила Анастасия.

— Ну ладно. Не было, так не было. Значит, сегодня где-то приложился и не заметил. Или у меня провалы начались в памяти. Знаете анекдот? Больной приходит к доктору и говорит: «Доктор, у меня провалы в памяти». — «И давно это у вас?» — «Что?» — «Провалы». — «Какие провалы?» Смешно, правда?

— Очень, — сказала Анастасия. — Я поеду. Спасибо за гостеприимство.

— Как это поеду. А разве вы не останетесь ночевать?

— Это с какой стати?

— Ну, как же. Сначала мы у вас. Теперь вы у нас.

— Ну что вы. Я девушка незамужняя, это неприлично.

— Может быть, все же останетесь? Мы можем в парке погулять.

— Меня бабушка ждет.

— Ах да, я все время о ней забываю.

Мурад проводил девушку до метро, затем спустился с ней на станцию. Затем сел вместе с ней в поезд. Вышел у метро «Аэропорт». Возле ее подъезда стал прощаться.

— Даже не зайдете? — спросила Анастасия.

— А можно?

— Конечно, мне будет неловко, если вы сейчас, проделав такой путь, уйдете. Пойдемте, я угощу вас чаем.

Патронажная сестра встретила Настю упреками, смерила Мурада строгим взглядом и ушла.

— Идите в гостиную, — сказала Анастасия, — я с бабушкой управляюсь и приду.

Мурад прошел в комнату и сел на диван. Вскоре пришла Анастасия, принесла чай и варенье.

— Как бабуля?
— Хорошо. Только я просила не называть ее бабулей. Она не терпит фамильярности.

— Но она же не слышит.
— Все равно не надо. Без обид, ладно? Знаете, несмотря на то что я рафинированная интеллектуалка...

— Это болезнь? — сочувственно спросил Мурад. Анастасия засмеялась.

— Это не болезнь. Это состояние. Но 1:0 в вашу пользу. Я просто хочу сказать, что обычно меня коробят эти мужичкие прибаутки, но из ваших уст совсем другое дело. Даже интересно.

— Я польщен. А там, в бутылке, еще осталось что-нибудь? Я имею в виду коньяк.

— Я поняла. Вы хотите выпить?

— Ненавижу эту еврейскую манеру отвечать вопросом на вопрос. Если бы я был еврей, то сейчас сказал бы: а вы как думаете? А вы бы ответили: не знаю, что и думать.

— Вообще-то это не еврейская манера. А просто женская. Женщины так тянут время, чтобы понять, не кроется ли в вопросе подтекст. Нам, женщинам, вообще жить сложно. Как говорится, бытие определяет сознание. Однако должна заметить, что это было грубо, ваша тирада.

— Простите, я человек прямой. А мои прибаутки проистекают от среды. Как говорится — с кем поведешься, от того и наберешься. Бытие определяет сознание. Вот сейчас стал с вами водиться, буду мыслить высокими материями. Так как насчет коньяка? Хотя я могу сбежать и в магазин.

— Ни в коем случае. Я обязательно угощу вас коньяком. Немного позже. Он стоит в шкафу, в комнате бабушки. Она только заснула, а дверца скрипит. Потерпите. Хорошо? Спасибо. Ничего, что вы до этого пили водку?

— Это напитки одного порядка. Коньяк — благороднее, но в градусах разницы нет.

— Скажите, — неожиданно спросила Анастасия, — куда вы дели револьвер?

— Какой револьвер?

— Тот, что вы отобрали у армянина.

Мурад засмеялся было, но осекся под внимательным взглядом Насти.

— послушайте, это же было во сне... ну хорошо, я сунул его под подушку. Кстати говоря, в моем сне в том гостиничном номере стоял точно такой же диванчик кожаный, с такими же кожаными подушками. Но это тоже легко объяснить, верно? — говоря это, Мурад все время поглядывал на подушку в углу дивана. — Вообще на ней не очень удобно спать, — заметил он, — высоковата, у меня шея затекла.

— А может быть такое, что пистолет до сих пор лежит под этой подушкой?

— Знаете, — сказал Мурад, которого весь этот странный разговор начинал раздражать, — я вообще не сторонник хиромантии, блюдечек со стрелками, вызываний духа и прочей чепухи... ну хорошо, я сейчас загляну под эту подушку, и мы закроем эту тему, ладно?

Поскольку Анастасия продолжала молчать, он покачал головой, протянув руку, приподнял подушку... Под ней лежал новенький вороненый «Смит-и-Вессон» с деревянной ручкой. Мурад взял осторожно револьвер в руки, покрутил, разломил, гильзы в барабане отсвечивали латунью. Револьвер был полностью заряжен. Мурад посмотрел на Анастасию.

— Если это розыгрыш, то он вам удался, — сказал он. — Откуда это у вас? Остался от этого гусара, который висит у вас на стене? Или вы играете в русскую рулетку?

— Ни то, ни другое. А для русской рулетки, как известно, нужен только один патрон. А этот пистолет полностью заряжен. И у нас дома никогда не было оружия.

— Это не пистолет, — нехотя поправил Мурад, — это револьвер. Вы вообще к чему клоните? Я, что ли, его принес?

— Да.

— Да?! Вы это серьезно?

— Абсолютно.

— Но как? Я пришел к вам без оружия. Спал здесь на этом диване. Утром ушел.

— После того, как вы заснули, я заглянула к вам в комнату.

— Зачем? — оживился Мурад. — И как вы поняли, что я уже сплю?

— Понять было несложно. Вы сразу захрапели.

— Так я храплю? — огорчился Мурад. — Не знал этого.

— Простите, что расстроила, но кто-нибудь должен был вам это сказать. Так вот, вы храпели, а потом все затихло. Я забеспокоилась и заглянула к вам на всякий случай...

— Ну... не тяните резину... заглянули, и что?

— Вас не было в комнате, — медленно произнесла Анастасия.

— Что значит не было, может, вы меня не заметили? А я упал с дивана, сполз, он же

кожаный, скользкий, отсюда ссадина.

— Вас не было в комнате, — повторила девушка, — вас не было всю ночь. Я не спала, все время заглядывала и задремала только под утро. Проснулась от щелчка замка. А после того, как вы ушли, я обнаружила под подушкой этот револьвер.

— Вот новости, — расстроено сказал Мурад. — Мало того, что я, оказывается, храплю, теперь выясняется, что я еще и лунатик.

— Я тоже так подумала сначала. Думаю, вот повезло, мало того, что бандита в дом привела, спит с пушкой под подушкой, он и еще и сомнамбула. Но я ночью обошла всю квартиру, вас нигде не было. Я даже на балконе смотрела, лестница на месте, а вас нет. Допустим, вы изнутри открыли дверь и ушли по своим ночным делам. Но как, в таком случае, вы обратно попали без ключа?

— Действительно, — сказал озадаченный Мурад. — Что-то не сходится. И что, по-вашему, все это значит?

— Даже не знаю, как вам сказать?

— Можете стихами. У вас это неплохо получается — пушка, подушка. Я тоже в юности баловался. Как это называется?

— Это называется — перемещение во времени. Вы попали в прошлое. В Баку 1918 года.

— Этого не может быть! — Мурад перевел взгляд на портрет, затем на револьвер, взял его и положил обратно под подушку. — Этот диван — точная копия того, что был в гостиничном номере в моем сне. Сон был очень странный, я отдавал себе отчет в том, что я сплю. А так не бывает, это происходит в тот момент, когда ты просыпаешься. Я все ясно ощущал и во сне удивлялся этому. На набережной дул холодный ветер, шашлык был вкусный, водка ледяная. Когда тот армянин зацепил меня, было больно. И утром у меня было сильное похмелье. Такого не бывает с трех маленьких рюмок коньяка.

— Я вам одну всего налила.

— Ну, вы же выходили. Я же говорю, что рюмки были маленькие. Но этого не может быть. Ладно, — Мурад встал, — спасибо за хлеб-соль, за приключение. Я в эти игры не играю, — он пошел к дверям

— В какие игры? Почему вы уходите?

— Я не люблю, когда меня используют.

— Почему вы думаете, что я вас использую? Я пригласила вас в гости. Угостила чаем. В чем же здесь использование?

— Знаете, Анастасия, я хоть и таксист, но не такой примитивный, как вы думаете. Вернее, я таксист, а не осел. Я же не случайно здесь оказался. Это странное сходство с портретом, этот допотопный диван. Какую игру вы со мной затеяли? Вам нечего ответить? Прощайте! Я ухожу! Было приятно познакомиться! Да, и цыпленок табака был великолепен.

— Я вас не использую, я не думала, что все так получится. Честное слово. Не уходите! — взмолилась Анастасия. — Прошу вас, давайте поговорим, — Мурад сокрушенно вздохнул и вернулся к столу. — Я сейчас, — Анастасия и вышла из комнаты.

Мурад поднял подушку. «Смит-и-Вессон» по-прежнему лежал там. На рукоятке был указан год выпуска — 1898. Вернулась Анастасия

— Итак?

— Я могу долго и подробно, а могу коротко. Вам какой вариант предпочтительней?

— Подробно.

— Ладно. Итак, моя бабушка родилась в Москве в 1898 году...

— Нет, не так подробно. Это вы совсем издалека заходите. Давайте короткий вариант.

— Хорошо, тогда короткий вариант. После того, как бабушка лишилась обручального кольца во время ограбления, ей фатально не везло в личной жизни. У нее было несколько женихов, но до свадьбы дело не доходило. Они все погибали. Один в Азербайджане, другой в сталинских лагерях, третий — на войне. С третьим даже дошла до дверей загса. Это было 22 июня 1941 года. Загс оказался закрыт по случаю войны. Такое же невезение преследовало мою маму, не буду описывать подробностей. Такая же судьба ждет меня.

— Это глупости, предрассудки, простое стечение обстоятельств.

— Нет, это не глупости. Мама тоже так считала и ни разу не вышла замуж. Мой папа долго обещал на маме жениться. Потом встретил другую. Маме сейчас 47 лет. Она живет в Америке, занимается научными исследованиями и по-прежнему одна. Бабушка во время войны побывала в оккупации, спасла цыганку от смерти, выдав ее за свою сестру. Та ей потом погадала в благодарности. По-настоящему, не как на вокзале. И сказала, что на нашей семье висит венец безбрачия. Это все из-за того украденного кольца. Его надо вернуть, чтобы снять этот венец. Мама моя никогда не верила этому,

всегда по этому поводу иронизировала. А я в это верю. Когда я увидела вас на рынке, меня поразило ваше сходство с портретом. У меня появилось совершенно естественное желание познакомиться с вами, узнать, кто вы. Откуда я могла знать, что все так выйдет.

— Этот диван откуда? — после долгого молчания спросил Мурад.

— Бабушка купила в комиссионном магазине. Он точная копия того дивана, что стоял в гостинице, где жила бабушка в Баку. А может быть, это он и есть. Раньше при переезде люди возили мебель с собой. Это была ценность.

— Подождите-ка, — Мурад с усилием отодвинул диван от стены.

— Что вы делаете? — спросила Анастасия.

— Обычно на ведомственном имуществе бывают инвентаризационные номера, бирочки всякие. Мама дорогая, так и есть, смотрите, — сзади на спинке дивана была неприметная надпись — «Дагестан». — С мебелью все ясно, это тот самый диван. Как Гамбсовские стулья, достался какому-нибудь начальствующему коммуняке, он и притырил с собой, когда менял место службы. А откуда взялась эта фотография, если тот офицер не вернулся?

— У него в руках был пакет. Он уронил его, когда дрался с мародерами. В пакете, вернее, это был конверт, там находились две фотографии. Наверное, он собрался послать их своей маме. Или невесте. Ну вот. Я вам все рассказала. Теперь вы все знаете. У меня нет от вас тайн. И на душе легче стало.

— Спасибо за откровенность! Даже не знаю, как к этому относиться, — озадаченно сказал Мурад. — В голове не укладывается у меня все это. Это, конечно, все интересно, но что дальше? Судя по тому, что вы приехали за мной в таксопарк, вновь пригласили меня домой, история не закончена.

— Это вопрос?

— Да, это вопрос.

— Это хороший вопрос, но я хотела бы адресовать его вам. Что мы будем дальше делать?

— Мы? — спросил Мурад.

— Конечно мы. Вы что, собираетесь бросить меня в этой ситуации? Ведь вы теперь причастны к этой истории.

Мурад смотрел на Анастасию и думал, что не видел лица прекраснее.

— Может быть, поцелуемся? — спросил Мурад.

— Кажется, вы собирались меня бросить. Уверяю вас, прощальный поцелуй будет для меня слабым утешением.

— Дело не в этом.

— А в чем же?

— Я думаю об этом с той минуты, как увидел вас. Вы мне нравитесь.

— Мне приятно это слышать. Только давайте не будем перескакивать с одной темы на другую. Вы можете мне помочь?

— Помочь в чем? Простите, я не понимаю?

— Дело в том, что я хочу прожить счастливую жизнь. Выйти замуж, и так далее.

— Это легко, — сказал Мурад, — где тут у вас ближайший загс?

— Не очень далеко, а что?

— Дождемся утра, и я на вас женюсь. Это будет решением проблемы. Я разрушу обет безбрачия. Одним словом — согласен!

— Я не могу подвергать вашу жизнь опасности. Вы не дойдете до загса. С вами что-то случится. К тому же вы меня совсем не знаете.

— Это не имеет значения.

— Но я хочу выйти замуж по любви. Простите.

— Да ладно, понял, не дурак. Насильно мил не будешь. Но это все, что могу сделать для вас.

— Нет, не все.

— То есть?

— Может быть, попробуем еще раз?

— Послушайте, не сходите с ума. Извините за грубость, но машины времени не существует. Я не знаю, что это было. Наваждение какое-то! Диван из комиссионки, пистолет этот, может, из этого, как он называется, театрального реквизита.

— Револьвер, — подсказала Анастасия.

— Револьвер. Но не будет больше этого. Может быть, это было перемещение моего метафизического тела, астрального.

— Вы хотите меня бросить?

— Как это бросить. У нас с вами ничего не было.

— Вы боитесь? Не стесняйтесь. Я пойму. Это нормальное человеческое чувство, имею в виду страх.

- А вот это вы зря сказали, — мрачно сказал Мурад. — Это запрещенный прием.
- Я без задней мысли, честно. Но я не понимаю вашего поведения. Если вы во все это не верите, почему вы отказываетесь? Где логика? Давайте попробуем еще раз.
- Что я должен делать? Залезть на этот диван, как на ковер самолет? Или, вернее, в сундук из сказки Андерсена «Калиф-аист».
- Вот видите, какая у вас эрудиция, — грустно сказала Анастасия, — а вы все таксист, таксист. Были бы вы обычным таксистом, разве бы я вас домой к себе привела? Только не Андерсен, Гауф. Пейте чай и идите по своим делам. Я и так уже злоупотребляю вашим временем. Простите меня.
- Мурад вдруг почувствовал к ней невыносимую жалость, а люди, способные вызывать жалость, могли вить из него веревки.
- Ладно, — сказал он, — несите коньяк.
- Зачем? В чай хотите добавить?
- Коньяк в чай добавляют или больные, или извращенцы. Я начинаю трезветь. А это не в ваших интересах.
- Хотите сказать, что вы все это время были пьяны? Я даже этого не заметила.
- Не пьян, но подвыпивши, как говорится, подшофе. Но коньяк все равно несите, — Анастасия принесла коньяк и поставила на стол. Мурад наполнил граненую рюмку: — За вас! — пожелал он и выпил. Анастасия смотрела на него, закусив губу. — Важный вопрос, — сказал Мурад, — допустим, опять диван сработает. И я вновь перенесусь в прошлое. Что я должен сделать? Взять у нее обручальное кольцо и принести сюда? Это же глупо. Не отдаст она кольца.
- Ни в коем случае. Вы что, с ума сошли?
- Вчера бабушка, пока вы ходили в аптеку, спросила у меня, принес ли я ей кольцо. Значит, она ждет этого.
- Бабушка немного не в себе. Возможно, в своем сознании она тоже переносится в тот революционный Баку. Вы очень похожи на ее спасителя. Она открыла глаза, увидела вас и спросила, принесли вы ей кольцо или нет.
- Вы очень хорошо объясняете. Только я все-таки не понимаю, что я должен сделать?
- Я не знаю. Вы мужчина, вы и решайте, как ей помочь. Предостеречь ее.
- Проще всего взять у нее там кольцо и принести сюда.
- Нет, ни в коем случае. Кольцо ей надо вернуть там, а не здесь. Здесь жизнь уже прожита, как вы не поймете этого.
- Она сторонилась меня. Мне едва удалось разговорить ее. Помните, как у Булгакова. *«Никогда не разговаривайте с незнакомцами»*. Она барышня *раньшего* времени.
- Вы должны вызвать у нее доверие.
- И что я должен сказать? Сударыня, вас завтра ограбят, отдайте мне обручальное кольцо, а послезавтра я вам его верну.
- Мурад, — жалобно сказала Анастасия, — пожалуйста, попробуйте. Моя бабушка умирает. У нее проблемы с головой. Это следствие того, что один из негодяев сильно ударил ее по голове. У нее из-за этого всю жизнь были головные боли.
- Между прочим, вы первый раз назвали меня по имени, — сказал Мурад. — Я попробую. Итак, что мы делали в тот вечер? Мы стояли на балконе и разговаривали. А потом вы мне рассказывали про события в Баку.
- Балкон вряд ли имеет значение.
- А потом я лег и долго ждал и надеялся, что вы ко мне придете, пока меня не сморил сон.
- Ждали меня? — воскликнула Анастасия. — Зачем?
- Как зачем? За этим, за самым. Но не дождался.
- И не дождетесь, пока не женитесь на мне.
- Слушайте, вас не поймешь. Я же предложил пойти в загс.
- Пожалуйста, давайте сменим тему. Я готова рассказать вам еще что-нибудь. Только гляну, как там бабушка.
- Пока Анастасия ходила в комнату к бабушке, Мурад налил себе еще рюмку коньяка и выпил. Вернулась Анастасия. В руках у нее была уже знакомая папка.
- Итак, на чем я в прошлый раз остановилась?
- На большевиках. Можно я сяду на диван?
- Садитесь, можете даже лечь.
- Спасибо, прямо как на приеме у психотерапевта.
- Вы бываете у психотерапевта?
- Не бойтесь, я здоров, в кино видел американском.
- Я не боюсь, еще чего, просто спросила.
- Так-так, что там было дальше с большевиками? Между прочим, я тоже член партии.

— Я буду иметь в виду. Большевики Шаумян, Авакян, Кагранян и другие перебрались в Баку из Тбилиси сразу после революции. Они внедрились в общественные организации, заявили о себе пылкими речами. А затем свели их деятельность к нулю. Очень скоро они привлекли на свою сторону армянское население, некоторых русских и представителей других национальностей. И вдруг оказалось, что все армяне стали большевиками. Скоро выяснилось, что исполком совета рабочих, солдатских и матросских депутатов на девяносто девять процентов состоит из армян... Красная гвардия, созданная в Баку, в большинстве своем состояла из армян. Ее организацией занимались высшие армянские военачальники в Петрограде. Начальником штаба был царский полковник Аветисян. На вооружении у Красной армии было все оружие и снаряжение царской армии, поступавшее из Персии и Средней Азии. Единственным военным формированием мусульман был «Татарский конный полк», костяк которого составили часть «Дикой дивизии», переведенной из Петрограда, и «Мусульманский дивизион», организованный в Ленкорани из добровольцев. Положение русской армии на кавказском фронте после Октябрьского переворота оказалось двусмысленным. Продолжать войну с Турцией не было возможности, армия оказалась парализованной, войска стали покидать фронт. Закавказский комиссариат, созданный после революции представителями Грузии, Азербайджана и Армении, опасался дальнейшего пребывания русской армии на Кавказе. Деморализованная, разложившаяся армия, попавшая под влияние большевистской пропаганды, представляла угрозу для властей. Правительство указом от 19 декабря 1917 года распустило русскую армию. Но ее возвращение на родину превратилось в настоящую проблему для местных властей. Голодные и озлобленные солдаты на своем пути занимались грабежом и разбоем. Ими было разорено около двухсот азербайджанских деревень. В январе 1918 года на станции Шамхор при попытке разоружить солдат произошло кровопролитное столкновение между русской армией и национальными войсками Закавказья. С обеих сторон были убитые и раненые. Вокруг этого события Баковском была развернута агитация против правительства и мусульман, в частности. Большевики демонстрировали заботу о русских солдатах, чтобы привлечь их на свою сторону. Похороны солдат на Бакинском кладбище большевики превратили в политический демарш. Когда в Баку из Тифлиса прибыл штаб «Мусульманской дивизии» во главе с генералом Тальшинским, он был арестован по приказу Шаумяна прямо на вокзале... — Анастасия рассказывала, время от времени зачитывая документы из папки, потом ей пришлось в голову бросить взгляд на своего гостя. — Нет, вы только посмотрите на него, — тихо возмущилась девушка. — Я здесь соловьем разливаюсь, а он себе спит! Станешь тут Шехерезадой!..

* * *

Барышня стояла на том же месте. Приблизившись, Мурад сказал:

— Мое почтение, сударыня, — она оглянулась и едва заметно кивнула головой. — Прекрасная погода, не правда ли, — продолжал Мурад, — правда, ветер немного досажает, холодный.

— Это норд дует, здесь его называют *хазри*.

— Полагаю, что вы кого-то ждете, того, кто должен приплыть на пароходе. Угадал? — девушка с удивлением посмотрела на него. — Простите мне мою назойливость. Просто мне одиноко в этом городе. А вы, я вижу, из Москвы. Приятно в чужом городе встретить соотечественника. Позвольте представиться, Мурад.

— Елизавета Петровна, — ответила девушка. — А вы действительно из Москвы? Вы на русского не очень-то похожи.

— Я дитя смешанного брака. Мой отец азербайджанец, а мать — русская. А разве мой говор не выдает во мне столичного жителя?

— Говорите вы, действительно, без татарского акцента, — заметила девушка, — но с чего вы взяли, что Москва — столица.

— Вы правы, оговорился. Но почему вы акцент именуєте татарским, а не азербайджанским?

— Но здесь живут татары, — возразила Елизавета Петровна, — впрочем, я в этнологии не сильна, пусть будет — азербайджанский.

В этот момент Мурад заметил приближающийся революционный патруль и сказал:

— Простите, сударыня. Я схожу куплю сигару. Я видел недалеко табачную лавку, — и торопливо ушел. Ему не хотелось вновь отвечать на вопросы армян. Он отдалился от девушки, дошел до первой линии домов и оставался там, пока патруль не прошел мимо. Затем вернулся. — Наверное, жениха встречаете? — спросил Мурад.

— Откуда вы знаете? — насторожилась Елизавета Петровна.

— У вас обручальное кольцо на руке, и вы стоите одна в чужом городе на набережной и смотрите в море. Он, верно, моряк.

— Нет, не моряк. Офицер. Но точно должен приплыть на пароходе. А ваша фамилия, видимо, Пинкертон. Кто вы такой?

— Ясновидец и прорицатель. Предсказываю будущее.

— Вот как, — весело сказала девушка, — в таком случае, господин Калиостро, предскажите, в котором часу приедет мой жених, чтобы я не стояла тут на холодном ветру.

— Ваш жених не приедет, а вам следует немедленно уехать из этого города.

— Что за глупые шутки, — сердито сказала барышня, — я, кажется, не давала вам повода.

— Это не шутки. Сегодня или завтра в городе начнутся погромы и убийства.

— Откуда вы это знаете? А может быть, вы сами большевик?

— Ни в коем случае, просто у меня предчувствие. Да вы сами оглянитесь по сторонам. Разве вы не видите эту напряженность во всем. Армяне вооружаются, а мусульмане покидают город. Вам следует уехать, и чем быстрее, тем лучше.

— Пожалуйста, оставьте меня.

— Не обижайтесь, я вам добра желаю.

— А если добра желаете, то не говорите вздор. Впрочем, мне пора, прощайте.

Мурад смотрел, как она уходит. Выждав немного, он пошел следом, не теряя ее фигуру из виду. На этот раз он довел ее до дверей гостиницы. Затем вернулся на площадь Парапет и вошел в знакомый уже ресторан.

— Здравствуй, Рустам, — приветствовал он подошедшего официанта.

— Здравствуйте, — ответил официант.

— Ты меня не помнишь?

— Почему не помнишь, помню, конечно, — возразил официант, хотя было очевидно, что он не помнит. — Где хотите сесть? Вот хорошее место.

Рустам показал на стол, за которым Мурад сидел в прошлый раз. Но Мурад выбрал столик подальше от этого места, драка с армянами не входила в его планы. Он сел в другом углу, но так, чтобы видеть Парапет. Он помнил, что девушка собиралась после обеда пойти на пристань. И, вероятнее всего, она пройдет здесь, мимо ресторана, по Великокняжескому проспекту. Ресторан, поначалу практически пустой, начинал заполняться людьми. Вернулся официант, принес поднос с закусками. Соленья, сыр, масло, свежую зелень, редиску, кресс-салат и свежеиспеченную лепешку.

— Что будете кушать? — спросил он, достав книжечку и карандаш. — Может быть, бозбаш?

— Не надо бозбаш, — отказался Мурад, — больно он утяжеляет, спать после него хочется. Хаш тоже не предлагай. Я хочу заказать кебаб ассорти. Можно?

— Конечно, дорогой. Почему нельзя. А выпить желаете?

— Да, принеси мне бутылку водки, только откроешь ее при мне.

— Слушаюсь, — официант ушел и вскоре вернулся с бутылкой водки и со стопкой кутабов. — Подарок от шефа, — сказал он. Затем распечатал бутылку и наполнил рюмку. В следующий миг лицо его изменилось, и Мурад по губам его прочитал ругательство в чей-то адрес. Он посмотрел и увидел тех же самых армян, входящих в ресторан. — Опять эти проклятые большевики, — сквозь зубы процедил официант, — приходят, сидят здесь, как хозяева, деньги не платят, уже тридцать рублей у них на счету. Извините, подойду к ним.

Он отошел. Мурад выпил и закусил соленым огурцом. Съел один гутаб с зеленью. В сторону большевиков старался не смотреть. Он выпил еще, закусил маринованным помидором и съел второй гутаб. Тот оказался с картофельной начинкой. Его так и подмывало посмотреть в сторону армян, и он не выдержал, повернул голову и встретился взглядом с одним из них, с тем самым задиристым. Во встречном взгляде были подозрение и агрессия. Видимо, в отличие от подавальщика, этот тип каким-то образом помнил их прошлую встречу. Мурад чувствовал, как растет в нем бешенство, но, помня о своей миссии, заставил себя отвести взор. Сердце его колотилось от волнения. Он налил еще водки и выпил, осаживая в себе злость. На этот раз водка отличалась крепостью. Рустам принес заказ, на тарелке лежали три небольших шампура, на одном были нанизаны кусочки баранины, на другом субпродукты: печень, сердце, на третьем — курица. Здесь же лежала горка мелко нарезанного красного лука, перемешанного с барбарисом и зернами граната. Мурад выпил еще и стал есть, забыв об армянах. Но к нему подошел Рустам, поставил на стол бутылку с *наршарабом* и вполголоса шепнул:

— Эти большевики спрашивали про вас. Это не к добру. Лучше вам уйти. Они могут вас арестовать.

— Ладно, ты мне счет принеси, а я сам решу, когда мне уходить, — процедил Мурад.

Он вдруг осознал, что его положение дает ему массу преимуществ. Он наполнил рюмку и выпил. Закусил острым маринованным перцем, подумав, что после такой закуски даже меланхолик затеет драку. А он был вовсе не меланхолик. Вернулся Рустам

и положил перед ним счет, на котором Мурад разобрал сумму в 1 рубль 50 копеек. Мурад достал из портмоне царскую ассигнацию.

— Сдачи не будет, — с сожалением сказал официант, — касса еще пустая, я запису на ваш счет. И на всякий случай имейте в виду, запасной выход там, где висит циновка. Лучше вам сейчас уйти, пока они кушают.

— Понял, спасибо. Но я еще не доел и не допил. Иди, не беспокойся за меня.

Рустам ушел. Когда Мурад доедал шашлык, он почувствовал, как кто-то пальчиком стучит по его плечу. Он повернул голову. Это был армянин. Мурад поднялся.

— Ты кто? — спросил армянин. — Откуда будешь?

— Я человек, — ответил Мурад, — из Москвы.

— Человек из Москвы, — ухмыльнулся армянин. — А может быть, ты Ленина видел?

— Конечно, видел. В мавзолее.

— В мавзолее? Что он там делает?

— В гробу лежит в белых тапочках.

Ухмылка сползла с лица большевика.

— Документы покажи, — потребовал он.

Мурад бросил взгляд на остальных. Те не спеша ели, поглядывая в их сторону с интересом.

— Документы показать? — переспросил Мурад. — Конечно.

Он левой рукой зацепил в кармане пропуск в таксопарк и, пока армянин недоуменно изучал его, правой рукой ухватил бутылку водки и опустил ее на голову большевика. Когда тот рухнул на пол, вытащил у него из-за пояса револьвер, навел на ошеломленных армян, держа их под прицелом, поднял свой пропуск, положил его в карман и быстро вышел через запасной вход. На этот раз он не пошел в гостиницу. Переулками вышел к набережной и остался там в ожидании Елизаветы Петровны. Ждал он долго, стоя в подворотне дома, выходящего своим фасадом на набережную. От холодного ветра продуло, но нет худа без добра. Хмель от вышитой водки начинал выходить из него. Мимо шлэндали вооруженные большевики, в основном армяне. Все они были на удивление жизнерадостны. Громко говорили, смеялись.

Стрелки показывали час дня. Мурад вышел из подворотни и лицом к лицу столкнулся с Елизаветой Петровной.

— Добрый день! — радостно воскликнул он. — Вот судьба. Второй раз встречаемся. Это знак свыше. Куда путь держите с божьей помощью?

— На пристань, — ответила Елизавета Петровна. — Здесь недалеко причал «Русско-Кавказского общества».

Видно было, что она тоже рада встрече. Наверное, не очень уютно чувствовала себя в этом революционном городе.

— А я вот гуляю туда-сюда в одиночестве, — сказал Мурад. — Вы позволите составить вам компанию? Я могу идти на расстоянии, чтобы не смущать вас.

— Извольте, — согласилась Елизавета Петровна. — А вы здесь по какому делу, если не секрет?

— Я здесь случайно оказался, дело у меня, тем не менее, есть, но я не знаю, как мне к нему подступиться.

— А что значит случайно оказался? Вы сели не на тот поезд?

— Я сел не на тот диван. Но зато я познакомился с такой очаровательной дамой, как вы.

— Не надо со мной флиртовать. Я обручена. У меня жених есть.

— Я не флиртую, честное слово. Я просто сказал правду. Кажется, мы пришли.

У причала стояло судно, на борту которого было написано название «Эвелина». С другой стороны причала пришвартовывалось еще одно судно под названием «Хазар». Матрос бросил канат с судна, на пристани его поймали и замотали за кнехт, перекинули сходни. И пассажиры стали сходить на берег. Их было немного, человек десять-пятнадцать. Мурад посмотрел на Елизавету Петровну. Девушка покачала головой.

— Не расстраивайтесь, — сказал он. — Может быть, следующим придет. Можно узнать, когда следующий пароход. Стойте здесь.

Мурад оставил девушку и пошел в контору. Возле дверей стояла группа военных, азербайджанцев. Они о чем-то оживленно переговаривались, показывая в сторону прилегающей площади. Мурад посмотрел туда и увидел подъехавший грузовик, с которого выпрыгивали солдаты. В конторе азербайджанский офицер спорил со служащим.

— Я сотник Татарской конной дивизии, — говорил он, повышая голос. — Пароход должен был быть отправлен два часа назад. В чем дело? Потрудитесь объяснить.

— Товарищ, не надо на меня кричать. Я человек подневольный. Это не от меня зависит. Командир порта запретил выпускать ваш пароход. Прошу прощения, я погово-

рю с товарищем, — сказал служащий, указывая на Мурада. — Здравствуйте, какой у вас вопрос?

— Я хотел бы узнать, сегодня придет еще пароход из Ленкорани?

— Какой пароход конкретно вы ждете?

— Я не знаю. Это моя знакомая. Она встречает жениха, он военный, поручик.

— Нет, сегодня пароходов не будет.

— Какого-то русского поручика арестовали в Ленкорани в тот день, когда мы отплывали, — вдруг сказал сотник.

— Кто арестовал? — спросил Мурад.

— Как кто, большевики, естественно.

— А как его фамилия?

— Этого я не знаю. Он прибыл из Персии.

Мурад кивнул и повернулся. Уходя, он услышал, как конторский работник, понизив голос, сказал сотнику:

— Я слышал, что исполнительный комитет приказал ваш отряд разоружить.

Елизавета Петровна стояла на том же месте.

— Никаких пароходов сегодня не будет, — сказал Мурад.

— А вы все точно разузнали? Надо было мне самой пойти.

— Сходите и убедитесь.

— Пожалуй, — решительно сказала Елизавета и направилась к конторе.

— Я вас подожду.

Она шла, придерживая одной рукой шляпку на голове, чтобы ее не сорвало ветром. Из конторы вышел сотник, придерживая дверь перед Елизаветой Петровной, о чем-то переговариваясь со своими людьми. И вся группа направилась в сторону площади. Они не прошли и десятка шагов, как вдруг началась беспорядочная стрельба. Всадники бросились на землю и открыли ответный огонь. Мурад побежал было к конторе, но, услышав, как вокруг свистят пули, упал на землю. «Интересно, — мелькнуло у него в голове, — если меня здесь убьют, там в Москве у Насти я тоже умру или нет?» Вспомнив армейские навыки, он стал по-пластунски передвигаться в сторону конторы. Всадники отстреливались, отступали назад и в какой-то момент сравнялись с ползущим Мурадом.

— А вы куда? — спросил у него сотник.

— Мне в контору, — ответил Мурад, — там моя знакомая.

— Не стойте. Она в лучшем укрытии, чем вы. Не доползете. Пристрелят. Давайте вместе с нами.

Мурад подчинился. Чтобы добраться до парохода, им потребовалось около получаса, при этом один из военных был ранен в ногу. Мурад помог нести раненого. Они взошли на пароход, где за железными бортами оказались в относительной безопасности. Красногвардейцы, увидев, что отряд укрылся на пароходе, прекратили стрельбу.

— Простите, — сказал Мурад сотнику, — я приезжий. Не совсем понимаю. Вы белогвардейцы?

— Мы всадники из «Мусульманского дивизиона». Скорее красные, мы на службе у большевиков.

— А кто стрелял в вас?

— Они тоже большевики. Но армяне... а мы мусульмане. Это провокация.

В этот момент со стороны площади появился человек. К штыку его винтовки было привязано белое полотенце или портянка. Он призывал на переговоры. Пока длились переговоры, Мурад глаз не сводил с конторы. Оттуда вышел служащий и стал кричать красногвардейцам:

— Не стреляйте, здесь русская женщина. А я на службе.

— Давай-давай, уходи, — махнули ему с той стороны. После этого конторщик вывел из помещения Елизавету Петровну, и они вместе быстро ушли.

Переговорщик вернулся и передал ультиматум, красногвардейцы требовали немедленно разоружиться и сдаться в плен. Тогда им будет гарантирована жизнь.

— Им нельзя верить, — от себя добавил переговорщик. — Они ухмылялись.

Когда истек срок, данный на размышление, вновь начались выстрелы. Всадники отвечали из-за укрытия. Затем опять все стихло. Видно, на той стороне решали, что делать. Позиция у мусульман, в самом деле, была хорошей. Вся площадь хорошо простреливалась. Когда красногвардейцы вздумали пойти в атаку, то она быстро захлебнулась, и те отступили, оставив лежать несколько убитых солдат. С наступлением темноты с парохода спустили шлюпку. Сотник и еще трое всадников переплыли на соседнюю пристань «Восточного общества». Мурада они взяли с собой. Оттуда Мурад добрался до своей гостиницы и рухнул на диван.

Глава 3

Когда он открыл глаза, было раннее утро. Напротив, на стуле, сидела Анастасия и смотрела на него во все глаза. Она радостно улыбалась.

— У меня такое чувство, будто вы рады меня видеть.

— Вы даже не представляете насколько. Вставайте и раздевайтесь.

— Как, неужели вы решились ответить на призывы моего сердца?

— Не знаю, что вы себе вообразили, снимайте костюм, мне надо его почистить. Он весь в пыли.

— То-то я и удивился такой непоследовательности. Мол, вставай и раздевайся. Обычно говорят, раздевайся и ложись.

— Очень смешно, — иронично заметила Анастасия.

Мурад поднялся, оглядел себя. Костюм был изгваздан капитально.

— Мой новый *прикид*, — со вздохом сказал Мурад, — а вы знаете, что это мой выходной наряд. Можно сказать, пасхальный костюмчик, как у зицпредседателя Фунта. Я как надел его на свидание с вами, так до сих пор снять не могу. Какое долгое свидание. Вы будете его сами чистить или в химчистку отдадите? Кстати, имейте в виду, что пыль на нем — революционная.

Из заднего кармана брюк с глухим стуком выпал «Смит-и-Вессон». Анастасия схватилась за сердце:

— Боже мой! Он же мог выстрелить.

— В нем нет патронов. Я разрядил всю обойму. От армян отстреливались. Вообще-то от большевиков, но они там все почему-то армяне. Как это так получилось? Это у нас второй уже револьвер.

— Второй, но единственный.

— У меня с математикой в школе было не очень, однако не настолько, чтобы я не мог складывать простые числа. Один и один равняется два. Интересно, за сколько их здесь продавать можно?

— Это в вас сейчас таксист заговорил?

— Зря вы так. Я ведь обидеться могу. Я в такси не по призванию работаю, а по нужде.

— Лучше сказать, по необходимости. Не обижайтесь. Но первого пистолета нет, он исчез.

— Материализация духов. То есть обратный процесс. Но это меньшее, чему мы можем удивляться.

Мурад рассказал все, что с ним произошло до того момента, когда он вернулся в гостиницу. После этого Анастасия отпустила его в душ. Когда он вышел из душа, вычищенный костюм уже висел на вешалке.

— Одевайтесь, а потом садитесь пить чай, — сказала Анастасия. — Про то, что основную массу большевиков в Баку составляли армяне, я вам рассказывала. Но вы меня, видимо, невнимательно слушали. Да еще вы спите на лекции.

— Расскажите, что было дальше.

— Прежде давайте обсудим обстоятельства вашей второй встречи с бабушкой. Значит, вы ничего не сказали ей, не предупредили об опасности, грозящей ей. Вы же могли бы хоть как-то намекнуть...

— Это вам здесь легко так рассуждать. А там она ко мне относится настороженно. Что я ей должен сказать? Сударыня-девушка, немедленно уезжайте, иначе вас могут изнасиловать? Если я заговорю с ней об этом, она тут же меня прогонит. Проблема в том, что я все время попадаю в один и тот же день — 18 марта.

— Точно! Чтобы помочь бабушке, вы должны быть с ней рядом в тот злосчастный день. Давайте попробуем еще раз. Может быть, вы попадете в другой день, в следующий? Вы не должны возвращаться в гостиницу и ложиться спать. Вам надо дожидаться полуночи, и вы перейдете в следующий день.

— Нет, — сказал Мурад, — я не буду этого делать. Я не хочу играть шутки со временем. А если я не вернусь? — Анастасия молча смотрела на него. — И не надо на меня так смотреть. Ответьте мне на один вопрос. Ради чего я должен это делать? Вы мне не мать, не сестра и не любовница. Извините за прямоту.

— Вы правы, просто, кроме вас, этого никто сделать не в силах.

Наступило тягостное молчание, наконец, Мурад сказал:

— Мне нужно ехать на работу.

— Да, конечно. Я вам очень благодарна.

Мурад встал и пошел к дверям. Когда он оглянулся, Анастасия сидела за столом, опустив голову.

* * *

— Ты что, дома не ночуешь? — спросила диспетчер Валя, разбитная сорокалетняя женщина, сама в прошлом водитель такси. — Бабенку завел? Которую смену при параде. Небось, с замужней связался. Гляди, и фингал на лице имеется.

— Ты прямо Шерлок Холмс, — процедил Мурад.

— Да прямо уж, у нас, кроме тебя, только Сизов на работу наряжается, как на именины.

Сизов был мужем заведующей универсама, поэтому всегда был одет с иголочки и во все модное, заграничное. В вельветовые джинсы, замшевые пиджаки. Работа таксиста по графику через день. Кроме как на работу, носить эти вещи ему было некуда. А добра этого у него было много, и все по госцене. В СССР был товарный дефицит.

— Заказ возьмешь? — уже другим тоном, добавив металла в голос, спросила Валя. Мурад понял, что отказываться бесполезно. — Мотель «Советский».

— Пятнадцать минут осталось, туда ехать полчаса.

— А ты поторопись.

Мурад схватил путевку и побежал в гараж. От автозаводского моста до МКАД, за которой располагался мотель, езды было минут двадцать. Мурад домчался туда за десять. Но все равно опоздал. Чертыхаясь, он побежал в фойе гостиницы. На счетчике было около 3 рублей. Если клиент уехал, их придется платить из собственного кармана. Да еще писать объяснительную в отдел эксплуатации из-за срыва подачи такси. Но это если клиент подаст жалобу.

За стойкой на высоком табурете сидела девица и смотрела на приближающегося Мурада взглядом, не предвещающим ничего хорошего.

— Мест нет, — сказала она, едва Мурад открыл рот.

— А мне и не надо, — злорадно произнес Мурад.

— А чего вам надо?

— Такси заказывали?

— А-а, вон сидит, ждет. Опаздываете, товарищ.

Мурад подошел к грузному брюнету, сидевшему в кресле.

— Такси ждете?

— Ала, почему опаздываешь? — воскликнул, поднимаясь, человек. По акценту Мурад понял, что перед ним азербайджанец. «Засада какая-то», — подумал он. Вслух сказал:

— Заказ я получил 15 минут назад. Пока доехал с «Автозаводской».

— Хорошо-хорошо, поехали в гостиницу «Зарядье». Только побыстрее. Люди ждут. Где машина? — в автомобиле клиент сел на переднее сиденье. Оглядел салон, спросил: — Сколько человек сюда входит?

— Еще пять пассажиров можно посадить.

— Хорошо, давай-давай, брат, поехали.

Мурад запустил двигатель и выехал со стоянки. Проехав пост ГАИ, он притопил акселератор, и «Волга» помчалась по Варшавскому шоссе со скоростью 100 км в час. Клиент невольно схватился за поручень. Затем, взглянув на визитку, укрепленную на торпеде, прочитал:

— Шабанов Мурад? Ты что, не русский?

— Нет, — нехотя ответил Мурад. Он ненавидел эти расспросы. Каждый третий пассажир начинал расспрашивать его о родословной.

— Татарин, что ли?

— Азербайджанец, — неожиданно для себя самого ответил Мурад.

— А, беля гъ га¹, — переходя на азербайджанский, воскликнул клиент.

— Я почти все понимаю, но говорю с трудом, — предупредил Мурад.

— Это плохо. Родной язык надо знать, — назидательно сказал клиент. Мурад уже жалел о признании. — А меня Байрам зовут. Сейчас возьмем в гостинице моих знакомых и повозим по магазинам. Хорошо?

— Хорошо. Только максимум ожидания — тридцать минут. У меня план — пять рублей в час.

— Это я все знаю, друг. Десять рублей в час буду платить. Хорошо?

Мурад припарковал такси у подъезда гостиницы, и Байрам скрылся в вестибюле. Рядом с входом были установлены несколько телефонов-автоматов. Пока Байрам отсутствовал, Мурад вошел в один из них и снял трубку. Анастасия ответила тотчас, словно сидела у аппарата и ждала звонка.

— Это я, привет, — почему-то волнуясь, сказал Мурад.

— Здравствуйте.

¹ Так бы и сказал (*азерб.*).

– Хочу извиниться, это было грубо про жену и любовницу. Это просто цитата из «Золотого тельца».

– Хорошо. Вы не опоздали на работу?

– Опоздал, естественно. Но обошлось. Всучили заказ. И я сейчас езжу с ним.

– Желаю удачи.

– Спасибо, и вам того же.

Мурад повесил трубку, постоял в будке, борясь с желанием снять еще раз трубку и снова ей позвонить. Но не позвонил, пошел к машине. Из вестибюля Байрам уже вел пятерых своих упитанных знакомых. Трех женщин и двух мужчин. «Бедные ресурсы», – подумал Мурад.

Байрам был родом из Кировабада. В Москву он приехал в качестве экскурсовода, сопровождающего туристическую группу из Азербайджана. Вообще в мотеле на Варшавке просто так нельзя было поселиться. Там жили либо иностранцы, либо дельцы разных мастей. И тот факт, что Байрам жил в этой гостинице, говорил о том, что он непростая птица. Весь день они ездили по небольшим магазинам «Одежда», расположенным за кольцевой дорогой. Реутово, Балашиха, Железнодорожный. Концы были не маленькие. Мурад, поглядывая на счетчик, видел, что, согласившись на фиксированную оплату, он мало что выгадал. Бизнес Байрама, как выяснил впоследствии Мурад, состоял в том, что он возил туристов по магазинам, в которых у него были свои связи, договоренности с заведующими. Он собирал с земляков по червонцу с носу, эти деньги уходили на оплату такси. За это измученные дефицитом туристы покупали вещи, которых никогда не бывало на прилавках. В марже завмага имелся и процент Байрама. Мурад возил их шесть часов. Багажник был полон заграничными шмотками. Туристов вернули обратно в «Зарядье», и Байрам велел ехать обратно в мотель, где он рассчитался, как и обещал.

– У тебя есть телефон? – спросил он. – Мне часто машина бывает нужна. Зачем мне русским платить, лучше земляку добро делать. Я неделю буду здесь. Хочешь, приезжай завтра. Отвезешь меня в гостиницу.

– Завтра не моя смена.

– Ничего, послезавтра приезжай. Тем более что у меня завтра большая группа. Я «Икарус» заказал. Мне только до гостиницы надо будет доехать.

Байрам ушел. Мурад постоял немного на стоянке, надеясь подцепить кого-нибудь в сторону парка. Затем поехал конем. У поста ГАИ его остановил инспектор. «Черт», – выругался Мурад. Вроде бы ничего не нарушил. Вылез из машины, пошел к инспектору, недоумевая. Но тот сам шел навстречу со словами: «Шеф, подкинь до Даниловского». Это было недалеко от таксопарка.

Дежурным механиком в этот день был Миша Погосов. Невысокий круглолицый брюнет, ровесник Мурада. Он что-то старательно записывал в журнал. Буркнул в ответ на приветствие, смахнул положенный перед ним полтинник в ящик стола не глядя. Дописывая строчку, поднял указательный палец.

– Что-нибудь еще? – спросил Мурад.

– У тебя завтра ТО-2, – сказал Миша.

– А заранее нельзя сообщать? У меня на завтра были планы.

– График висит на стенде. Водителей в колонне 200 человек. Я не обязан каждый день говорить, сколько у кого дней осталось до техобслуживания.

Механик был прав. Да и Мурад возмущался просто так, для остротки. На завтра у него никаких планов не было. А то, что ТО-2 не в его смену выпало, было удачей. Иначе пришлось бы отрабатывать смену ночью. Теперь это предстояло сменщику.

– Ну ладно, – Мурад повернулся, чтобы идти, но Миша остановил его словами:

– Да, вот еще что. Михал Михалыч просил тебя зайти.

– А всю информацию сразу нельзя было выложить?

– Нельзя, – совершенно серьезно ответил Миша, – у драматургии свои законы.

– Майкл, скажи, что ты меня не видел.

– Не могу. Я тебя видел.

– Что-нибудь еще? – с сарказмом произнес Мурад.

– Да, трешничек поменяй, – попросил Миша.

– Вот тебе трешничек, – Мурад сложил кукиш и показал его механику.

– Ладно, иди, не мешай работать, – незлобиво сказал Миша.

Поскольку водители давали механику по полтиннику, в конце дня у него собирался полный карман мелочи. И он менял ее у водителей на бумажные купюры.

– Слушай, Мишель, ты ведь армянин? – вдруг сообразил Мурад.

– Да, а ты азербайджанец, – невозмутимо ответил механик, – правда, как и я, московского разлива.

– Откуда ты, Мишель, знаешь, что я азербайджанец?

— Об этом все знают, кроме тебя. А что? Факт, что мы принадлежим к народам, недолюбливающим друг друга, мешает нашему общению?

— Недолюбливают — это слишком мягко сказано, — заметил Мурад.

— Но мы не отвечаем за своих предков, — сказал механик. — Это еще товарищ Сталин сформулировал. К тому же у меня мама русская. Как и у тебя. Или мешает?

— Нет, не мешает. Но если ты не скажешь начальнику, что меня видел, будет мешать еще меньше.

— Будь по-твоему. Скажу, что ты сам записался в журнал. Поменяй трешник. А лучше червонец, ради такого дела.

Мурад полез в карман, обменял три рубля на полную ладонь мелочи и пошел сдавать деньги. Навстречу по пандусу поднимался невысокий тщедушный мужчина средних лет с ярко выраженной восточной внешностью, носатый, с густыми бровями. Это был начальник Михал Михалыч.

— Куда это ты разогнался, мой юный друг? — спросил начальник.

— Деньги иду сдавать, — ответил Мурад.

— Миша разве не передал тебе мою просьбу?

— Передал, — не смог солгать Мурад, — но вас же не было, я пошел сдаваться, чтобы вернуться потом.

— Хорошо, заходи.

Мурад вслед за начальником зашел в кабинет. Внешняя стена в комнате была сложена из стеклянных мутно-зеленых блоков и имела одно окошко-амбразуру. Сел напротив. Наверху прогрохотал трамвай. Когда стихло, начальник спросил:

— Ты ведь член партии? — вопрос должен был предварять разнос. Последнее партсобрание Мурад пропустил. То есть в это время он работал на линии. Но руководство это мало интересовало. Оно считало, что коммунист должен сначала отсидеть три часа на собрании, а потом вздрюченный ехать и выработать план. Сами они сидели на собрании в свое рабочее время, а таксисты были вынуждены затем перерабатывать лишние три часа. Но начальник задал еще один вопрос: — Ты, кажется, еще и техникум закончил?

— Автомеханический.

— Андропов проводит большую чистку в милиции. Им нужны новые кадры, молодые, грамотные, не коррумпированные. Пришла разрядка. Хочешь быть инспектором ГАИ?

— Нет. Не хочу.

— Как это нет. Ты же хотел быть инспектором.

— Я хотел быть инспектором уголовного розыска.

— Какая разница. Все равно милиция.

Начальник знал об этом, поскольку Мурад брал с работы характеристику. Он, в самом деле, одно время хотел быть следователем. Но в тот раз не сложилось. Так как у него не приняли документы. Он пробовал в разных УВД и везде получил отказ под разными предлогами. В одном из них начальник кадров откровенно, но доброжелательно сказал ему, что есть негласная инструкция нерусских не брать. «А я разве нерусский?» — удивился тогда Мурад. «Ну, как же, папа у тебя кто?» — развел руками кадровик. Сам он, по его собственным словам, несколько лет прослужил в Азербайджане и был до известной степени лоялен к азербайджанцам.

— Все же лучше это, чем таксистом быть, — продолжал Михал Михалыч, — сколько ты собираешься крутить баранку? Вот есть возможность сделать карьеру. Все даные у тебя имеются. Молод, имеешь техническое образование, и главное, что член партии. Это шанс. Воспользуйся им, — поскольку Мурад не проявлял воодушевления, начальник добавил: — В нашей колонне только два человека имеют образование выше среднего, ты и Недогреев. Так что поедешь в УВД, приказ партии. Это у метро «Автозаводская». Зайдешь в кадры, скажешь, что ты из 9-го таксопарка. А потом как знаешь. Можешь разворачиваться и уходить. И наша с тобой совесть будет чиста. Моя, во всяком случае. Как говорится — наше дело прокукарекать, а там хоть не рассветай, — начальник нажал кнопку на темно-синем циферблате часов, высветив циферки. — Сейчас шесть. Они до восьми работают. Прямо сейчас и поезжай.

— У меня сейчас дела свои.

— А потом делами займешься. Слушай, не зли меня. Мне до сих пор глаза колот тем, что я земляку новую машину дал раньше времени. Езжай.

Последний довод возымел действие. Когда Мурад пришел устраиваться в таксопарк, в отделе кадров стоял мужчина в пальто с каракулевым воротником и любезничал с инспектором. Взглянув на документы, женщина сказала: «Вот вам еще один земляк, Михал Михалыч». Начальник оказался стопроцентным азербайджанцем, и звали его Михаил Михаилыч Махмудов. В русской транскрипции Михал Михалыч.

Мурад сдал деньги, путевку, сел на автобус и доехал до метро «Автозаводская».

Управление внутренних дел находилось в двух минутах от него. Он поднялся на третий этаж, нашел отдел кадров. За столом сидел молодой майор, но почему-то не в синем милицейском кителе, а в зеленом, военном. Выслушав Мурада, он протянул ему несколько листов бумаги со словами:

— Заполните анкету, там в коридоре есть стол и стул, — на заполнение анкеты ушло полчаса. Майор, потеряв терпение, выглянул в коридор и спросил: — Не готово еще? Я закрываюсь, — Мурад отдал ему заполненную анкету. — Зайдите через пару дней, получите направление на медкомиссию.

К началу работ по техобслуживанию он опоздал. Сменщик Женька Капустин, мужчина лет пятидесяти, встретил его волком. Он специально выезжал в ночь, чтобы спокойно заняться ремонтом машины. Машина уже висела на подъемнике, и слесарь, тихо матерясь, разглядывал рулевые тяги.

— Ты что, прохлаждаться решил? — рявкнул на него Капустин. — На вот накладную на тормозные колодки. Иди ищи начальника производства, без его подписи кладовщик не дает.

— Извини, проспал, отработаю, — сказал Мурад страдальчески.

— Отработает он, — кривляясь, сказал Капустин, — перебрал, что ли? — Мурад кивнул. — Ну ладно, — сказал уже другим тоном сменщик, в голосе появилось сочувствие. Похмелье — вот состояние, безусловно вызывающее сочувствие у членов профсоюза. — Получишь колодки, потом сбегаешь за водкой, закуску я взял. Скоро 11 часов.

— Нет, я не пойду и пить не буду, — возразил Мурад.

— Можешь не пить, но пойти пойдешь. Я что тебе, рыжий? Тоже мне пацана нашел, все самому делать.

— Хорошо, — согласился Мурад и отправился разыскивать начальника производства. Для этого ему пришлось оббежать весь таксопарк. Потом он сходил в универсам и, отстояв в очереди, купил бутылку «Пшеничной». Спрятал ее под курткой, вернулся в ремзону и отдал ее сменщику.

— Молодец, — похвалил Капустин.

В ремзоне было установлено шесть подъемников, по три в ряд с каждой стороны. Черная «Волга» висела на крайнем, в углу: машина была без колес, свисали тяги, шкворни, полуоси. Женька Капустин и слесарь Кузьмич стояли, обступив металлический полу-шкаф. Приблизившись, Мурад увидел своеобразный технологический натюрморт — в окружении промасленного тряпья и слесарного инструмента на плотной серой оберточной бумаге лежали толстонарезанные куски серого «Измайловского» хлеба и две пластмассовые тарелки. На одной — ломти отварной телятины, на другой — кавказские соленья: острый маринованный перец и черемша, зеленые помидоры, чеснок. Над закуской возвышалась принесенная Мурадом бутылка «Пшеничной», рядом замызганный граненый стакан, изобретенный скульптором Мухиной. Капустин наполнил стакан и тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Давай. Не задерживай. Стакан один, между прочим.

— Надо хотя бы стакан помыть, — колеблясь, сказал Мурад.

— Здесь ничего заразного нет, водка, солидол да машинное масло, в них микробы не живут, пей давай, интеллигенция хренова.

Мурад взял стакан и, кляня себя за слабый характер, мучаясь, с трудом осушил его.

— Вот это другое дело, — одобрительно сказал Кузьмич. — В коллективе работаешь.

После этого Кузьмич, выпив свою дозу, взялся за работу. А Капустин ушел подписывать у начальника производства очередную накладную на дефицитную запчасть.

— А поговорить? — сказал Мурад. Но его уже никто не слышал.

В самом процессе выпивки у таксистов было что-то сакральное. Человек, отказывающийся выпить, нарушал какие-то тотемные законы. Его обязательно надо было принудить к этому делу. Но после этого к нему сразу теряли интерес. В таксопарке пили все и пили много. Обычно разложив закуску на капоте машины или даже прямо в столовой. Принять дозу, то есть выпить стакан водки после смены, было обычным делом. За рулем, конечно, никто не пил, а если водитель болтался в парке в свободное время, это было его личное дело. Это не было нарушением трудового распорядка. Демонстративно, конечно, никто этого не делал, но особо не скрывались. Если дежурный по парку заставлял компанию таксистов, распивающих водку, он молча проходил мимо, делая вид, что не заметил. Но при этом водители быстро скидывались, кто-нибудь догонял дежурного на выходе и жал ему руку.

Мурад спустился на первый этаж по узкой темной лестнице, здесь на стене висел телефонный аппарат. Набрал номер на диске. Трубку долго не снимали, затем грубый мужской голос отрапортовал звание и фамилию, которые тут же вылетели у Мурада

из головы. Он стал объяснять цель своего звонка, но в трубку рявкнули — фамилия! Мурад назвал. После некоторой паузы, в течение которой Мурад слышал, как собеседник перелистывал некий журнал, телефонная мембрана обладала высокой чувствительностью, голос наконец произнес:

— Вы нам не подходите. До свидания.

— Подождите, — удивился Мурад, — что значит не подхожу? Я по направлению. У меня техническое образование. Я член партии. Почему не подхожу?

— По возрасту, — после короткого молчания ответил кадровик.

Мураду показалось, что он с кем-то советовался.

— Как вам это нравится? — повесив трубку, произнес Мурад. — Мне отказывают во взаимности во второй раз.

Он поднялся наверх, прошел в ремзону. Кузьмич уже прикручивал колеса, о чем-то балагурия с Капустиным.

— Гони монету, — сказал Капустин.

Мурад дал ему пять рублей. Женька присовокупил еще пятерку и протянул Кузьмичу. ТО-2 стоила десять рублей. Это был самый дорогой из профилактических ремонтов.

На следующий день перед выездом Мурад зашел к начальнику колонны и сообщил о том, что ему отказано в службе в ГАИ.

— То есть как это отказано? Почему отказано? — не поверил начальник. — Может, ты не ходил, а сейчас мне вкручиваешь? Я ведь могу позвонить, проверить.

— Разве я когда-нибудь обманывал вас? — обиделся Мурад.

— Ладно, не кипятись. А все-таки почему?

— Я думаю, из-за национальности. Я уже с этим сталкивался.

— Что за глупости? При чем здесь национальность, я тоже нацмен. У нас Шеварнадзе министр иностранных дел, а Гейдар Алиев — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Ты идешь, можно сказать, по партийной линии

— Да ладно, Михал Михалыч. Нехай они подавятся своими органами. Я, в общем-то, и не хотел.

— Нет уж. Теперь — это дело принципа. Нехай, говоришь? В правильном направлении мыслишь. Сейчас мы на них хохлов натравим. Иди к Нетребко.

— Начальник, мне на линию надо. Я уже время отбил.

— Полчаса погоды не сделают. Иди к секретарю парткома и доложи обстановку.

Мурад поплелся в здание администрации.

— Почему? — в свою очередь удивился Нетребко. — Что за ерунда, ты самый подходящий для них кадр.

— Я думаю, из-за национальности.

— Да быть этого не может. Подожди, сейчас я позвоню.

Секретарь парткома взял телефонный справочник, снял трубку и набрал номер. Разговор длился долго, невидимый собеседник, видимо, говорил обиняками. Поскольку секретарь парторганизации эзопов язык не понимал или не хотел понимать, он все время переспрашивал и просил пояснить. Наконец, он положил трубку, мрачно поглядел на Мурада, переминавшегося с ноги на ногу, и объявил:

— Похоже, что ты прав. Но это им так просто не сойдет с рук. Что с того, что не русский. Я вот тоже нерусский и шо? Короче, вот что сделаем. Завтра я дежурю в райкоме. Увижу второго секретаря и поговорю с ним. Зайдешь ко мне послезавтра.

— Может, не надо? Мне не по душе вся эта история. Насильно мил не будешь.

— Ну это когда как, — отрезал Нетребко, — иди пока, работай.

Мурад выехал из ворот парка, с досадой отметив, что целый час рабочего времени ушел на хождение по кабинетам. И погнал автомобиль на Варшавку, в мотель, где его ждал Байрам.

— Давай, ала, поехали, а то ты, как всегда, опаздываешь.

— Извини, начальник задержал. Между прочим, тоже азербайджанец. Хочет, чтобы я в ГАИ работал, направление дал.

— Молодец, хороший начальник, даже странно, что он тебе помогает. Наши друг другу не очень помогают, в отличие от армян. Сколько просят денег?

— Нисколько. По партийной линии.

— А-а, ну, если по партийной. Но у нас в Азербайджане, хоть по какой линии иди, все равно бабки придется дать. По партийной линии даже дороже будет. В Мардакянах в школу милиции поступить пять тысяч стоит. Сейчас в Кировабаде, чтобы в ГАИ устроиться, минимум десять штук дать надо. Считай, новую «Волгу». Так что иди, даже не думай. Всегда при деньгах будешь.

— Куда едем? — спросил Мурад.

— Как обычно. Сейчас в гостиницу «Зарядье», возьмем клиентов и по магазинам. Такса, как обычно, червонец в час.

Мурад согласно кивнул. Он вообще-то намеревался поднять цену, поскольку десятка в час при таких маршрутах едва покрывала показания счетчика. Но в последний момент передумал, надо было раньше поднимать этот вопрос. До того, как клиент сел в машину. Когда доехали до гостиницы, там уже их ожидали пятеро человек. Вскоре машина направилась в Мытищи. Из Мытищ поехали в Пушкино. Оттуда в Реутов. Затем в Железнодорожный. Из Железнодорожного в Люберцы. Когда с магазинами было покончено, Мурад вернул компанию в гостиницу. На счетчике было около сорока рублей. Клиенты, забрав свои покупки, вышли из машины.

— В мотель? — спросил Мурад.

— Нет, я останусь здесь. Они со мной еще не рассчитались. Ничего, если я завтра тебе заплачу? Уж извини, брат, я сегодня на мели. Сколько я должен?

— Мы ездили пять часов. Полтинник.

— За беспокойство еще червонец накину. Ладно?

Мураду был не по душе этот неожиданный поворот. Возить в долг — это было неправильно. Сорок рублей — приличная сумма, в кассу надо будет свои внести, но дружеские отношения. Как можно было обидеть человека недоверием. Да и как требовать деньги, если у него их нет. Не станешь же звать милицию.

— Завтра я не работаю.

— Ничего, послезавтра рассчитаемся. Утром к восьми подъезжай. Как раз в аэропорт меня отвезешь. Ты что, сомневаешься во мне? А это тебе от меня сувенир, — Байрам протянул Мураду золотистую металлическую ручку с вмонтированными в корпус электронными часами.

В следующую смену Мурад, едва отбившись от заказа, приехал в мотель в половине восьмого утра, для верности. Полчаса просидел в машине, а затем поднялся к стойке регистрации.

— Я жду клиента, заказ такси, — сказал он дежурному администратору, — можете позвонить ему?

— Какой номер? — спросила дежурная. Мурад назвал. — Байрам, что ли? Так он вчера уехал.

— Как уехал? Может быть, он деньги для меня оставил?

— Нет, парень, денег он не оставлял, — администратор смотрела на него с сочувствием. — Кинул, что ли?

— До свидания, — сказал Мурад и пошел к выходу.

Миша Погосов встретил Мурада ухмылкой.

— Что-то не нравится мне твоя улыбка, — сказал Мурад, — она напоминает мне слова средневекового поэта Мутаннаби, который сказал: «Если ты видишь клыки льва, не думай, что он тебе улыбается». Какую-то гадость собираешься мне сообщить?

— Ну почему ты так плохо обо мне думаешь? Огорчаешь ты меня, Мурадик. Но сравнение со львом для меня лестно. Звонили из милиции. Предлагали завтра зайти к ним. Что опять натворил?

— Мишико, у тебя ведь есть машина? Готовься к нелегкой жизни. Я в ГАИ иду работать. С тебя первого номера сниму.

Мурад дал механику путевку на подпись и пятьдесят копеек.

— Трешничек поменяешь? — спросил Миша. — Я же тебе хорошую новость сообщил, — но Мурад, не оборачиваясь, ушел, показывая из-за спины кукиш. — Как это грубо, — сказал ему вслед Миша, — и неинтеллигентно. Подобными жестами ты позоришь высокое звание московского таксиста.

По всему выходило, что Нетребко сдержал свое слово. Когда на следующий день Мурад вошел в отдел кадров управления внутренних дел, за столом сидел молодой лейтенант.

— Слушаю вас, товарищ, — сказал он, — вы по какому вопросу? Как ваша фамилия? — Мурад назвал. Лейтенант поискал в стопке бумаг, найдя нужную, протянул Мураду. — Вот вам направление на медкомиссию. С результатами вернетесь сюда, если пройдете, конечно. Комиссия очень серьезная. Это на весь день. Находится в Сокольниках. У метро. Ориентир — пожарная башня деревянная. Можете прямо сейчас ехать. Они в 11.00 начинают.

Остаток дня Мурад провел в очередях, переходя из одного кабинета врача в другой. Последним этапом были тесты. Всех завели в просторную аудиторию и раздали брошюры, состоявшие из четырехсот вопросов.

— Итак, товарищи, — обратился к аудитории врач, — вам нужно ответить письменно на все вопросы. Это своего рода экзамен. Предупреждаю, говорите только правду.

Кто соврет, тот сразу будет отчислен. А мы это пойдем. У нас есть соответствующая методика. Приступайте. Кто закончит, сдает тетрадь и ждет в коридоре результатов.

Мурад ответил на все вопросы, среди которых попадались довольно странные. Сдав работу, вышел в коридор, а затем во внутренний дворик, чтобы выкурить сигарету. Спустя час врач вышел объявить результаты тестов. Методика опознавания врача, видимо, существовала, так как он назвал несколько фамилий и сказал, что они отчислены за недобросовестные ответы. Потом он назвал еще три фамилии, среди которых оказался и Мурад.

— Вы на дополнительное собеседование.

Мурад дождался своей очереди и вошел в кабинет. За столом сидели двое врачей — мужчина и женщина. Последняя держала в руках заполненный им вопросник.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулась она. — Мы бы хотели услышать от вас уточнения по поводу некоторых ваших ответов. Да вы садитесь.

— Ответы не предполагали объяснений, — возразил Мурад, — только да или нет.

— Конечно-конечно. Просто нам нужны уточнения. Иногда вы отвечали не так, как обычно отвечают люди, — Мурад сел. Женщина стала зачитывать вопросы. На каждый Мурад давал подробный ответ, и женщина кивала головой. — И последний вопрос, — сказала врач. — «Хочется ли вам иногда сделать что-нибудь нехорошее?» На этот вопрос из всех соискателей только вы один ответили — да. Не могли бы вы пояснить, что вы имели в виду? — Мурад задумался. — Ну-ну, — подбодрила его женщина, — говорите как есть.

— Слово нехорошее я воспринял в буквальном смысле, типа хорошо — плохо, добро — зло. Но в жизни так не бывает. Мир не черно-белый. Если бы я ответил да, я бы покривил душой. Иногда человек поступает безобидно, но поступок все равно относится к слову «нехорошо».

— Не совсем понимаю вас. Не могли бы вы привести пример?

— Моя бывшая девушка говорила, что если видит в метро человека, несущего металлическую сетку с яйцами, ее так и подмывает пнуть по этой сетке. Но это не значит, что она изверг и садист. Хотя ей хочется совершить нехороший поступок, — врач укоризненно покачала головой, хотя в глазах ее сверкали веселые искорки. — Поэтому я с ней и расстался, — поспешил добавить Мурад. Женщина засмеялась.

— Это вы рассказали про свою бывшую девушку, а про себя что-нибудь?

— Хорошо, расскажу про себя. Иногда видишь на двери надпись: «Не входить». Но очень хочется войти. Значит, я мысленно нарушаю запрет, поступаю нехорошо. Или на столбе надпись: «Не влезай — убьет». Очень хочется влезть, но это не значит, что я это сделаю. Хотеть и делать — это не одно и то же. Если я увижу в метро красивую девушку, мне захочется поцеловать ее, но я этого не сделаю. Видите, когда человек предельно честен, он сразу вызывает подозрение.

— Хорошо, достаточно. Ваш ответ меня удовлетворил. Но у вас есть проблема.

— Надеюсь, не из-за пятого пункта.

— Другая. Количество набранных вами баллов зашкаливает. У вас очень высокий коэффициент интеллекта. То есть, грубо говоря, вы слишком умны для работы инспектором ГАИ.

— Но у меня других вариантов нет. К тому же сейчас я вообще работаю простым таксистом — это ничуть не лучше гаишника.

— Тем не менее, мы не можем допустить вас к работе простым инспектором. В крайнем случае, можем согласиться на должность госинспектора. Это уровнем выше. Это административная работа. Но вам нужно взять в УВД новое направление на должность госинспектора. Там другие требования и другие тесты. Но вы их пройдете, я уверена.

В УВД Мурад больше не поехал. По дороге домой купил пива и весь вечер просидел на балконе, глядя на Коломенское.

* * *

— Здравствуйте, чудесный день, не правда ли?

— Мы знакомы? У меня плохая память на лица, но я вас где-то видела.

— Мы живем в одной гостинице. Пару раз раскланивались.

«И что же мне делать дальше? — подумал Мурад. — Начинать знакомство заново в третий раз? Бедные актеры. Каково им всю жизнь повторять одни и те же слова».

— Сударыня, простите меня, я назойлив. Но это от тоски по родине. Ностальгия, понимаешь, дым отечества. Поговорить буквально не с кем. Одни, извините за выражение, нерусские кругом.

— Но вы тоже, извините, не особенно похожи на русского.

— Во мне, видимо, сказываются последствия монголо-татарского ига. А вы пока-

жите мне русского, похожего на русского.

— Я стою перед вами, — возразила Елизавета Павловна.

— Вы исключение. В вас, видимо, еще сохранилась кровь Синеуса и Трувора.

Девушка засмеялась. В этот момент Мурад услышал шум за спиной и, обернувшись, увидел вооруженного винтовкой армянина, который мрачно смотрел на него. Из-за ветра он не слышал, как тот подошел так близко. Двое других из революционного патруля стояли поодаль и тоже смотрели на них. Взгляд патрульного неожиданно смягчился, и он спросил:

— Ха эс?

— Че ахпер, папуасем... — без запинки ответил Мурад.

С минуту до патрульного доходил смысл сказанного, потом он захохотал и, кивнув, вернулся к своим. «Неужели я похож на армянина?» — подумал Мурад.

— Что вы ему сказали? — не сдержалась от любопытства Елизавета Павловна.

— Пошутил. Старый армянский анекдот. В Москве над ним уже не смеются, а здесь — нетронутая целина, их разбирает.

— А вы знаете армянский язык?

— Несколько слов. В армии набрался. И еще этот анекдот. Но хватает. Всегда принимают за своего. Вот она, великая сила искусства.

— Что вы называете искусством — анекдот?

— Да, а разве нет?

— Нет. Искусство — это театр.

— Как скажете. Я не привык спорить с дамами. Меня зовут Мурад, а вас?

— Простите, но я не знакомлюсь на улице.

— Но мы уже говорим с вами битый час. Мы же не англичане, в конце концов.

— Не надо преувеличивать. Прошло всего несколько минут.

— Уложившиеся в вечность, — нашелся Мурад.

— О-о-о, я вижу, что вы не чужды изящной словесности.

— Я приглашаю вас отобедать со мной.

— Я не обедаю с незнакомцами.

— После столь содержательной беседы вы не можете считать меня незнакомцем.

Тем более, что я знаю ваше имя — Елизавета Петровна.

— Менястораживает ваше упорство и ваша осведомленность.

— Я хочу вам помочь. Уберечь от неприятностей.

— Что вам за печаль, грозит мне опасность, не грозит. Если бы я боялась, я бы сюда не приехала. Я не боюсь ничего.

— А действительно, зачем вы сюда приехали? Можно было и в Москве дожидаться своего жениха.

— А это вас не касается. Но с чего вы взяли, что я жду жениха?

— Об этом вся гостиница судачит. Восхищаются силой вашей любви.

— Но я никому не говорила.

— Значит, догадались. Так как насчет обеда, принимаете мое приглашение?

— Благодарю вас, но вынуждена отклонить его. До свидания.

Мурад подождал, пока фигурка девушки не сравняется с первыми домами, и пошел следом. Сначала по Великокняжескому проспекту, потом обогнул вслед за ней Парапет. Не стал входить вслед за ней в вестибюль гостиницы. Остановился у соседнего дома, где на первом этаже располагалась овощная лавка, сделал вид, что рассматривает товары. К нему тут же выбежал приказчик азербайджанец.

— Что интересует, господин?

— Просто посмотреть хочу. Можно?

— Конечно, можно. Смотри, пожалуйста. Но купить тоже можно.

Мурад взглянул на продавца, он улыбался, малый был не без юмора.

— Как тебя зовут?

— Муса, господин хороший.

— Ладно, Муса. Почему вот это вот? — Мурад ткнул пальцем в первый попавшийся плод. Это оказалась небольшая симпатичная тыква.

— Пять копеек. Завернуть?

— Нет. Спасибо, я просто спросил. Я на обратном пути куплю.

— Лучше сейчас возьмите. Берите, не пожалеете. Бораны¹ сладкая, как мед, — в этот момент Мурад увидел, что Лиза, как он называл ее про себя, вышла из гостиницы. В руках у нее была дорожная сумка. Муса, проследив взгляд покупателя, сказал: — Очень красивая барышня. К жениху своему приехала. Так что не теряйте лучше времени напрасно.

— А ты откуда знаешь?

¹ Тыква (азерб.).

— Вся улица знает, — ответил Муса и, видя, что покупатель уходит, протянул ему в руки тыкву, — возьмите, деньги занесете на обратном пути. Так вернее будет, вдруг ее купят.

— Не надо, — сказал Мурад, отдавая обратно тыкву, но продавец спрятал руки за спиной.

— Нет-нет, пожалуйста, возьмите.

Мурад поискал глазами, куда бы положить тыкву, но в этот момент заметил, что Лиза скрылась в каком-то переулке. Тогда он, не желая терять драгоценных секунд на препирательство с навязчивым продавцом, быстрым шагом пошел за Лизой.

— Деньги в любое время можете занести, — крикнул ему вслед Муса.

— Черт бы тебя побрал, — пытаюсь поудобнее ухватить тыкву, сказал Мурад.

К счастью, овощ был не очень большим и продолговатым. Приспособил тыкву подмышкой и побегал. Поравнявшись с переулком, успел заметить, как девушка поворачивает в соседний. Здесь он припустил со всех ног. Увидел ее стройную фигуру и уже пошел спокойно за девушкой, перекладывая тыкву из одной подмышки в другую, стараясь примечать ориентиры, чтобы не заблудиться. Подать нить Ариадны ему было некому. Наконец, Лиза остановилась у двухэтажного дома и вошла во двор. Выждав немного, Мурад подошел ближе, огляделся, стараясь запомнить все вокруг. Прочитал адрес на доме — Николаевская, 10. Повернул обратно. Следующая встреча состоится на бульваре после обеда. Отказываться от обеда он не собирался. Достал бумажник. Царская десятирублевая ассигнация была на месте. «Неубавляемый червонец, люди за такие фокусы душу дьяволу отдавали. Пустячок, а приятно».

Ресторан был полупустой. Мурад сел на лучшее место, откуда был виден Парапет и переулок, откуда должна была появиться Елизавета Петровна. Когда к нему приблизился официант, Мурад, не давая ему открыть рот, сказал:

— Салам, Рустам. Принеси мне бутылку водки, закуски, на твое усмотрение, и шашлык из осетрины, кстати, икры тоже дай.

— Здравствуйте, — удивленно ответил Рустам. — Сейчас все сделаю. Как вы пожиаете? — задавая вопрос, парень, видимо, пытался вспомнить клиента.

— Не вспомнил? — улыбнулся Мурад. — А говорят, у официантов хорошая память на лица.

— Извините, — смутился Рустам, — такое чувство, что я вас знаю, но, хоть убейте, вспомнить не могу. А с этим что делать? Хотите, что-нибудь приготовим? — сказал Рустам, указывая на тыкву, которую Мурад продолжал держать подмышкой.

— А, это, нет, спасибо. Я тыкву не очень люблю. То есть вообще не ел никогда.

— Зачем купили?

— Да я не покупал. Это мне в долг дали. Надо будет деньги занести.

— Я могу положить ее в гардеробе пока.

— Да нет, не надо. Она мне не мешает, — Мурад водрузил тыкву стоймя напротив себя. — Как говорила моя покойная мама, имущество мужчины должно быть все время у него на виду. Не возражаешь?

Официант не возражал, хотя и особой радости от присутствия тыквы на столе не выразил. Он убрал со стола лишние приборы, в том числе и перед тыквой. Иначе это выглядело бы клоунадой. Принес ледяную бутылку казенной водки, горячий хлеб, закуски, икру черную в одной розетке, а в другой кругляш сливочного масла со слезой. Такие цилиндрики сливочного масла подавали на стол в армейской столовой в бытность Мурада солдатом. А также неизменные соленья. Глядя, как ловко парень расставляет тарелки, Мурад сказал:

— С меня долг причитается, в прошлый раз здесь конфликт произошел, я вынужден был уйти, не рассчитавшись. Надеюсь, это ты помнишь?

— Такого у меня не было, чтобы клиент ушел, не расплатившись, — возразил Рустам и отошел от странного клиента, но теперь старался не упускать его из виду.

«Ну что же, — сказал себе Мурад, — по крайней мере, я был честен». Он налил себе водки в рюмку. Почему подавальщик этого не сделал? Чокнулся с тыквой и выпил. Стал закусывать сначала молоканскими соленьями, вновь признав, что подмосковный засол все же гораздо лучше, потом сделал бутерброд с икрой и маслом. Все-таки профессор Преображенский был привередлив, подумал он, заедая вторую рюмку черной икрой. Холодные закуски тоже неплохо сочетаются с водкой.

Рустам принес шашлык из осетрины, источавшей божественный аромат.

— А вы откуда будете? Вы же не бакинец, кто по национальности?

— Я азербайджанец, — неожиданно для себя ответил Мурад, — но живу в Москве.

— Здесь по делу?

— Да, здесь по делу. Почему так мало людей в ресторане? Вроде время обеда. Где офисные клерки?

— Время тяжелое, неспокойное. Клиентов не осталось. Одни большевики таска-

ются, вместо денег маузеры показывают. А какие клерки? — переспросил официант.

— Никакие. Это я оговорился.

Рустам кивнул и отошел в сторону. В зале, кроме Мурада, было еще несколько человек. По виду приличные люди, не большевики. Однако ресторан понемногу наполнялся. Люди шли, словно услышав последнюю реплику Мурада. По проспекту проехал автомобиль, в кузове которого сидели солдаты с винтовками. Мурад взглянул на циферблат своих часов, затем сверил время с большими напольными часами, установленными у стены, напротив. Два огромных латунных диска медленно раскачивались в разные стороны. Как ни странно, но время совпадало минута в минуту. Он сидел в ресторане больше часа. Елизавете Петровне пора было уже появиться. Мурад наполнил рюмку, чокнулся с тыквой и выпил. Водка шла хорошо под молоканские соленья и черную икру с осетриной. Он налил себе еще и в этот момент услышал смех за спиной. Кто-то сказал:

— Ара, ты посмотри на него. Он с тыквой чокается. Клоун, эли, — Мурад, не оборачиваясь, повел головой и краем глаза увидел компанию, сидевшую за столиком поодаль. Из-за шума проезжавшего грузовика он не заметил, как они вошли. — Ара, зачем с тыквой пьешь? — веселился армянин. — Если не с кем выпить, иди к нам. Слышь, эй! С тобой говорю. Сюда смотри, — на плечо легла тяжелая волосатая длань. — Ара, глухой, что ли? С тобой говорю.

— В чем дело? — спросил Мурад, снимая с плеча ладонь.

— Жорик-джан... — обращаясь к кому-то из своих, сказал армянин, при этом полагая его кожного френча отошла в сторону, и перед лицом Мурада оказался револьвер, торчащий из кобуры. Недолго думая, Мурад вытянул револьвер и приставил дуло ему в пах. Армянин оборвал фразу, глянул вниз и обмер. — Ара, убери. А я пойду за свой стол.

— Бери рюмку, — приказал Мурад. — Чокайся и пей! Да не со мной. С тыквой, — большевик повиновался. — А теперь пошел вон. У себя за столом закусишь.

— Извините великодушно. А револьвер?

— У меня останется. Пошел.

Мурад накрыл револьвер салфеткой, направил дуло в сторону большевиков.

Армянин сел к своим товарищам за стол, и у них завязался оживленный разговор. Сидящий за соседним столиком мужчина обратился к Мураду:

— Сударь, не связывайтесь с ними. Власть в Баку принадлежит сейчас армянам.

— Да я бы и рад, но они сами меня задирают. Ищут ссоры.

— Постарайтесь отговориться, а если что, я вмешаюсь. Моя фамилия Смирнов. Я инженер. Работаю на нефтепромысле. Вы, я вижу, нездешний. Мой долг помочь соотечественнику.

— Благодарю вас. Давно вы здесь живете? Как вы распознали во мне соотечественника? Я не похож на русского.

— По московскому говору. Живу здесь я порядком, но собираюсь уезжать. Я сейчас без работы. Постоянные забастовки. А еще большевики собираются национализировать всю нефть. Надеюсь, что у них ничего не выйдет. Как думаете?

— Должен вас огорчить. Еще как выйдет.

— Вы что-то знаете?

— Можно и так сказать.

— Осторожно. Они идут к вам, — предупредил собеседник.

— Ара, вставай, — услышал Мурад, — именем революции, предъяви документы.

Мурад обернулся. У столика стояли двое. У одного из-за плеча выглядывала винтовка-трехлинейка, второй держал руку на кобуре маузера. Одного Мурад мысленно окрестил «человеком с ружьем», а другого — «ковбоем». Достал удостоверение и потянул тому, что держал руку на маузере. Большевик с минуту изучал документ.

— Ленин, эли, — сказал «ковбой», толкая товарища локтем. «Человек с ружьем» заглянул в книжицу.

— Это что, Ленин? — спросил тот.

— Ленин Владимир Ильич, — подтвердил Мурад.

— А что это за документ?

— Это партийный билет. Я коммунист. Это то же, что и большевик. Но на более высоком уровне. Так что вам есть к чему стремиться.

Большевики заговорили друг с другом на армянском языке. Потом «ковбой» спросил:

— Ленин сам выдал вам этот билет?

— Естественно, там внизу на обложке его подпись.

«Ковбой» вытащил из кармана газету, в которой был опубликован — Мурад смог прочитать название — «Декрет о Турецкой Армении». Они стали сличать подписи Ленина под декретом и в партбилете. Затем «человек с ружьем» вернул билет со словами:

— Извините, товарищ. А что, нам тоже такие билеты выдадут?
 — Если заслужите, — строго сказал Мурад.
 — Мы будем стараться, — пообещали армяне, — разрешите идти?
 — Идите, — разрешил Мурад.
 — Приятного аппетита. И ваш обед за наш счет.
 — Не стоит. Я сам оплачу.
 — Ни в коем случае. Обидите, будьте нашим гостем.
 — Ладно, уговорили, — согласился Мурад.
 — Это было красиво, — сказал инженер-нефтяник, — что это за волшебная книжка у вас?
 — Как-нибудь расскажу, — пообещал Мурад, — а сейчас, простите, я должен идти, — он увидел в окне Елизавету Петровну.

Сунул револьвер в карман и вышел из ресторана. Увидел впереди шляпку Елизаветы Петровны и пошел следом. На этот раз у него был другой план.

Девушка дошла до набережной и повернула налево. Занятый собственными мыслями, Мурад упустил это из виду и, обнаружив, что шляпка исчезла из виду, забеспокоился, ускорил шаг. Дойдя до конца Великокняжеского проспекта, повернул за угол и... нос к носу столкнулся с Елизаветой Петровной.

— Это что же, милостивый государь, вы преследуете меня?

В ее словах не было гнева, одна лишь ирония и, возможно, любопытство.

— Боже упаси, сударыня, почему вы предполагаете во мне только дурные намерения? Может быть, я ваш ангел-хранитель.

— Я хочу знать, почему вы идете за мной? — строго спросила Лиза. — И почему у вас тыква в руках?

— Подарок. То есть не то чтобы подарок. Я за нее должен заплатить. У здешних торговцев дурацкая манера все давать в долг. Теперь я должен разыскать ту лавочку и вернуть деньги.

— А вы еще и пьяный.

— Выпил малость, но я не пьяный. У них здесь водка не сорок градусов, меньше, с нее особо не опьянеешь.

— До свидания, — Елизавета Петровна повернулась и пошла вперед.

Выждав немного, Мурад пошел за ней. Пройдя сотню метров, девушка перешла на другую сторону и направилась к пристани. Мурад остался по эту сторону улицы. Подошел к навесу над торговой лавкой. И отсюда провожал ее взглядом. К нему немедленно вышел продавец армянин и спросил:

— Что желаете приобрести?

— Вообще-то я провожал девушку, просто остановился.

— Это хорошая девушка, — сказал торговец, — красивая. Но вы зря время теряете. Она сюда каждый день ходит, жениха встречает. Она из России.

— А вы чем торгуете?

— Сигары, сигареты, папиросы, табак, трубки, курительные смеси и даже, — армянин понизил голос, — я вижу, что вы не шпик, — есть хорошая анаша. Первый сорт. Да что я говорю, высший сорт. Заходите в лавку, прошу вас, — вслед за хозяином Мурад вошел в лавку. — Штучно тоже торгуем.

— Дайте мне одну сигару, самую лучшую.

— Прошу, — торговец открыл сигарную коробку, — это кубинские, берите, 10 копеек штука, — Мурад взял одну, понюхал. На коробке было написано: «Romeo and Julieta». — Ее надо обрезать, — сказал торговец, протягивая маленькую гильотину и специальные спички. Обрезав сигару, Мурад зажег ее, затянулся и почувствовал, что пьянеет от дыма больше, чем от выпитой водки. Он достал из бумажника десять рублей и протянул продавцу. Тот покачал головой. — С утра ни одного клиента, сдачи нет, я запишу за вами долг. Потом зайдете, заплатите. Я вижу, что вы человек порядочный. А про эту русскую забудьте, зачем вам чужая невеста. Хотите, я познакомлю вас с замечательной армянской девушкой?

— Нет, спасибо, — сказал Мурад, пуская клубы дыма и наблюдая за Лизой через стекло витрины. Она стояла у причала, разглядывая пароходы. Затем направилась к конторе, у которой толпились несколько военных. Мурад помнил, что это были всадники из «Мусульманского дивизиона».

— Почему отказываетесь? Вы же ее не видели. Она красивая.

— Не сомневаюсь, просто у меня уже есть зазноба.

— Ну, это другое дело. Как вам сигара?

— Отлично. «Ромео и Джульетта» — это те самые персонажи?

— Конечно, дорогой мой, это Шекспир.

— А у вас нет сигар — «Отелло и Дездемона»?

— Нет, — ненадолго задумавшись, ответил армянин, — даже не слышал о таких. А,

вы шутите? — сообразил он.

— Да, извините, — улыбнулся Мурад.

— Ничего, вы человек с юмором. Это хорошо. Я сам люблю пошутить.

— Кстати, а вы знаете, за что Отелло задушил Дездемону?

— Конечно знаю. Она же ему изменила. С этим, забыл, как его звали, Яго, по-мо-ему?

— Я вижу, вы образованный человек, — похвалил Мурад.

— Да, есть немного, — зарделся торговец.

— Только это официальная версия, а есть неофициальная, подлинная, так сказать.

— Интересно, почему же? Клянусь, никому не скажу.

— Она ему не давала. Говорила, что он черный, старый и некрасивый, — совершенно серьезно сказал Мурад. — Только между нами.

С минуту торговец смотрел на покупателя, а потом захохотал, протянул ладонь для рукобития. Мурад хлопнул по ней. Отсмеявшись, армянин сказал:

— Можно я ребятам тоже расскажу? Они никому не скажут.

Мурад кивнул согласно. Он все время поглядывал в окно и увидел, как Лиза вошла в контору. К площади подъехал грузовик, в кузове которого сидели красногвардейцы. Они стали спрыгивать на землю и рассредоточиваться цепью по площади.

— Что там происходит? — спросил Мурад.

— Это аскеры¹, что стоят у конторы, они из татарского полка, который стоит в Ленкорани. Там служил сын миллионера Тагиева, нефтяника. Он вздумал сыграть в русскую рулетку и проиграл. Сослуживцы привезли его тело в Баку на похороны. А теперь большевики не пускают их обратно. Видите, пароход «Эвелина», они на нем приплыли. Ревком приказал им разоружиться, а они отказались. А эти на грузовике как раз солдаты по их душу. Сейчас что-то будет. Надо бы витрину закрыть. Не дай бог стрельба начнется. Сейчас такое стекло сумасшедшие деньги стоит. Вы не возражаете?

Торговец вышел на улицу, следом за ним Мурад. Тот стал крутить железную ручку с намотанной на нее веревкой, опуская жалюзи.

— Говорят, среди большевиков большинство армян? — зачем-то спросил Мурад.

— Я не большевик, — сказал армянин, — и мне до них нет никакого дела. Может быть, там и армян большинство. Но я их и знать не хочу, этот сброд, который понаехал сюда из Турции и Персии, все проблемы из-за них. Мне все равно, кто человек, армянин, татарин, русский или еврей. Мы, бакинцы, одна нация. Я занимаюсь торговлей. Все как с ума посходили с этой «Великой Арменией». Моя великая Армения в этом доме. Квартира на третьем этаже с окнами на море. И я прекрасно лажу с соседями, и с татарами, и монголами. Это я к слову.

— Как вас зовут?

— Гриша.

— Очень приятно, а меня Мурад.

— Мне тоже приятно. Извините, я должен закрыть лавку. Сейчас что-то будет.

И, словно в подтверждение его слов, началась стрельба. Всадники мусульманского дивизиона в этот момент пересекали площадь. Они залегли и открыли ответный огонь. Из дверей портовой конторы выскочила сначала Лиза, а за ней конторщик, который, схватив ее за руку, втащил обратно. Мурад переместился от витрины, где он был слишком на виду, в ближайшую сумрачную подворотню с низким нависающим сводом. Отсюда он держал в поле зрения площадь и контору. Через час от красногвардейцев отделился парламентар. Стрельба стихла. Мурад наблюдал эту сцену, зная содержание переговоров.

Мурад подумал об Анастасии, и воспоминание согрело его сердце. Вчера, когда она открыла дверь, на ее лице была радость. «Что вам угодно, сударь?» — спросила она, улыбаясь. «Мне угодно перенестись в прошлое». — «Почему вы изменили свое решение?» — «Потому, что вы мне нравитесь». — «А я думала, что вам нравится моя бабушка». — «Да, но не здесь, а там». — «А если я сейчас закачу вам сцену ревности? Ишь, геронтофил нашелся». — «Я бы попросил выбирать выражения». — «Ладно, входите. Хотите чаю?» — «Да. И если можно, с коньяком»...

Переговоры закончились безрезультатно, но за время перемирия Лиза и конторщик покинули зону боевых действий. Они прошли мимо подворотни взволнованные, испуганные, оживленно переговариваясь друг с другом. Выждав немного, Мурад пошел за ними, подняв плечо и воротник пиджака, закрываясь от сильного порывистого ветра с моря. Они дошли до пересечения набережной с Великокняжеским проспектом и здесь разделились. Конторщик пошел прямо, а Лиза повернула направо. Дошла до

¹ Армейцы (азерб.).

Парапета, стала пересекать площадь. Здесь было много народу. Проходя мимо храма, она перекрестилась. Это была армянская церковь. После этого она исчезла из виду. Со стороны Торговой улицы появилась толпа вооруженных людей, они шли, горланя революционную песню, в словах которой чувствовался армянский акцент. Многие были навеселе. Навстречу им со стороны Персидской улицы спускалась другая колонна, те пели какой-то речитатив или церковный гимн. Те уже не скрывались под личиной большевизма и пели на армянском языке. На Парапете было много праздного и другого народа. Мурад упустил тот момент, когда началась стрельба. Палить стали сразу со всех сторон. Люди, преимущественно мусульмане, но не только, бросились в разные стороны.

Мурад побежал к гостинице, решив переждать там ночь, а затем отправиться спасать Лизу. Когда он был уже возле здания, услышал характерный свист. В последний миг успел услышать грохот, какая-то сила подбросила его и швырнула в небгтие. Он упал прямо на крыльцо гостиницы. Оттуда выглянул привратник, кликнул кого-то, и они вдвоем втащили бедолагу вовнутрь со словами: «Живой, бахтавар¹!»

Глава 4

Когда Мурад открыл глаза, на него смотрело встревоженное лицо Насти.

— Вы знаете, эти гады, оказывается, обстреливали мирных граждан из артиллерийских орудий. Один снаряд разорвался рядом со мной, меня подбросило взрывной волной. После взрыва ничего не помню, был без сознания. Анализируя дальнейшие события, можно предположить, что служащие гостиницы внесли меня внутрь и, наверное, отнесли в мой номер. На этот прекрасный летающий диван. Вы мне его подадите, когда все закончится?

Анастасия вдруг обняла его и жарко зашептала:

— Простите меня ради бога, я эгоистка. И вообще это ужасная глупость, ничего нельзя изменить. Все. Давайте на этом закончим.

— Ничего подобного, я только во вкус вошел и доведу дело до конца, чего бы мне это ни стоило. Дайте только отдышаться.

— Я освобождаю вас от всех обещаний, — несколько торжественно произнесла Анастасия.

— Спасибо, конечно, но вы о бабушке подумали? — укоризненно сказал Мурад. — На вас-то я могу жениться. А ей кто кольцо вернет?

— Я тронута. А про пушки я вам разве не рассказывала?

— Нет, наверное, вы решили пощадить мои тонкие организмы. Не пугать раньше времени.

— Районы, населенные мусульманами, обстреливали с Патамдарта, это самая высокая точка в окрестностях Баку. Оттуда стреляли армяне. А с бухты стреляли военные, русские моряки, которым армяне сказали, что мусульмане христиан режут. Что мы будем делать дальше?

— Я приду в себя и поеду на работу. Сегодня моя смена. А завтра, как обычно, на вахту.

— Я не имею морального права заставлять вас рисковать жизнью.

— Я это делаю добровольно.

— Бабушка чувствует себя все хуже. Почти не приходит в себя.

— Я помогу вашей бабушке, — заявил Мурад. — Я бы и в этот раз все сделал, если бы не снаряд. Ладно армяне, но почему русские моряки стреляли по мусульманам? Мало ли, кто что сказал. Надо было проверить, кого на самом деле режут, христиан или мусульман.

— Это были не просто русские моряки, а революционные матросы. И стреляли они по «врагам революции». Потом, разобравшись, они прекратили стрельбу. И стали защищать мусульман от избиения. Но четыре дня мусульмане были беззащитны. Их убивали, грабили, насиловали, не щадя никого, ни женщин, ни детей, ни стариков. Это все есть в документах комиссии, созданной правительством Азербайджанской республики, — протоколы, документальные свидетельства. Я зачитаю вам один такой протокол:

Документ №8

Протокол допроса 1918 г., декабря 2-го дня, город Баку.

Чрезвычайная следственная комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Устава уголовного судопроизводства, который показал:

«Ага Гусейн Тагиев, 38 лет, живу в Баку, на Азиатской ул. (Красноводская, 25).

¹ Счастливчик (азерб.).

18 марта сего года, в воскресенье, я находился в здании мусульманского благотворительного общества «Исмаилие», где проходило заседание представителей мусульман. Туда явился бывший бакинский градоначальник Гайк Тер-Микаелянц и от имени Армянского национального совета и партии «Дашнакцутюн» заявил, что если мусульмане выступят против большевиков, то армянские войска присоединятся к ним и помогут выгнать большевиков из Баку. Между тем на другой день, в понедельник 19 марта, армянские солдаты начали врываться в мусульманские дома, убивать мусульман и грабить их. В 4 часа дня большевики заключили с мусульманами мир, но армянские солдаты продолжали, тем не менее, свое наступление на мусульманские части города и при этом грабили и убивали мусульман. В это время я находился в крепости, где нами были вырыты окопы, из которых мы и начали обороняться от наступающих на нас армян. В крепости к нам явился персидский консул вместе с моряком Натансоном, некоторые говорили, что носится слух о том, будто бы мы вырезали всех армян и христиан, находившихся в крепости в доме Мир Али Нагия Усейнова. Мы проводили обоих в дом Усейнова и показали им помещения, в которых находились 240 христианских мужчин, женщин и детей (в том числе было много армян). Затем мы им дали провожатых, которые водили обоих и в другие дома, в которых помещались христиане. Там женщины и мужчины со слезами на глазах выражали свою благодарность по поводу того, что мусульмане хорошо обращаются с ними и дают им хлеб, рис и воду. Когда же им предложили уйти из крепости, в случае если бы они побоялись остаться там, они заявили, что желают разделить участь мусульман и уйти из крепости только вместе с последними. В это же время христиане послали матросам свою делегацию, состоявшую из мужчин и женщин, с просьбой прекратить бомбардировку крепости. Убедившись в том, что с христианами обращаются хорошо, персидский консул и Натансон удалились из крепости. Однако через три часа оба вновь возвратились в крепость и объявили, будто бы после их ухода из крепости мусульмане перерезали всех христиан; по их словам, об этом им сообщил по телефону Жорж Меликов и доктор Тер-Захарьянц. Мы снова показали им дом Усейнова, а также и другие дома, в которых помещались христиане, причем оба убедились в том, что все христиане невредимы. Уходя из крепости, Натансон распорядился поставить у крепостных ворот человек 20 моряков, которые помогали нам отражать нападение армянских солдат. Во главе наступающих армянских солдат я видел вооруженных ружьями и стрелявших в нас Степана Лалаева, Жоржа Меликова, Довлатова, Христофора Дильгарова и Амбарцума Меликова. 20 марта, когда я находился у крепостных ворот и лестницы возле здания мусульманского благотворительного общества «Исмаилие», я сам видел, как в это здание, со стороны переулка возле редакции газеты «Каспий», зашел Татевос Амиров с тремя вооруженными армянами; вскоре после этого в здании показалось пламя, и оно стorerо. Огонь перекинулся через Николаевскую улицу на расположенный напротив дом братьев Красильниковых; к этому дому вскоре подъехали пожарные, пытавшиеся потушить огонь. Когда студент Мамед Ирза Гаджинский, большевик, по телефону сообщил Шаумяну, что пожарные тушат дом Красильниковых, не принимая никаких мер к прекращению пожара в здании «Исмаилие», Шаумян обещал распорядиться, чтобы приняли меры к сохранению «Исмаилие»; на самом же деле такого распоряжения не последовало, и от всего грандиозного здания остались огни лишь стены.

...Армянам было хорошо известно, что во всех мечетях скрывались женщины и дети мусульман; по их указаниям военные суда, бомбардировавшие мусульманские кварталы города, обстреливали и мечети, в которые попало 19 снарядов. Во время мартовских событий было убито столько мусульман, что их трупы перевезли с Петровской и Железнодорожной пристаней на Биби-Эйбат на 6-ти баржах. Помимо этого, много трупов перевезли в мечети и на кладбища на арбах и на грузовых автомобилях. Мусульмане обратились в исполнительный комитет с ходатайством оказать им содействие в перевозке, а также и в розыске трупов убитых родственников, но в этом ходатайстве было отказано. В конце Станиславской улицы, в местности «Похлы Даре», случайно были найдены зарытые неглубоко в землю 57 мусульманских женщин. Врываясь в мусульманские дома, армяне убивали там всех, не щадя ни женщин, ни детей. Так на Церковной улице они вошли в квартиру Гаджи Амира Алиева, старика 80 лет, и убили самого Алиева, его жену 60 лет, другую жену 70 лет, сына, зарезали троих детей (малолетних) и пригвоздили к стене невестку Алиева, женщину лет 25. В Тазапирской мечети я видел трупов 50-60; многие из них были страшно изуродованы или обезглавлены. К мартовской резне армяне готовились заранее. Еще в первых числах марта управляющий моими нефтяными промыслами инженер Герасим Михайлович Тер-Акопов, предупредил меня, что в Баку предвигаются тревожные события, почему и советовал не оставаться в городе, а переехать с семьей на дачу. После заключения между армянами и мусульманами мира армяне продолжали систематически истреблять мусульман при каждом удобном случае».

В конце концов резня была прекращена благодаря тем же русским матросам, разобравшимся в том, что происходит. Они пригрозили, что выйдут из подчинения Баксовету и откроют огонь из пушек по армянской части города. В подтверждение этих слов военные корабли «Ардаган» и «Красноводск» подошли к восточным пристаням. К ним присоединился 36-й Туркестанский полк. И этот демарш возымел действие. Сами большевики потом пытались представить погромы и избиения мирных граждан как революционную борьбу, как контрреволюционный мятеж. О том, что большевикам нужна была только причина для начала погромов, свидетельствует признание Шаумяна, цитирую:

«Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... У нас были уже вооруженные силы около 6 тысяч человек. У «Дашнакцутюн» имелось также около 3-4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Если бы они («Мусават») взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана».

Это был именно погром и избиение мирного населения. В большевистских отрядах, наступавших на мусульманские кварталы, были солдаты, пришедшие с фронта, они вели наступление по всем правилам войны. От них неумело отстреливались азербайджанцы. Солдаты наступали, уверенные в том, что они сражаются за советскую власть. Но за спинами русских солдат шли маленькие отряды хорошо вооруженных армян. Они были одеты в солдатскую форму. У них были винтовки, револьверы, кинжалы. Вот они действовали, как каратели. По свидетельству очевидцев, после окончания погромов на улицах Баку лежали сотни трупов азербайджанцев, проколотых штыками и разрубленных шашками. Из-за этого в течение длительного времени после мартовской трагедии на улицах Баку ощущалось страшное зловоние. Даже меньшевистская газета «Наш голос», которая в начале событий поддерживала действия руководства Бакинского совета, назвала происходящее в городе «национальной резней». И тут же была закрыта постановлением «Комитета революционной обороны», «ввиду появившихся в ней не отвечающих действительной оценке событий и явно тенденциозных статей». Шаумян пытался свалить всю ответственность за массовые убийства азербайджанцев в Баку на армянскую сторону. Он признавал, что в результате мартовских событий «пострадала масса бедных и бездомных мусульман». И объяснял это тем, что большевикам «пришлось прибегнуть к помощи армянского полка, и они не могли допустить себе роскошь отказаться от их услуг». Хотя без малейших угрызений совести тут же подчеркивал, что *«победа настолько велика, что это мало омрачает действительность».*

— Я не пойму, — угрюмо произнес Мурад, — зачем надо было разоружать экипаж «Эвелины»? Там военных было мало.

— Им был нужен повод для того, чтобы начать наступление на мусульман. На «Эвелине» из Ленкорани однополчане привезли тело сына известного миллионера и мецената Тагиева. Он погиб, играя в русскую рулетку, это недостоверно, но то, что он застрелился сам, это факт. Армяне распустили слух о том, что эти офицеры получили в Баку тайное задание по возвращении напасть на села русских молокан. Провокация сработала, все не азербайджанские политические силы выступили за разоружение «Эвелины». По инициативе вновь созданного ревкома обороны Баку была задержана отправка «Эвелины», а офицеры были разоружены. Мусульманское население возмутилось и потребовало возвратить офицерам их оружие. В защиту ревкома выступили дашнаки и Армянский национальный совет. Потом был обстрелян конный отряд красноармейцев; кто стрелял, неизвестно, но обвинили в этом мусульман. В тот же вечер раздались первые выстрелы.

— Сколько дней, вы говорите, это длилось? — спросил Мурад.

— Четыре дня — 18, 19, 20 и 21 марта.

— Я все время попадаю в 18 марта, значит, если получится остаться, то мне придется продержаться четыре дня. Как дальше развивались события во время погромов, мне нужно знать рекогносцировку, предупрежден — значит вооружен.

— Армяне обстреливали мусульман из пушек и пулеметов из Сальянских казарм. С крыши гостиницы «Метрополь» обстреливали здание Азербайджанского национального совета — «Исмаилие». Начались пожары, город заволочло дымом. Даже начавшийся непрерывный дождь не мог его потушить. Затем центр и все мусульманские кварталы подверглись атаке красной гвардии и бомбардировке с аэропланов, а также с кораблей Каспийской флотилии, которые подошли к берегу. 31 марта мусульмане обратились в Баксовет, лично к Шаумяну, с просьбой прекратить военные действия и вывесили белые флаги в знак капитуляции. Баксовет созвал мирную конференцию

под председательством комиссара Джапаридзе. Однако на этой конференции мусульманам, просившим о помощи, был выдвинут ультиматум — безоговорочное признание власти Баксовета и выведение за пределы Баку «Дикой дивизии». Ради прекращения кровопролития партия «Мусават» приняла ультиматум. Но, несмотря на объявленное перемирие, погромы продолжались. Армяне в ответ на обвинения отвечали, что они защищают христиан, поскольку мусульмане режут христиан. Справедливости ради надо сказать, что бакинские армяне были гораздо человечнее пришлых. Многие пытались предупредить своих соседей о готовящихся погромах. Многие спасали их в своих домах. Богатые сразу же сели на пароход и отплыли в Энзели, это портовый город в Иране. Те, у кого не было денег на пароход, покидали город кто как мог — на подводах, лодках, пешком. Богатые мусульмане прятались у своих армянских друзей. Сын армянского миллионера Жорж Меликов спас полтора десятка мусульманских богатых семей. Даже азербайджанские большевики были вынуждены скрываться в эти дни. Самые известные из них Нариманов и Азизбеков прятались в доме Шаумяна. Большевики выпустили джина из бутылки и не могли загнать его обратно. За три дня армянами в Баку было убито двенадцать тысяч человек. Что с вами? Вы плачете?

— Нет, просто в глаз что-то попало.

* * *

Портъе, молоденький азербайджанец с усиками, сидевший за стойкой, привстал, приветствуя постояльца.

— Вы легко одеты, сударь, — заметил он, — сегодня дует *хазри*, можете простудиться.

— Ничего, — ответил Мурад, — я закаленный, — портъе дежурно улыбнулся и сел на место. — Какое сегодня число?

— 18 марта.

— 18 марта, — задумчиво повторил Мурад и вышел из гостиницы.

Встретив мужчину в черкеске с газырями и кинжалом на поясе, раскланялся с ним, как со старым знакомым. Великокняжеский проспект был еще малолюднен, мимо проехал полупустой трамвай. Мурад вскочил на его подножку, чтобы миновать шедший навстречу революционный патруль. Проехав немного, соскочил с подножки, не заплатив за проезд. Елизавета Петровна стояла на прежнем месте. Ее шляпка была завязана лентами под подбородком, но она все равно придерживала ее рукой.

— Доброе утро, сударыня, — крикнул, остановившись поодаль, Мурад.

Девушка обернулась, настороженно разглядывая незнакомца. «Опять двадцать пять, — подумал Мурад, — как мне надоело завоевывать ее расположение. Эдак никакого терпения не хватит». Но Елизавета Петровна вдруг улыбнулась ему и помахала, как доброму знакомому.

— А, это вы? — сказала она. — Доброе утро!

— Какие новости? Пароход будет сегодня?

— Да, — удивленно сказала девушка, — после обеда должен прибыть. Простите меня. У вас такое знакомое лицо, но я никак не могу вспомнить, откуда я вас знаю. Мы, наверное, ехали вместе из Москвы в поезде?

— Нет, просто я живу в той же гостинице, что и вы.

— А-а, — неуверенно протянула Елизавета Павловна, — вот уж воистину говорят, девичья память. А откуда вы знаете про пароход?

— Я нечаянно услышал, как вы спрашивали дорогу на пристань. Поэтому решил, что вы ждете пароход. Вы не стойте здесь долго, сегодня дует этот, как его, *хазри*. Это северный ветер.

— Я поняла вашу мысль. Но мне здесь хорошо, свежий воздух и не слышно запаха мазута.

— Это запах нефти. В Баку от него никуда не деться. Но вы правы, сейчас здесь запах почти не чувствуется. Можно, я постою рядом с вами?

— Стойте пожалуйста. Бульвар общественный.

Мурад встал рядом и устремил взгляд в море на пенистые буруны волн. По правую руку на рейде стояли военные корабли. На одном было написано «Кисловодск», на другом — «Ардаган».

— Простите, — сказал Мурад, увидев приближающийся армянский патруль, — у меня кончились сигареты. Я скоро вернусь, — и, торопясь, ушел. Но разминуться с патрулем он не смог. Солдаты по какой-то причине ускорили шаг. Видя, что он не успевает проскочить, остановился и поднес ладонь к шляпе на манер отдания воинской чести. И, когда красноармейцы приблизились на полсотни метров, стал выкрикивать: — Да здравствует революция! Вся власть — советам, землю — крестьянам, заводы — рабочим! Слава великому Ленину, Сталину и товарищу Шаумяну Сурену Георгиеви-

чу! — патрульные в некотором недоумении выслушали все эти лозунги, замедля шаг, затем и вовсе остановились, стали переглядываться. Один из них покрутил рукой у виска. И они пошли в другую сторону. — Мать вашу, — сказал им вслед Мурад и вернул к Елизавете Петровне. Она с любопытством смотрела на него.

— Что это было? — спросила она. — Вы большевик, революционер?

— Ни боже мой. У меня документы не в порядке. Сыграл на опережение. Краткий курс психологии.

— Слава богу, а я было испугалась. Не люблю экзальтированных людей. Но как странно вы изъясняетесь, — Мурад вдруг осознал, что голос Насти и Елизаветы Петровны почти неотличимы друг от друга. И внешнее сходство тоже присутствовало. Если Настю нарядить в платье бабушки, была бы точная копия. — Чему вы улыбаетесь? — подозрительно спросила Елизавета Петровна.

— Простите, у меня есть одна знакомая, очень похожая на вас. Я вспомнил ее, у меня стало тепло на сердце. Поэтому я улыбнулся.

— Я рада за вас.

— А вы, надо полагать, ждете жениха?

— Я не говорила вам об этом. С чего вы взяли?

— Кого еще может ждать молодая красивая дама, не сводя глаз с моря? Это классический сюжет всей мировой литературы.

— Вы угадали, я хотела сердиться, но вы так красиво объяснили. Однако мне пора. Ветер, в самом деле, холодный. Я чувствую, что продрогла.

— Могу я пригласить вас пообедать со мной?

— Благодарю вас, но я вынуждена отклонить ваше предложение. Моему жениху это не понравилось бы. Господи, скорее бы он приехал. Мне так неуютно в этом городе. У меня, вы знаете, плохое предчувствие. Как будто что-то должно произойти. Эти толпы людей с оружием.

— Я как раз об этом хотел поговорить с вами за обедом. В городе грядут беспорядки, вам бы лучше уехать и немедленно.

— Вы что-то знаете? Откуда?

— Да, знаю. Армяне будут убивать азербайджанцев. Я осведомлен.

— А почему вы не предупредите об этом власти? Тех же большевиков.

— Власть об этом прекрасно осведомлена и попустительствует. Я могу спасти только вас.

— Спасибо за предупреждение. До свидания.

— Так вы последуете моему совету? — крикнул ей вслед Мурад.

— Не могу, я должна дожидаться Сережу. Я вас познакомлю.

— Это вряд ли, — мрачно сказал Мурад и добавил: — Меня бы кто так любил.

Но тут же устыдился собственной зависти. Сереже не суждено было пожать плоды этой любви. Мурад неторопливо пошел за ней, дошел до дверей ресторана и остановился, провожая ее взглядом. Толкнул стеклянную дверь и направился к лучшему столику у большего окна, выходящего на Парапет. Рядом со столиком в небольшой арочной нише стояла маленькая пальма. Обезьяны не хватает на ней и бананов, злобно подумал Мурад. Он находился в мрачном расположении духа. Надо было скорее унять эту тоску-печаль. Подошедшему официанту он не дал рта раскрыть.

— Всё носи и графинчик ледяной водки. Только водку и графин по отдельности. Бутылку здесь откроешь. Не обижайся. И соленья молочанские.

— Ну что вы, — добродушно сказал официант, — мы на постоянных клиентов не обижаемся. Что-то вы давно к нам не заходили.

— А ты меня помнишь? — удивился Мурад.

— Конечно, у меня хорошая память на лица. Я принесу вам закуски, ассорти кебаб.

— Главное, икры не забудь. И вот еще что, возьми деньги, сразу меня рассчитаи и проследи, чтобы черный вход не оказался закрытым.

— Зачем вам черный вход? Для вас парадный всегда открыт.

— На всякий случай. Вдруг заварушка какая. Армян полно вокруг.

— Я вас понял, — сказал Рустам и ушел.

Водку, хлеб и соленья молочанские принесли сразу. Рустам предъявил для осмотра облитое сургучом горлышко, собственноручно открыл бутылку и перелил в графин пузырящееся содержимое. Сам графин был обложен кубиками льда. Наполнил стопку водкой и ушел. Мурад медленно выпил и съел жгучий маринованный перец. Когда принесли икру и сливочное масло, он выпил вторую рюмку, съел бутерброд с икрой, чувствуя, как угасает невесть откуда взявшееся раздражение. Когда принесли гутабы с мясом, он налил себе третью рюмку, свернул гутаб, макнул в стопку красного сушеного барбариса, выпил, стал жевать, чувствуя, как хрустят на зубах кисло-сладкие гранатовые зернышки.

Он поймал на себе взгляд двух приличного вида мужчин, сидевших через два сто-

лика от него. Они пили чай, одобрительно улыбались, глядя, как он рюмку за рюмкой опустошает графин. Полупоклоны. Мурад ответил им тем же. Затем подозвал официанта и попросил отнести им бутылку водки. Рустам, выполнив поручение, вернулся:

— Они благодарят и приглашают вас за свой столик.

Мурад, недолго думая, пошел к ним. Встали при его появлении. Оба были хорошо одеты, в черных костюмах, белоснежных манишках, аккуратные бородки.

— Георгий Северский, — представился первый, — депутат Бакинской городской Думы. А это мой товарищ — Леван Потарая. Присяжный поверенный. Прошу вас, садитесь.

— Меня зовут Мурад Шабанов. Вот вы, между прочим, Северский, а живете на юге.

— Это вы правильно подметили. Чем вы занимаетесь? — спросил Северский.

— Я служу в одной транспортной компании.

— В какой, простите? Я все бакинские агентства знаю, — оживился Потарая.

— Я живу в Москве. Там же и работаю.

— Ах, вы из Москвы?

— Да, проездом.

— Но вы не армянин!

— Нет, я не армянин.

— Ты не угадал, Георгий, — засмеялся Леван Потарая, — мы с ним поспорили. Я выиграл. Вы татарин азербайджанский.

— Почти. Я наполовину азербайджанец. Дитя двух народов. Мама у меня русская.

— Национальность определяется по отцу, — категорически заявил Северский, — во всяком случае, в Российской империи. Это я вам как юрист заявляю. Так что я выиграл.

— Российской империи больше нет, — мрачно сказал Леван, — а как будет определять национальность новая власть, еще неизвестно. Евреи, во всяком случае, определяют национальность по матери. Так что сие, извини, недоказуемо.

— На что вы спорили? — спросил Мурад.

— На ужин в этом ресторане. Проигравший платит.

— А почему вдруг вы на меня спорили?

— Прошу вас, не обижайтесь, — сказал Леван, — вы так красиво выпивали и закусывали, что мы обратили внимание на вас. Не каждый день увидишь, как молодой человек заказывает графинчик водки и пьет его рюмку за рюмкой, словно это вода, а не спирт, разбавленный водой.

— Это что, вы бы видели, как у нас в таксопарке водители вьют. Одно загляденье. Наливает гранёный стакан до краев, руки трясутся, так он, чтобы не расплескать драгоценные капли, его зубами берет и пьет, — Мурад посмотрел на озадаченные лица своих знакомых и спросил: — А что, гранёный стакан еще не изобрели?

— Нет, — ответил Северский, — но у вас прекрасное чувство юмора. Верно, Леван?

— Конечно, — согласился Потарая, — а что это за таксопарк, где так пьют водители?

— Я имею в виду нашу транспортную компанию, мы услуги такси тоже оказываем населению. Недавно заказали десяток автомобилей «Рено». Но водители пьют после работы, конечно же. В пьяном виде за руль никто не садится. Доктор специальный дежурит.

— Тебе, Леван, тоже не помешал бы такой доктор, — заметил Северский, — ты ведь любишь после бутылки вина погонять вдоль бульвара.

Они стали шутливо препираться.

— Простите, — сказал Мурад, — вы спорили на ужин. А я, как та монетка, стал ребрбом. Ни вашим, ни нашим. Позвольте мне взять на себя это обязательство и угостить вас обедом. Засчитайте мне проигрыш.

— Ну что вы.

— Я настаиваю. Когда еще придется посидеть в такой приятной компании. Вдруг завтра война.

— Это вы хорошо сказали, — философски заметил Леван, — я принимаю ваше приглашение. Правда, у нас мало времени, через полчаса заседание Думы.

— За полчаса мы успеем выпить и добежать до канадской границы.

Северский посмотрел на Мурада и вдруг захохотал. Леван удивленно посмотрел на него, но затем тоже засмеялся.

— Не знаю почему, но ужасно смешно вы сказали. Канада далеко. Вот если бы до Персии. Но до нее тоже за полчаса не добежишь.

— Прошу ко мне за стол, — повторил Мурад.

Перебрались за его стол. Он сделал знак официанту, и тот принес рюмки и столо-

вые приборы.

— Мы есть не будем, — предупредил Северский. — Выпьем по рюмке за знакомство и откланяемся. Хорошо?

— Можете не есть, но водку надо закусывать. Хотя бы икрой хлеб намажьте.

— Это можно, — согласились новые знакомые. Официант наполнил рюмки.

— Ваше здоровье, — сказал Мурад.

— Чрезвычайно рады знакомству, — ответили ему.

— Скажите, господа, — спросил Мурад, — что вы делаете, чтобы предупредить завтрашний погром?

Депутаты посерьезнели, переглянулись. Северский сказал товарищу:

— Кажется, наш новый друг осведомлен больше нас. Вы что-то знаете, сударь?

— По-моему, в Баку об этом знают все, — заметил Мурад. Леван тяжело вздохнул.

— Поверьте, сударь. Мы делаем все, чтобы не допустить столкновений. Мы настояли на том, чтобы в Баку сформировали интернациональные патрули для поддержания порядка.

— Простите, — спросил Мурад, разливая водку по второму разу, — вы принадлежите к политическим партиям?

— Мы эсеры, — ответил Леван, — оба. К сожалению, нас меньшинство. Но если вы что-то знаете, скажите. Мы примем меры.

Мурад, взглянув на часы, сказал:

— Через полчаса на пристани начнется перестрелка. Красногвардейцы откроют огонь по всадникам Мусульманского дивизиона. Если предупредить эту стычку, возможно, погрома и не будет.

Депутаты переглянулись. Северский сказал неуверенно:

— Можно сообщить об этом Шаумяну.

— Только не Шаумяну. Он уже втайне благословил истребление азербайджанцев.

Надо предупредить об этом русских моряков, — в это время в ресторан с шумом вошли армяне. Двое из них уселись за столик, а третий, завидя Мурада, сразу же направился к нему. — Сделайте так, как я прошу, и кровь не прольется, а сейчас простите меня, я с вами прощаюсь.

Он смотрел на напряженные лица новых знакомых, прислушиваясь к приближающимся шагам. Когда армянин остановился возле столика, Мурад встал и, не дав ему открыт рот, обрушил тяжелый деревянный стул на его голову. Большевик свалился без чувств с удивленным выражением лица. Мурад хладнокровно отстегнул ремешок на его кобуре, вытащил револьвер и, наставив его на ошарашенных армян, быстрым шагом прошел к черному ходу и выбежал из ресторана.

Конторщик читал газету «Бакинский рабочий». Увидев вошедшего, он воззрился на него поверх пенсне:

— Чем могу быть полезен, сударь?

— Что пишут?

— Вы за этим сюда пришли? — в голосе конторщика слышался сарказм.

— И за этим тоже. Так что пишут? — нависая над ним, повторил Мурад.

— Сударь, вы пьяны, — отстраняясь, сказал конторщик.

— Мне в третий раз задать этот вопрос?

Конторщик вдруг сообразил, что от этого человека исходит угроза.

— Пишут, что в городе возможны межнациональные столкновения.

— Это очевидно. А вы на чьей стороне?

— То есть? В каком смысле?

— Вы за мусульман или армян?

— Вы знаете, молодой человек, я еврей. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Интересно, какие последствия могут из этого вытекать?

— Строгий нейтралитет. Мой народ достаточно пострадал, чтоб поддерживать какую-либо сторону.

— Но вы же против погромов?

— Конечно. Но я не понимаю, какое отношение я могу к этому иметь? Что за странные вопросы вы задаете?

— Это обыкновенный социологический опрос.

— Какой, простите, опрос?

— Я шучу.

— Ну и шутки у вас. Погромы, это, знаете ли, не тема для шуток.

— Я пошутил про опрос, а про погромы я не шучу. Вы не слышали, что в Киеве творят черносотенцы? Там идут еврейские погромы.

— Значит, это правда? До меня доносились эти слухи, — помрачнел конторщик.

— В Баку армяне собираются резать мусульман. И не говорите, что вас это не касается. Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством.

— Это вы хорошо сказали.

— Это не я, это поэт сказал, как же его, Джон Донн. Так вы готовы помочь невинным людям?

— Конечно. Все, что от меня зависит.

— Снимите трубку этого телефона и отдайте распоряжение о выходе «Эвелины» из порта.

— А при чем здесь «Эвелина»? И откуда вы знаете про запрет?

— Это неважно. Это вы многого не знаете. Делайте, что вам говорят.

— Я на службе, молодой человек, и не могу самовольно отдавать такие приказы. Меня с работы снимут.

— А если так? — сказал Мурад и полез в карман. Конторщик настороженно следил за действиями странного субъекта. Когда на свет появился револьвер, он побледнел и сказал:

— Умоляю, у меня шестеро детей.

— Зачем же вы так жену истязаете? Надо пользоваться противозачаточными средствами.

— Рад бы, но Талмуд не позволяет.

— Снимайте трубку, — приказал Мурад.

— Послушайте, сударь. Вы можете убить меня, но это ничего не изменит. Я всего лишь маленький винтик в службе порта. Видите тот военный корабль. Он знает о запрете на выход «Эвелины». Даже если я разрешу кораблю выйти в море, они ее потопят. Будет только хуже. Военный корабль мне не подчиняется. Он получил приказ из ревкома, — в этот момент в дверь постучали. — Войдите, — обрадованно крикнул конторщик. Мурад едва успел схватить газету и накрыть револьвер, как в комнату вошла Елизавета Петровна.

— Здравствуйте, сударь, — обратилась она к конторщику, — я заходила к вам утром. По поводу парохода из Ленкорани. Вы предложили мне прийти после полудни.

— К сожалению, сударыня ничем не могу вас обрадовать, — косясь на газету, сказал конторщик. — Сегодня парохода уже не будет.

— Очень и очень жаль, — вздохнув, произнесла девушка. Она взглянула на второго посетителя и удивленно воскликнула: — Вы? Что вы здесь делаете? Тоже ждете пароход?

— Напротив, я пароход пытаюсь отправить. А вот он его не выпускает.

Пока девушка силилась постичь смысл услышанного, открылась дверь, и в контору вошел военный.

— Поручик Асадуллаев, — отрекомендовался офицер. — На каком основании не выпускают «Эвелину»?

— Что вы все от меня хотите? — жалобно сказал конторщик. — Это приказ начальника порта, идите к нему. Вот товарищ тоже требует, чтобы я выпустил «Эвелину». Угрожал мне пистолетом.

Поручик обратился к Мураду.

— Вы пассажир с «Эвелины»? Вам не надо в это вмешиваться. Идите на корабль. Мы сами разберемся.

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент на площади раздались выстрелы. Поручик выбежал из конторы. Конторщик схватил телефонный аппарат, накрутил ручку и стал кричать:

— Барышня, это с Русско-Кавказской пристани говорят! Здесь стрельба. Сообщите, куда следует.

Мурад выглянул наружу и увидел всадников, лежащих на земле посреди площади. По ним палили со всех сторон из винтовок. Мурад схватил девушку за руку, несмотря на ее сопротивление, вывел из домика конторы. Пока они бежали, огибая площадь, пули свистели над их головами. Им удалось без потерь покинуть поле боя и спрятаться в подъезде дома. Двор оказался проходным. Пройдя его насквозь, они вышли на соседнюю улицу. Елизавета Петровна тяжело дышала.

— Спасибо, — сказала она, — кажется, вы спасли мне жизнь.

— Не стоит благодарности. Просто выслушайте меня. Вам нужно немедленно уехать. Сегодня в Баку начнутся погромы.

— Я должна дожидаться своего жениха.

— Он не приедет.

— Откуда вы знаете?

— В Ленкорани арестован какой-то русский офицер. Вероятно, что это он.

— Идите к черту! — вдруг закричала девушка. — Что вы ходите за мной? Оставьте меня в покое. Это все вас не касается. Прощайте. Надеюсь, что я вас больше никогда

не увижу, — повернулась и пошла.

— Позвольте хоть проводить вас? — сказал ей вслед Мурад.

— Нет, не смейте ходить за мной.

Мурад смотрел, как она удаляется, затем крикнул:

— Вы не в ту сторону пошли! Гостиница в другой стороне.

Девушка отмахнулась, однако направление сменила. Подождав немного, Мурад, не скрываясь, двинулся за ней. Он шел, поглядывая на таблички на домах, отмечая названия улиц, сменяющих друг друга. Они находились на углу Биржевой и Красноводской улиц. А затем шли по Молоканской, пересекая улицы Гоголя и Мариинскую. Идти было трудно, поскольку дороги и тротуары были наводнены вооруженными людьми, их было так много, что движение трамваев остановилось. Елизавета Петровна плутала. Но в Баку трудно заблудиться, поскольку все меридиальные улицы ориентированы на море. В конечном итоге она вышла на Торговую и оттуда на Парапет. Здесь людей было еще больше. Стрельба началась, когда она поравнялась с армянской церковью. Мурад не успел догнать ее. Все вдруг пришло в хаотичное движение. Тут и там в толпе стали избивать мусульман, имевших несчастье оказаться на площади. Мурад ненадолго потерял из виду девушку, а когда увидел вновь ее фигуру, она показалась и сразу скрылась, повернув на соседнюю улицу. Мурад понял, что площадь ему так быстро не пересечь, к тому же он вдруг заметил, что окружающие бросают на него враждебные взгляды. Он вдруг осознал, что его самого могут линчевать сейчас на этой площади. Словно в подтверждение этой возможности, в нескольких шагах от него бородатый армянин, обвешанный пулеметными лентами, в упор застрелил пожилого азербайджанца.

— Что вылупились? — закричал Мурад. — Мать вашу за ногу! Русский я, не видно, что ли?

Как ни странно, но этого оказалось достаточно, чтобы к нему потеряли интерес, и Мурад поспешил в переулок, чтобы выйти на улицу, куда свернула девушка. Расчет оказался правильным. По переулку он выбежал на перпендикулярно идущую Базарную улицу и увидел Елизавету Петровну, бегущую по тротуару. Мурад бросился за ней и увидел, как Лиза вошла в ворота дома. Он вошел в подъезд на противоположной стороне улицы. Это был трехэтажный особняк с осыпавшейся от времени штукатуркой на фасаде. Поднялся по маршевой каменной лестнице на второй этаж, сочтя его более удобным. Здесь позвонил в дверь. Звонил долго, но никто не открыл ему. Открылась дверь напротив, выглянул мужчина средних лет:

— Если вы к доктору Алибекову, то их нет, они уехали. Если у вас есть что передать, можете отдать мне.

— Здравствуйте, уважаемый! Простите, могу я узнать ваше имя?

— Александр Наумович. К вашим услугам.

— Там начались беспорядки, и я забежал в ваш дом, ища укрытия. Вы могли бы пустить меня в квартиру на короткое время?

— Если вы не мусульманин, то вам нечего опасаться, — замялся сосед, — к тому же я вас не знаю.

— Разве я не похож на мусульманина?

— Похож.

— К тому же дело даже не во мне. Понимаете, я должен спасти одну девушку.

— В каком смысле спасти? От чего? Что-то я вас не понимаю?

— От неминуемого насилия, — несколько высокопарно произнес Мурад.

— Вы меня простите, но я все равно не понимаю. Если вы хотите спасти девушку, почему же вы не с ней, а сами хотите укрыться?

— Дело в том, что это произойдет не сейчас, а завтра.

— Если вы все верно знаете, предупредите ее, и дело с концом.

— Это не так просто. В общем, это долго объяснять. Она мне не поверит. Я кажусь ей подозрительным. Она опасается меня. Ну, это естественно. Понимаете?

— Понимаю. То есть ее, не вас. И абсолютно с ней согласен. Вы тоже мне, извините за откровенность, кажетесь человеком подозрительным. Так что простите, — человек скрылся в квартире.

— Дайте хотя бы кружку воды, — попросил Мурад через закрытую дверь.

— Это можно, — после недолгого молчания сказал Александр Наумович, — сейчас принесу, — через несколько минут дверь отворилась. Мурад взял протянутую кружку и жадно припал к ней.

— Я бежал, — сказал он, отпив половину. — Там на площади, как ее называют, Парапете, на моих глазах убили человека, ни за что. Армяне убили азербайджанца. Я в это поверить не мог. То есть знал, но когда это происходит у тебя на глазах — это совсем другое дело. Так что я бы сейчас лучше выпил чего-нибудь покрепче.

— Коньяк подойдет?

— Конечно.

— Заходите. Коньяк не вода, на пороге пить не принято. Только ненадолго. Дайте слово. Вы, видно, дворянин, я полагаю.

— Пожалуй, — согласился Мурад, — отца я не помню, он меня еще маленького бросил.

— Не надо меня жалобить. Я уже вас впустил.

— Это я к слову. Благодарю вас.

Оказавшись в квартире, Мурад сразу же подошел к окну и с удовлетворением заметил, что оно выходит на ворота, за которыми скрылась Елизавета Петровна. Хозяин принес квадратную бутылку с сургучной головкой и два хрустальных стакана армуды.

— Кто бы мог подумать, что все этим кончится? — горестно сказал он. — Хотя если в первом акте появляется ружье, то в последнем — оно должно выстрелить.

— Это вы сейчас о чем? — спросил Мурад.

— О драматургии. Чехов сказал. Это непреложный закон. А жизнь — это театр, как известно, и люди в нем — актеры.

— Это уже Шекспир.

— Приятно иметь дело с образованным человеком. Я вижу, что мои опасения были напрасны. Но я не о театре. Армяне вооружались всю зиму. Они скупали все оружие у русских солдат, возвращающихся с Кавказского фронта. Вы знаете, по каким баснословным ценам оно продавалось? За обыкновенное ружье платили две тысячи рублей. А за револьвер системы «Наган» или «Браунинг» — еще больше. И все это происходило на моих глазах. Когда я бывал в армянских домах и видел это бряцанье оружием, я только разводил руками. А они в ответ говорили: «Вот увидите, скоро придут татары и вас зарежут, и тогда вы поймете». — «Позвольте, — возражал я, — почему же они должны меня зарезать? Я живу среди них много лет. Они с евреями прекрасно уживаются». — «Увидите, — говорили они, — татары хотят установить здесь свое господство, поэтому хотят избавиться от остального населения». По ночам стали раздаваться выстрелы, хотя убитых не находилось. Бакинская пресса вдруг заговорила о грозящей населению опасности. Чтобы рассеять эти слухи, власти решили устраивать совместные моления. Первое было в Александро-Невском соборе. Мусульмане молились вместе с христианами. Молились о ниспослании мира и избежании кровопролития. Толпа народа не уместилась в стенах храма, молилась во дворе. Второе моление было в мечети «Тезепир», еще более торжественное и задушевное. Третье происходило в армянском соборе, что на Парпетете.

— Я как раз только что оттуда, — прервал его Мурад.

— Да-да. Кстати, то моление мне показалось неискренним. Хотя за мусульманами ухаживали, усаживали на лучшие места близ алтаря. А почему ваша дама находит вас подозрительным? Почему вы не можете ей открыться?

— Она, возможно, думает, что я повеса и пытаюсь волоочиться за ней, а у нее — жених.

— Она вам нравится? — не унимался Александр Наумович.

— Как вам сказать? Мне больше нравится ее внучка.

— Что, простите?

— Виноват, — спохватился Мурад, — стал заговариваться с похмелья. Это вы для меня принесли, можно выпить?

— Должен вам заявить, что вы мне кажетесь странным человеком, — сказал хозяин. Мурад не стал его разубеждать.

— Если бы вы знали, как я вас понимаю.

— И это желание выпить, — продолжал Александр Наумович.

— Я просто потрясен увиденным.

— Да-да. Я понимаю, и тем не менее.

— Но вы же сами предложили.

— И на все у вас ответ готов. За словом вы в карман не лезете, — Мурад выглянул на улицу, которая была сейчас пустынна. — Позвольте узнать, что вы намереваетесь делать? — спросил хозяин. — Что вы высматриваете на улице?

— Она поселилась в том доме напротив, сняла комнату. Если она вдруг выйдет на улицу, я пойду за ней. Но вообще-то мне надо дожидаться полуночи, чтобы оказаться в завтрашнем дне.

— Вы намерены здесь дожидаться полуночи?

— Нет, что вы. Просто мне нельзя сейчас возвращаться в гостиницу. Я побуду у вас, сколько вы позволите. А затем выйду на лестницу.

— В какой гостинице вы остановились?

— «Дагестан», но мне туда нельзя. Потому что все повторится сначала.

В этот миг на улице прозвучали выстрелы. Оба бросились к окну. Несколько человек отступали, отстреливаясь от отряда красногвардейцев. Это были русские солдаты,

и преследовали они азербайджанцев. Когда все стихло, на улице появился еще один отряд, состоявший из пяти человек. Это были армяне, одетые в полувоенную форму. Все они были вооружены винтовками, у некоторых на поясах болтались кобуры, они шли неторопливо, держа винтовки наперевес, иногда постреливая по сторонам в невидимого противника.

— С этой стрельбы все и началось, — сказал хозяин, — отойдите от окна. Неровен час, заметят. Так они стреляли по ночам, начиная с января месяца, нагнетали обстановку, а обвиняли в этом татар. Кстати, вы кто по национальности?

— Это имеет значение? — спросил Мурад.

— Для меня никакого, поскольку я сам еврей, то есть самый уязвимый в этом отношении человек. Но все же?

— Я наполовину азербайджанец.

— Этого достаточно, чтобы не попадаться им на глаза.

— Вы очень добрый и благородный человек. Пустить незнакомца в дом в этой заварухе. Не каждый на это способен.

— Я до последнего часа надеялся, что обойдется, — сказал хозяин. — Интересно, что послужило последней каплей?

— Они хотели арестовать всадников Мусульманского дивизиона на пристани. Их пароход не выпускали из порта. «Эвелину».

— Откуда вы знаете?

— Я там был.

— Вот как, — удивился Александр Наумович. — Значит, вы осведомлены больше моего.

В этот момент в дверь сильно постучали. Хозяин приложил палец к губам, призывая к молчанию.

— Открывай хозяин, — закричали за дверью и стали бить прикладами.

— Мне придется открыть, — побледнел хозяин, — а то они сломают дверь. В конце коридора кухня, идите туда. Все равно прятаться негде, — Мурад вытащил револьвер. У Александра Наумовича от испуга округлились глаза. — Ни в коем случае, — зашипел он, замахал руками, — уберите немедленно. Ступайте на кухню. Я знаю, как с ними надо разговаривать.

Мурад, неслышно ступая, пошел в указанном направлении. Нашел кухню и сел за стол, положив перед собой револьвер. Он слышал, как открылась дверь и квартира наполнилась голосами.

— В чем дело, товарищи? — узнал он голос Александра Наумовича. — Почему вы врываетесь ко мне в дом с оружием. Я член исполкома совета народных депутатов.

— Не горячитесь, товарищ, — ответил голос с сильным акцентом, — мы проверяем все дома. У вас дома есть татары?

— Я вам ответственно заявляю, что в моей квартире нет никаких татар.

— Дорогой, можно нам посмотреть, чтобы сердце успокоилось?

— Нет, я не разрешаю. И мне нет до вашего сердца никакого дела. Вы не имеете право обыскивать мою квартиру. Я пожалуюсь товарищу Шаумяну. У меня завтра с ним встреча. Я еврей, почти что армянин. Зачем мне скрывать татар?

— Хорошо, хорошо. Успокойся. Мы тебе верим. До свидания.

Мурад напряженно слушал, но слов больше не последовало. Вскоре дверь захлопнулась, и на кухне появился хозяин квартиры.

— Уф, — выдохнул он, — давненько я не испытывал подобных переживаний.

— Даже не знаю, как благодарить вас! — сказал Мурад.

— Револьвер уберите, — заметил Александр Наумович. — Неровен час, выстрелит, они ушли, я, кажется, спас вам жизнь.

— Даже не знаю, как вас благодарить, — повторил Мурад.

— Простите за прямоту, но лучше будет, если вы сейчас уйдете.

— Конечно, я понимаю. Спасибо, рад был познакомиться.

Мурад поднялся и пошел к дверям.

— Куда вы сейчас? — спросил Александр Наумович.

— Пока не знаю. Выйду, осмотрюсь.

— Ладно уж, оставайтесь. Дождитесь, пока наступит полночь.

— Нет, спасибо.

— Обиделись, что ли?

— Ни в коем случае, я и так уже злоупотребил вашим знакомством. До свидания. Еще раз спасибо.

Мурад пошел к дверям. На лестничной клетке было пусто. В стене пролета имелось окошко, сквозь которое лился сумеречный свет. Он стал спускаться по лестнице, погружаясь во тьму нижнего этажа.

На него набросились, лишь только он вышел из подъезда. Обыскали, вывернули

карманы, вытащив из них все. Поставили у стены, и один из бандитов прицелился в него из винтовки. Другой, которого называли Арташес, с удивлением разглядывал советскую трехрублевку.

— Ара, подожди, — сказал он. — Слышь, ты, татарская морда! Что это за деньги? Новые, что ли?

Его товарищи тоже подошли и стали разглядывать купюру.

— Обыкновенные советские деньги, — ответил Мурад, — новые, естественно. Ленин объявил денежную реформу.

— Да ты что? Деньги менять будут?

— Будут, но только в Москве. По курсу. Один к десяти. Я уже поменял.

— А у тебя есть еще новые деньги?

— Есть. Но не с собой.

— Где? Дай их нам, они тебе уже не пригодятся.

— Зачем же мне отдавать вам деньги, если вы все равно меня расстреляете?

— Дашь деньги, не расстреляем.

— Они у меня в гостинице.

Портье с испугом наблюдал за появлением Мурада и его вооруженного конвоя.

— Будьте добры ключ от номера, — попросил Мурад.

Арташес взял ключи и скомандовал:

— Вперед.

Поднялись на этаж. Оказавшись в номере, Мурад попросил конвоиров:

— Подождите, пожалуйста, в коридоре.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы вы видели мой тайник. Я достану деньги и вас позову.

Армяне захохотали.

— Нашел дураков, — сказал Арташес, — мы в коридоре, а ты убежишь.

— Куда? — резонно спросил Мурад. — Окно не открывается, а у меня связаны руки.

— Ладно, — нехотя согласился Арташес, — мы здесь подождем. Только быстро.

Мурад сразу же закрылся изнутри, забаррикадировал дверь, подвинув к ней кресло, а сам лег на черный кожаный диван и закрыл глаза. Земля тут же перевернулась, и он стал падать куда-то вверх.

Глава 5

Когда он открыл глаза, то увидел встревоженное лицо Насти.

— Не пойму, что означает выражение вашего лица. Аль не рады мне?

— Я очень рада.

— Глядя на вас, этого не скажешь.

— Я хочу сказать, что это был ваш последний полет.

— Лучше сказать — путешествие во времени, — поправил Мурад. — Можно узнать почему?

— Потому, что я не знаю, в каком виде вы появитесь в следующий раз.

Мурад с усилием приподнялся и сел. Посмотрел на свои связанные руки и протянул их Насте:

— Может быть, вы меня развяжете? Руки затекли.

— Что произошло на этот раз, почему у вас связаны руки?

— Меня собирались расстрелять. Но я перехитрил армян.

— Вас собирались расстрелять, и вы так легко об этом говорите?

— Это хороший вопрос. Он меня давно занимает. Если меня там убьют, здесь появится мое брэнное тело? Или здесь я буду жив?

— Мы не будем больше экспериментировать. Кажется, вы еще пьяны. Во всяком случае, перегаром разит за версту. Может быть, вы не будете там больше пить?

— Я каждый раз рискую жизнью в Баку, как же мне не пить?

— Это было ваше последнее перемещение.

— Мне опять не удалось перейти в следующий день. Заколдованный круг какой-то. Мне надо кое-что спросить у вашей бабушки. Это возможно? Какую-нибудь деталь, знание которой вызовет у нее доверие ко мне. Она меня шарахается, избегает. Может, я прикинусь ее дальним родственником, допустим, у нас с ней могут быть общие знакомые?

— Я подумаю об этом.

— Можно, я приму душ?

Когда Мурад вышел из душа, на столе его ждал завтрак.

— В этот раз я как-то особенно переживала за вас. Я действительно больше не хочу,

чтобы вы возвращались туда, это не просто слова.

— Расскажите, что было после резни. Я застрял в 18-м марта. Может быть, эти знания помогут мне перейти в реальность другого дня. Где ваша папка?

— Зверствам в отношении азербайджанцев ужаснулись все политические силы. Газета меньшевиков «Наш голос» писала в те дни: *«Всюду трупы, изуродованные, обезображенные. Все это вызовет гнев и ненависть ответную, перерастающую в гнев яростного мщения»*. Ей вторила газета азербайджанских большевиков «Гуммет»: *«Мы, оставаясь большевиками, не позволим, чтобы напрасно пролитая кровь мусульманской бедноты осталась без последствий»*. Из-за этих событий между большевиками и остальными политическими партиями наметился разлад. Большевики думали, что используют дашнаков, но, на самом деле, дашнаки использовали большевиков.

В мае 1918 года была образована Азербайджанская демократическая республика. Новое правительство с помощью турецкой армии стало готовиться к штурму Баку. Бакинский совнарком призвал на помощь против Исламской армии царского полковника Лазаря Бичерахова. Российская армия в Иране была распущена в 1918 году. И только полк Бичерахова сохранял боеготовность. Полковник ненавидел большевиков, но еще больше ненавидел турков. Поэтому принял предложение большевиков, поставив перед ними несколько условий, одним из которых была оплата долгов его корпуса в Иране. Отряд Бичерахова погрузился на пароход в Энзели и прибыл в Аляты, где принял командование правым флангом обороны Баку. Но когда он увидел, что положение тяжелое, то, не вступая в бой, увел свой полк на север. Баксовет утратил свой авторитет, дни его были сочтены. Было ясно, что красная гвардия не сможет противостоять объединенным силам Исламской армии. Вечером 29 июня в госпитале у постели больного армянского генерала Багратуни собрались большевики Шаумян, Джапаридзе, Шехобдаев, представители всех других партий, войсковых частей и Армянского национального совета. Вот копия протокола этой встречи:

Багратуни: — Что у нас имеется?

Джапаридзе: — Несколько сот человек

Багратуни: — На что рассчитывают большевики?

Шехобдаев: — Мы ожидаем полторы тысячи бойцов с Северного Кавказа, Астрахани и Мугани.

Багратуни: — Это очень мало, надо рассмотреть вопрос о помощи англичан.

Шаумян: — Англичан ни в коем случае.

Багратуни: — Отбить турок можно, только имея высокий моральный дух, которого у местных сил самообороны нет.

Большевики не нашлись с ответом, и тогда присутствующие потребовали их отставки, и Шаумян сказал, что уйдет. После падения Баксовета, Бичерахов послал в Баку телеграмму, текст которой был напечатан в виде плакатов на русском и армянском языках и развешан по всему городу. В телеграмме он заявлял, что большевики мешали ему бороться с турками, но теперь вместе с силами Центрокаспия и англичанами он готов бить врага. Третьего августа казаки Бичерахова атаковали станцию Баладжары, занятую Исламской армией, однако через пять дней он отвел свои войска и двинулся на Дербент. Новая власть — «Диктатура Центрокаспия» — просуществовала всего полтора месяца. За это время она обеспечила город продовольствием и пригласила для обороны Баку англичан во главе с генералом Денстервилем. В начале августа в Баку вошли английские войска и увидели там совершенно дезорганизованную армию, состоящую из армян. 14 сентября 1918 года английские войска погрузились на корабли и покинули Бакинскую бухту. С их уходом защитники города не продержались и 24-х часов. Что касается большевиков, то в то время, когда за город шли ожесточенные бои, комиссары Шаумян, Джапаридзе, Корганов и другие на пароходе пытались бежать из города, но их догнали и арестовали по приказу «Диктатуры Центрокаспия». Затем их увезли на корабле в Красноводск, где они были расстреляны местными властями. 15 сентября 1918 года в Баку вошла Исламская армия, возглавляемая турецкими военачальниками.

— Наверное, после этого армяне получили обратку? — спросил Мурад.

— Да, это можно назвать так, часть мусульманского населения упала на армянские кварталы, — подтвердила Анастасия. — Люди, пережившее мартовские трагедии, жаждали мести. Было убито, по разным оценкам, от пяти до девяти тысяч человек. Впоследствии премьер-министр Азербайджанского правительства Фатали Хойский в своем выступлении сказал, цитирую:

«При взятии города происходили некоторые события, вызывающие лишь огорчение и сожаление. Правительство не скрывает этого и считает недостойным сокры-

тие угручающих фактов... Однако возможно ли было, чтобы правительство полностью предотвратило эти события? Думается, взирающие на них оком справедливости признают, что ни одно правительство в мире не смогло бы их предотвратить. Ведь здесь были истреблены мусульмане, попраны их человеческие права. Город был взят после трехмесячных сражений, и гнев населения достиг апогея. Тут солдат, увы, ничего не смог поделать. К тому же правительство вступило в город только спустя три дня. Что было, то уже не происходило после. Правительство приняло решительные меры, как только вступило в город, и в результате были водворены спокойствие и безопасность».

Правительством было издано постановление, в котором говорилось, что «все граждане, живущие в Азербайджане, независимо от национальности и вероисповедания обладают равными правами. Грабители и убийцы будут караться по всей тяжести военного времени, включая смертный приговор». Для наглядности в разных местах города — на Кубинской площади, на Парапете, на площади перед зданием вокзала, на бульваре у Черногогородского моста — были установлены виселицы. На каждой из них раскачивался труп, на груди которого висела деревянная дощечка, оповещавшая о преступлении, совершенном повешенным. Возле некоторых повешенных лежали награбленные вещи. Среди повешенных были и солдаты турецкой армии.

* * *

Механик не мог скрыть улыбки, глядя на приближающегося Мурада.

— Судя по твоему довольному лицу, ты приготовил для меня очередную пакость. Ну говори уже, мздоимец.

— Почему это я мздоимец? — обиделся Миша.

— Ты, Микеле, с каждого водителя в день берешь по 50 копеек, и кто ты после этого, не мздоимец?

— А тебе на линии ничего не дают люди? Значит, ты тоже мздоимец.

— Мне дают чаевые, а ты собираешь оброк. Чувствуешь разницу?

— А вы, товарищ водитель, почему на работу опоздали? — переходя на официальный тон, спросил Миша.

— Я плохо себя чувствовал. Могу написать объяснительную.

— Иди к начальнику, болезненный ты наш. Разрешит, я выпущу тебя на линию.

— А ты уже настучал.

— Стучит дятел, а я дежурный механик. Если бы ты сейчас не пришел, я бы о тебе и не вспомнил. Он меня сам предупредил, чтобы я тебя на линию не выпускал.

Мурад прошел мимо стола механика в тамбур, где на стенах были развешаны плакаты с наглядной агитацией о вреде пьянства, о моральном облике строителя коммунизма. Постучал и, услышав «входите», просунул голову в комнату.

— А, явился, — сказал начальник. — Ну заходи, — Мурад вошел, теребя в руках пухляк. Начальник сидел в пальто с рыжим ондатровым воротником и в такой же шапке. Отопление уже отключили, а погода была далеко не весенняя. Над головой прогреготал трамвай. — Ну что, оклемался? Врач Татьяна Ивановна, я встретил ее в столовой, сказала, что отправила тебя домой. По дружбе. А то бы акт составила. И сел бы ты на старую машину. Что это с тобой? Раньше за тобой таких вещей не водилось. На кого ты похож? Весь исцарапанный. Синяк под глазом. Это ведь синяк? Ты похож на молодого алкоголика. Что с тобой происходит?

— Я влюблен, — ответил Мурад.

— Немедленно порви с ней. По всему видать, она тебе не пара. И до добра она тебя не доведет. Найди себе порядочную девушку. Посмотри на себя в зеркало. Почему ты в таком виде?

— Если я расскажу, вы мне не поверите.

— Ну и ладно, не рассказывай. Я тебя не за этим вызывал. Это, так сказать, отеческое внушение. Мне твоя машина нужна. Ты уже выезд взял?

— Взял. А что?

— Время пока не отбивай, погуляй полчаса. Я сейчас с делами закончу, и поедем ко мне домой. Мне сарай твой нужен, — и поскольку Мурад продолжал вопросительно смотреть на него, добавил: — Ухожу я от жены, поможешь мне вещи перевести, — начальник улыбнулся и подмигнул Мураду.

Вещей оказалось два чемодана и несколько картонных коробок. В квартиру Мурад заходить не стал (откуда доносился гневный женский голос), принял их у лифта и погрузил в машину. Вскоре появился начальник, он был несколько взъерошен. Тихо матерясь, сел на переднее сидение и скомаңдовал:

— Вперед, шеф. В Царицыно, к любимой женщине.

— Простите меня за то, что не в свое дело лезу. Но вы уверены, что правильно поступаете? — спросил Мурад.

— Не уверен, но уже поздно рассуждать. Мосты сожжены. Так что ты не умничай. Поехали, — сказал начальник и заел: — «Он сказал: поехали! Он махнул рукой и по Питерской, Питерской поднялся над землей».

— Можно по кольцу? — предложил Мурад. — Так быстрее будет.

— Не надо по кольцу. Езжай через Текстильщики, мне надо прийти в себя после ругани с женой. Я тебе так скажу. Жизнь слишком короткая штука, дается один раз, и прожить ее надо с любимым человеком, а не наоборот. Чтобы не было мучительно больно, как сказал великий русский драматург Островский.

— Это сказал большевистский писатель Островский.

— Тем более. Уж если партия так считает, можно сказать — ум, честь и совесть нашей эпохи.

Мурад засмеялся, глядя на него, улыбнулся и начальник.

— А еще Ленин, говоря о семье, сказал, что несчастливый брак подобен треснутому колоколу, звучит глухо, а раздели его на две части, они запоют чистым звонким звоном.

— Ленин так сказал? — удивился начальник. — Надо же! Вот видишь, уж если сам Ильич так считал, то мы должны к нему прислушаться.

— Правда, сам на это не решился, — продолжал Мурад, — крутил роман с Инессой Арманд, но продолжал жить с Крупской.

— Ну ты тоже скажешь. Ленин был вождь, ему нельзя было думать о себе. Какой бы он пример подал другим людям.

— Я думаю, что он не ушел от Крупской не из этих соображений. Большевики к институту брака легко относились. Была даже создана так называемая теория стакана воды. Захотел комиссарского тела отведать, подошел и говоришь товарищу: лягемте в койку. А она отвечает: легко, как воды напиться.

— И откуда ты это все знаешь? — спросил начальник.

— Замполит в армии рассказывал.

— Шутишь, неужели замполит такие вещи вам рассказывал?

— Да, но не на политзанятиях, а после, когда выпьет. Он был сильно пьющий, капитаном в отставку ушел. Как у Высоцкого: «И сказал я ему: капитан, никогда ты не будешь майором».

— Кажется, мы приехали. Это метро «Кантемировская»? —

— Да, — подтвердил Мурад.

— Сейчас держись правее, а потом повернешь налево на Бехтерева. Позабавил ты меня. Спасибо. Как-то легче стало.

— А вам тяжело?

— Есть немного. Не потому, что сомневаюсь. Я твердо решил. Просто тяжело. Дома двух дочек оставил. А у нее сын от первого брака. Как он меня примет? Не знаю. Она говорит — проблем не будет.

— Дай бог, — сказал Мурад. Он повернул на Бехтерева, проехал два перекрестка.

— Дальше тупик, — предупредил он.

— Знаю. Вот на горочке дом слева. Заворачивай, первый подъезд наш, — Мурад остановился в указанном месте. — Ждет уже, — сказал начальник, указывая на женщину, стоящую у подъезда. — Жаль, что ты только выехал, — заметил начальник, — пошли бы выпили. Она стол накрыла.

— Успеется. Я никуда не денусь, — Мурад подал машину к подъезду задним ходом. Начальник вышел из машины. В салонном зеркале было видно, как они обнялись. Мурад помедлил немного, потом вылез из-за руля. — Здравствуйте, — сказал он.

— Привет, Мурадик. Как хорошо, что сегодня твоя смена. А то ведь разговоров не оберешься.

— Помочь вещи занести?

— Естественно, я, что ли, их таскать буду? А у шефа радикулит.

— Просто так спросил, — Мурад поднял вещи в квартиру, попросился умыться. Потом, выйдя из ванной, заметил телефонный аппарат. — Можно позвонить? — спросил он.

— Звони, чего спрашиваешь.

Мурад снял трубку и набрал телефон Анастасии.

— Привет, как поживаете?

— Скучаю по тебе, — неожиданно услышал он.

— Так я сейчас приеду, — взволновался Мурад.

— А ты далеко?

— Далеко. В Царицыно. Я вечером выехал. Мне до пяти утра трубить.

— Тогда работай. Не надо приезжать.

— Но ты же сама сказала, что скучаешь.
— Да, и буду продолжать это делать. Мне нравится по тебе скучать. У меня это впервые.

— Я вообще с ума схожу по тебе.
— Не волнуй меня.
— Может, я все-таки приеду?
— Нет. Но ты позванивай.
— Хорошо. Я поехал, шеф, — крикнул Мурад, положив трубку.
— Сколько там нащелкало? — спросил начальник, выйдя из комнаты. Он уже был в шелковом халате и в шлепанцах с загнутыми носами.
— Пустяки, — сказал Мурад, — ничего не надо.
— Еще чего, — сказал строго начальник, — вот возьми он манат, как говорится, в оба конца. Бери.

Мурад взял десятку и положил в карман.
— Эти тапочки из Баку? — спросил Мурад.
— Верно, как догадался?
— Видел там такие в витрине магазина.
— И давно ты там был? — удивился начальник.
— Вчера. Вы что-нибудь знаете о мартовских событиях 1918 года в Баку?
— Я знаю, что моего деда армяне вместе с сотней других азербайджанцев согнали в мечеть и сожгли там. Это было в Кюрдамире. Бабушка спаслась чудом. Они залезли в подпол и сидели там два дня с детьми. Но это не лучшая тема для сегодняшнего вечера. Почему ты спрашиваешь?

— Моя девушка, она историк, занимается этим периодом. Ладно, я поехал. Счастливого оставаться.

— Ты слышала? — обращаясь к своей Зинаиде, произнес начальник, когда дверь за Мурадом закрылась. — Он сказал, что вчера был в Баку. Что-то у парня с головой не то.

В поисках пассажира Мураду пришлось доехать до метро «Каширское», и здесь ему повезло взять клиента в аэропорт Домодедово. Там он «зарядил» контролера и разыскал пассажиров в Шереметьево. А там, словно по заказу, его ждал клиент на аэровокзал. Таким образом, за три часа он сделал большую часть плана. Работать надо было до четырех утра, поэтому можно было уже не спешить. Стоянка такси на аэровокзале была полна свободными машинами. Мурад не стал здесь становиться в очередь. Выехал на Ленинградский проспект и затормозил у телефонной будки. Анастасия взяла трубку после первого гудка.

— Привет, ты меня ждала?
— Нет, конечно. Просто шла мимо телефонного аппарата. Но это не означает, что я не рада тебя слышать.

— Между прочим, я нахожусь в двух шагах от твоего дома.
— Заходи. Я покормлю тебя ужином. Хотя что я говорю, уже десять вечера, поздно для ужина.

— Вообще-то я не ужинал, не до этого как-то было. Но хочу заметить, что в Берлине ужинают так поздно, что никогда нельзя понять, это поздний ужин или ранний завтрак.

С минуту длилось молчание, потом раздался смешок.
— Я вспомнила, эрудит вы мой. Я вас жду.
Анастасия была рада его появлению, и эту радость нельзя было имитировать.

— Поцелуемся?
— Нет.
— Почему?
— Вы на работе. Я готовлю ужин. Не до этого.
— Ладно. Как бабушка?
— А вы знаете, лучше. Я давно собираюсь вам сказать. С тех пор, как вы стали заниматься ее судьбой, она себя гораздо лучше чувствует. Меньше просыпается по ночам.
— Наверное, чувствует, что я ее спасу. Вам помочь?

— Ни в коем случае. Идите в гостиную. Я сейчас все принесу, — Мурад прошел в комнату, кивнул портрету, сначала сел на диван, но передумал и пересел за стол. Вскоре появилась Анастасия с подносом. — Макароны с тертым сыром и котлеты. Приятного аппетита, — объявила она.

— Балуете вы меня, — сказал Мурад, плотоядно оглядывая котлету. — У меня тут вопрос назрел. Как получилось, что большевики вновь взяли Баку? Вообще-то я даже не знал, что Азербайджан был когда-то независим.

— Он был независим двадцать два месяца. Вы ешьте. Расскажу, сколько успею.
— Времени полно. Я план почти сделал.
— Тогда слушайте. Германия и Турция потерпели поражение в Первой мировой

войне. При подписании акта капитуляции были заключены так называемые Мудроские соглашения. В соответствии с ними Турция должна была немедленно покинуть южный Азербайджан и Закавказье. Турецкой армии давалась одна неделя на то, чтобы оставить Баку, и один месяц на то, чтобы уйти из Азербайджана. По договору Турция не должна была возражать против оккупации Баку Антантой. Как только Германия и Австро-Венгрия подписали акт о капитуляции, Советская Россия денонсировала Брестский договор. Закавказская железная дорога передавалась союзникам, которые получили право занять Баку. 30-го октября турецкие войска оставили город. Премьер-министр Азербайджана отправил телеграмму Вудро Вильсону с просьбой способствовать признанию независимого Азербайджана. Английский экспедиционный корпус Денстервиля, отплывший из Баку 15 сентября, через три дня прибыл в Энзели, где был расформирован. Командиром вновь скомплектованной армии Лондон назначил генерала Томпсона. Азербайджанская делегация отправилась на переговоры с ним, но тот заявил, что не знает о существовании такого государства. Тем не менее, генерал сказал, что англичане не собираются делать что-либо против воли азербайджанского народа. Под контролем его армии будет находиться Баку и нефтепромыслы. Остальная часть страны будет управляться правительством, несмотря на то что оно было создано турецким командованием. Городская Дума возобновит свою работу. Полицией будет руководить англичанин. Бичерахов и его отряды войдут в Баку вместе с британскими войсками, а вооруженные армяне в город допущены не будут. Азербайджан же может принять участие в работе Парижской мирной конференции на основе прав наций на самоопределение. 17 ноября английские войска, состоящие в основном из индийцев, вошли в Баку. Следом в город вступило войско Бичерахова. Генерал, произнося речь в Бакинском порту, сказал следующее: «Великая война окончена победой Антанты. Мы находимся здесь как ее представители. Я пришел на землю, принадлежащую России».

В официальных заявлениях Томсона и Бичерахова речь шла о восстановлении Российской империи. Русский и Армянский национальные советы сразу же приняли постановление о том, что никакого Азербайджана нет, а есть Россия. Оба совета отклонили предложение Томсона о создании коалиционного правительства, заявив, что Закавказье является провинцией России. Тогда Томсон возразил делегатам, сказав о том, что Российской империи уже не существует. Через несколько дней генерал, ознакомившись с реальной ситуацией в Баку, объявил, что Британия с уважением относится к Азербайджанскому правительству и до организации коалиционного правительства оно останется единственной действующей властью в стране. Вскоре было создано коалиционное правительство, куда армяне войти отказались. В январе 1920 года Антанта признала независимость Азербайджана. В марте этого же года Красная армия придвинулась к границам Азербайджана. В правительстве Азербайджана возникли разногласия по поводу возникшей северной угрозы. Азербайджанские большевики пытались использовать этот момент для осуществления государственного переворота. В их лице Москва имела в Баку пятую колонну, которая координировала свои действия с членом реввоенсовета Серго Орджоникидзе. Весной 1920-го года гражданская война в России близилась к завершению. До этого захватить Баку было невозможно. Деникин невольно стоял заслоном между Россией и Азербайджаном. Разрушенное хозяйство Советской России нуждалось в нефти. А она была в Баку. В марте Ленин направил телеграмму в реввоенсовет Кавказского фронта, в которой было сказано: «Взять Баку нам крайне необходимо. Все усилия направить на это». С Грузией одновременно велись переговоры о признании ее Советской Россией в обмен на отказ от поддержки Азербайджана. Грузия, не признанная Версалем, согласилась на это. Троцкий в телеграмме Сталину писал, что он собирается после захвата Новороссийска и Грозного забрать у Тухачевского три стрелковые и три кавалерийские дивизии, и спрашивал, достаточно ли их для удержания Баку. Тем не менее большевики не решились начать военные действия против страны, признанной Антантой, было решено совершить переворот руками местных большевиков. В феврале 1920 года азербайджанским коммунистам были переправлены деньги, оружие и военное снаряжение. В марте по команде из Москвы армяне подняли вооруженный мятеж в Карабахе с целью оттянуть на себя войска и тем самым ослабить оборону Баку. Расчет удался, на борьбу с дашнаками были переброшены значительные силы. Шесть пехотных полков. В городе осталось только две тысячи солдат, охранявших правительственное учреждение. Дашнаки в Карабахе были разгромлены, но войска вернуться в Баку уже не успели. Незадолго до этого РСФСР заключила с Турцией, где к власти пришли военные во главе с Мустафой Кемаль Пашой, договор, в котором обязалась помогать Турции оружием и военными советниками. Положение усугубилось тем, что в Азербайджане случился правительственный кризис и кабинет министров в полном составе подал в отставку. Россия продолжала концентрировать войска на границе. Противопоставить им было некогда, поскольку в Карабахе все еще шли боевые действия. 21 апреля командиры 11-й армии

и Волго-Каспийской флотилии получили приказ 27 апреля перейти границу Азербайджана и в течение пяти дней взять Баку. Ататюрк потребовал от Азербайджана не препятствовать прохождению Красной армии, которая идет на помощь Турции против Англии. Ататюрк телеграфировал в Москву о том, что если советские войска берутся изгнать англичан с территории Кавказа, то турецкое правительство в ответ обязуется заставить Азербайджанскую республику войти в круг советских государств. А также начать военные операции против независимых Армении и Грузии. 26 апреля за день до вторжения Армения, спохватившись, предложила Азербайджану заключить перемирие, чтобы противостоять большевистской экспансии, но было поздно. 27 апреля азербайджанские большевики, опираясь на русские войска, продвинувшиеся до Бададжар, предъявили азербайджанскому парламенту ультиматум о сдаче власти. Такой же ультиматум предъявил Чингиз Ильдырым, командующий Каспийской флотилией, подошедшей к Баку со стороны моря. В парламенте к тому времени шли жаркие споры между сторонниками противодействия России и теми, кто желал компромисса. Последние попытались образовать коалиционное правительство вместе с большевиками, но те отказались войти в правительство. На последнем заседании парламента после жарких дебатов социалисты, большевики и близкие к ним фракции большинством голосов приняли решение о мирной передаче власти большевикам. Напрасно лидер партии «Мусават» Расул-задэ говорил, что нельзя верить русским, что направляющаяся через Азербайджан Красная армия уже никогда не выйдет из страны. Турция когда-то спасла Азербайджан, но сейчас при новом правительстве их интересы расходятся. Так все и вышло. Вместо того чтобы следовать в Турцию, бронепоезд «III интернационал» и части 11-й красной армии вошли в Баку. Азербайджанские коммунисты дали Ленину телеграмму об установлении советской власти в Азербайджане. Таким образом, большевики взяли власть в Азербайджане легко, в результате бескровной операции. Вот, пожалуй, и все. И кстати, Армения через несколько дней также лишилась своей независимости и вошла в Союз Советских Социалистических Республик. Никакой «Великой Армении» не было создано.

— Почему большевикам все доставалось так легко? — сказал Мурад. — И революцию делали не совсем большевики, но власть досталась именно им.

— В истории много таких примеров. Как правило, революцию делают одни, а плодами ее пользуются другие. К тому же большевики, в отличие от белогвардейцев, не скупилась на посулы. Землю крестьянам — пожалуйста, заводы рабочим — пожалуйста. Национальное самоопределение вплоть до отделения — да ради бога. Ни одно из обещаний не было выполнено. А Белая гвардия даже ради борьбы с большевиками высокомерно отказывалась от союзов с новыми республиками. Деникин презрительно отнесся к правительству Азербайджанской республики. Только Российская империя, никому никакой независимости. Будь он дальновиднее, заключи он военный союз с Азербайджаном, неизвестно, как повернулось бы колесо истории. А Ленин заключал союзы с кем угодно, хоть с немцами, хоть с махновцами, хоть с чертом. Цель оправдывает средства. Еще чаю?

Анастасия вышла на кухню. Мурад встретился взглядом с портретом на стене, подмигнул ему, как старому знакомому, и словно провалился в сон.

* * *

Дул *хазри*. Девичью фигуру Мурад увидел на том же месте и крикнул, перекрывая шум ветра:

— Здравствуйте, сударыня! Чудесный сегодня день. Он принесет удачу.

— Ах, это вы! — барышня обернулась. — Здравствуйте.

— Как, — удивился Мурад, — вы что же, меня помните?

Настала очередь удивляться Елизавете Петровне.

— Теперь уж не уверена. Вы поздоровались из вежливости? Но у меня такое чувство, что я вас знаю. Только не помню откуда. Память девичья.

— Который день раскланиваемся здесь на бульваре. Ведь вы живете в гостинице «Дагестан», каждый день приходите сюда и смотрите на море, а потом идете в порт справиться о корабле, на котором должен прибыть ваш жених.

— Кажется, вы знаете обо мне больше, чем я о вас, — нахмурилась барышня, — я вам этого не рассказывала. Вы что, следите за мной?

— Не сердитесь, пожалуйста. Я вам друг. Можно задать вам вопрос? Как вы думаете, лучше человеку тешить себя ложной надеждой или узнать правду о будущем?

— Я не понимаю, о чем вы?

— Я скажу иначе. Что бы вы предпочли: узнать правду о будущем или тешить себя обманом надежды, пребывая в неведении? Что лучше — горькая правда или сладкая ложь?

— Пожалуйста, оставьте меня. Мне неприятен этот разговор, — сказала барышня и повернулась спиной.

— Меня послала сюда Анастасия, я хочу помочь вам.

— Какая еще Анастасия?

— Ваша внучка.

— Вы сумасшедший. Какая внучка. У меня даже дочери нет. Я не замужем.

— Я из будущего, — сообщил Мурад.

— С меня довольно, — девушка стала уходить, и Мурад сказал ей вслед:

— Ваш жених служит в отряде Лазаря Бичерахова, — девушка остановилась. — Он ехал к вам, когда его арестовали. Он находится в Ленкорани. А вам лучше уехать из Баку сегодня же. Потому что в городе будут беспорядки.

— Откуда вы знаете о его аресте?

— Мне сказал об этом один офицер с парохода «Эвелина». Они прибыли из Ленкорани, их сейчас большевики удерживают в порту.

— Он назвал вам его имя? Как его зовут?

— Имени он не знает, просто сказал, что арестовали русского офицера, поручика, он плыл из Персии.

— Это ничего не доказывает.

Мурад развел руками.

— Ну почему, когда человек говорит правду, ему не верят?

— Еще и внучку какую-то придумали. Прощайте. Надеюсь, что мы с вами больше не увидимся.

Мурад долго провожал ее взглядом, решая, как ему сейчас поступить. Маршрут ее был известен. Идти за ней на пристань, где предстояла перестрелка между большевиками и всадниками татарского дивизиона, тоже не имело смысла. «Пойду сниму комнату в ее доме», — решил Мурад.

— Ваши документы.

Обернувшись, он увидел патруль. Трое армян, обвешанные винтовками, недружелюбно разглядывали его. «Как же он забыл про них».

— Документы дома забыл, ара, — имитируя армянский акцент, сказал Мурад и добавил по-армянски: — Миат папирос тур, эли.

Взгляды патрульных потеплели. Один из них полез за папиросами. Другой спросил:

— Ха эс?

Мурад ответил заученной шуткой и вновь вызвал взрыв смеха. Оделили папироской, похлопали по плечу и пошли дальше. Мурад двинулся по Великокняжескому проспекту в сторону Парапета. Проходя мимо знакомого ресторана, увидел в дверях знакомого официанта. Тот приветливо поздоровался.

— Прошу вас, господин, — сказал он, приглашая войти. Мурад вздохнул и последовал вовнутрь.

Первую рюмку коньяка он закусил жгучим перцем. Так никто не делает, но он решил попробовать. В таксопарке он так закусывал водку, чтобы перебить подкатывающую тошноту. Выпив, отдышался.

В это перемещение надо будет все закончить. Он не может без конца сигать на диване туда-обратно. Сколько можно испытывать судьбу. Мурад увидел пресловутых большевиков, входящих в ресторан. Свободных мест не оказалось. Из подсобки вынесли стол, поставили у стены, и компания расселась за ним. Мурад увидел Елизавету Петровну, она шла по Великокняжескому проспекту в сторону Приморского бульвара, и решил пойти за ней. Подозвал официанта, чтобы расплатиться. Поначалу он собирался где-то переждать, но все же решил пойти за девушкой. Неосознанные поступки — они самые правильные. Что наши соображения перед рукой провидения. Иначе говоря, человек предполагает, а тот, кто наверху — располагает. Хотя Мурад не верил, что наверху кто-то есть. Как бы он позволил эту резню?

С моря дул сильный ветер. Елизавета Петровна шла, придерживая рукой шляпку. Сильным порывом ветра шляпку сорвало с головы и понесло на Мурада. Он поймал ее, как бейсболист.

— Огромное вам спасибо, — поблагодарила девушка, но, увидев Мурада, нахмурилась. — Это опять вы. Вы что, меня преследуете? Зачем вы за мной ходите?

— Я хочу вам помочь. Разве по мне не видно?

— А я не нуждаюсь в вашей помощи.

— Нуждаетесь, только вы об этом не знаете. Прошу прощения, но я не могу вас оставить одну. Вам грозит опасность. Разрешите мне сопровождать вас. Посмотрите кругом. Небритые нерусские большевики, солдаты, матросы. А вы одна.

— Нет, вы не будете меня сопровождать.

— Тогда я буду ходить за вами. Этого вы не можете мне запретить.

– Как угодно, только не приближайтесь ко мне.

– Я хочу сказать вам кое-что, чтобы вы мне поверили. Вы сейчас пойдете на пристань. В конторе вам скажут, что парохода не будет из Ленкорани. А в это время на площади начнется стрельба. Идите, я подожду вас где-нибудь здесь.

Елизавета Петровна бросила на него взгляд, говорящий о том, что она не верит ни единому его слову, и ушла. Когда она оказалась на пристани и вошла в контору, Мурад пошел к магазину сигар, а к площади тем временем подъехали два «Форда» с отрядами красногвардейцев. Несколько всадников мусульманского дивизиона, направляясь от «Эвелины», шли, пересекая площадь. Мурад покачал головой и вошел в магазин. Дверь звякнула колокольчиком. Продавец выглянул из внутренней комнаты и произнес:

– Добро пожаловать, чего изволите, товары на любой вкус.

– Дайте мне Шекспира.

– «Ромео и Джульетту»? Сразу видно, утонченный человек, со вкусом, – продавец достал пачку, в которой было пять сигар, и посмотрел на площадь. – Боюсь, что-то там сейчас будет, – сокрушенно сказал он.

– Сейчас солдаты начнут стрелять по тем военным, что выйдут из конторы, – невозмутимо произнес Мурад. В следующую минуту красногвардейцы открыли огонь по всадникам. Изумленный продавец обернулся к Мураду с открытым ртом. – Ничего особенного, – сказал Мурад, – обыкновенный анализ ситуации.

– Анализ ситуации, – с уважением повторил продавец. – А что будет дальше?

– Будут стрелять до наступления темноты. Вам лучше закрыть лавку и не высываться. Вечером в Варфоломеевскую ночь армяне начнут вырезать азербайджанцев. Вы, надеюсь, в этом не участвуете?

– Да что вы говорите, мне сосед Тофик ближе родственника, и неважно, кто армянин, татарин или русский.

– Отрадно слышать, – Мурад увидел, как из конторы вышли дежурный и Елизавета Петровна, прикрывая головы руками, они побежали в сторону от пристани. Отбежав на изрядное расстояние, она замедлила шаг, и Мураду удалось догнать ее.

– Ах, это вы, – гневно воскликнула девушка. – Я вас ненавижу.

– Помилуйте, за что?

– Это вы все напророчили.

– Можно сказать, напророчил, а можно, что – предвидел.

– Все равно, от вас одни неприятности.

– Пожалуйста, поверьте мне. Не ходите сегодня домой. Будет беда.

– Что я должна делать? Я сняла комнату, уже заплатила вперед. Мне больше некуда пойти в этом городе.

– Мы можем пойти ко мне в гостиницу.

– Ну вот, я знала, что все этим кончится. Прощайте, – крикнула она, уходя.

– Что вы себе вообразили, сударыня? – сказал ей вслед Мурад. – Я не буду к вам приставать. Вы мне в бабушки годитесь.

– Вы свинья, сударь!

Площадь Парапет уже была полна народу. Мурад услышал отрывок разговора:

– Ара, конечно, это давно надо было делать. Если не мы их, то они нас. Это наш город, мы имеем на него больше прав, чем они. Кто они вообще такие? Какие азербайджанцы, нет такой нации. Это татары или иранские турки. Кстати, турки их сильно поддерживают. Будут, да, поддерживать. Они же сами себя поддерживают. А Ленин на нашей стороне. Я сам видел манифест о «Великой Армении» с подписью Ленина. Клянусь мамой! Шаумян так сказал. Ара, был я на том молебне.

На площади были и русские, в основном солдаты и матросы. Напротив армянской церкви подвыпившие моряки, став в круг, били чечетку. Мурад вырвался из людского водоворота, припустил за девушкой. Елизавета Петровна шла, не оглядываясь. И он, шагая по противоположной улице, без происшествий довел ее до дому. Когда она вошла в ворота, Мурад выждал с полчаса, перешел улицу и постучал в ворота. Дверь открылась, перед ним стоял мужчина лет шестидесяти.

– Вы сдаете жилье? – спросил Мурад. – Я бы снял.

– Надо же, то не было никого, а то – двое подряд. Я недавно сдал комнату девушке из Москвы. Есть еще комната, но маленькая очень.

– А вы покажите, может, подойдет?

– Ладно, пошли.

Хозяин впустил Мурада в крошечный двор, где едва умещались колодец, тандыр и стол с двумя стульями. Одна из дверей, выходящих на веранду, открылась, и Мурад увидел Елизавету Петровну. Она держала в руках глиняный кувшин, очевидно, для воды. Увидев Мурада, сердито спросила:

– Опять вы, что вы здесь делаете?

– А знаете, вы похожи на горянку с этим кувшином, – заметил Мурад.

— Не заговаривайте мне зубы, зачем вы меня преследуете?

Девушка взглянула на хозяина дома, и тот, прочитав вопрос в ее глазах, ответил:

— Джанаб желает снять комнату, если она ему подойдет. Вы знакомы с этим господином?

— К счастью, нет. Но он преследует меня весь день. Хозяин, я категорически против того, чтобы вы сдавали ему комнату. Я все расскажу своему жениху, когда он приедет. Он вызовет вас на дуэль.

— Вот из-за таких, как вы, русская литература потеряла Пушкина, — упрекнул ее Мурад. — Да не приедет он, поймите вы, наконец.

— Я не хочу больше с вами разговаривать. Уходите, — и, обращаясь к хозяину дома, добавила: — Если вы сдадите ему комнату, то я немедленно съеду.

Она вернулась в свою комнату. Проводив ее взглядом, хозяин развел руками.

— Извините, уважаемый. Но я не смогу сдать вам комнату.

Мурад вышел на улицу. Погромы начнутся завтра вечером, 19 марта. Ему надо было продержаться эту ночь и весь следующий день. Идти было больше некуда, и Мурад пошел в гостиницу. Ночь провел, лежа на полу, на ковре, перенесся туда свою постель с кожаного дивана. Практически не спал, погружался в забытие и вновь выплывал в явь. Утро встретил в гостиничном номере, это означало, что ему удалось перейти в следующий день. Оставалось дожидаться вечера.

«Сократ сказал, что истинный философ всю свою жизнь готовится к смерти, нет, не так. Свою жизнь философ должен рассматривать как подготовку к смерти». Этот пассаж всплыл в памяти Мурада, когда он спускался вниз по улице. Со свойственной ему дотошностью он стал анализировать, почему ему вспомнилось это изречение, пока не сообразил, что оно может быть применимо к сегодняшнему дню. Этот день — как подготовка к смерти. Улица привела его на Великокняжеский проспект к дверям ресторана. «Что ты будешь делать, куда бы я ни пошел, дорога выводит меня к этому заведению».

— Салам алейкум, уважаемый, к сожалению, мы закрыты сегодня.

— Слушай, будь другом, вынеси мне бутылку водки. Заплачу, сколько скажешь.

Официант принес бутылку коньяка, затем, спохватившись, сказал:

— Простите, вы же водку просили.

— Ничего, это еще лучше.

Мурад сунул бутылку в карман и вышел на Парапет, где было множество народа.

— Братишка, — остановил он проходящего мимо, увешанного оружием матроса.

— Тебя как зовут?

— Ну, допустим, Иван.

— А меня Марат. Ваня, помоги земляку. Продай наган. Вон у тебя оружия сколько.

А Ленин велел делиться.

— А вдруг ты контра, как же я тебе оружие продам.

— Да ты посмотри на меня, какая же я тебе контра! А выпить хочешь?

— Поднеси, не откажусь.

Мурад вытянул из кармана бутылку коньяка. Матрос приложился к бутылке. Мурад наблюдал, как двигается его кадык. Матрос пил, закрыв глаза, а когда открыл — это был уже другой человек. Перефразируя Гоголя: он закрыл глаза и открыл глаза, но был уже друг и смотрел как друг.

— Братишка, выбирай любое орудие. Хошь наган, хошь трехлинейку товарища Мосина.

— Дай наган, коли не жалко.

— А бери. На! Полная обойма.

— Хороший ты парень, Ванятка, я рад, что познакомился с тобой.

— Ишь, как ты меня назвал, — вдруг растрогался матрос, — меня так только мать покойница кликала.

Мурад пожал крепкую длань матроса и пошел дальше, опустив голову, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Отовсюду доносились звуки выстрелов. По улице в обоих направлениях двигались люди. У закрытой двери дома, где жила Елизавета Петровна, стояли несколько вооруженных армян и били в дверь прикладами винтовок. Дверь под ударами кренилась и вот-вот должна быть слететь с петель. Мурад выстрелил поверх голов, желая отвлечь мародеров, и бросился на землю, перекатился под ответным огнем. Услышал грохот упавшей двери, тут же раздалось два ружейных выстрела. Стрелял хозяин со двора. Армяне ворвались в дом, забыв о Мураде. Он поднялся. В этот момент рядом разорвался артиллерийский снаряд, и его накрыло взрывной волной.

Пришел в себя, как ему показалось, сразу же. На нем не было ни единой царапины, но лицо все залито кровью. Он быстро понял, что кровь идет из носа и ушей. Стал подниматься на ноги. На него бежал армянин с перекошенным от страха лицом, а за ним

гнался офицер-азербайджанец с саблей в руке. Мурад выстрелил, почти не целясь. Армянин упал. Мурад взглянул на офицера и вздрогнул от неожиданности. Их сходство было невероятным, он словно смотрелся в зеркало.

— Откуда вы взялись, вы азербайджанец? — спросил офицер.

— Почти.

— Вам надо пробираться в крепость, там будете в безопасности. Мусульмане там строят баррикады, — он замер, словно что-то вспоминая. — Что-то я должен был сделать...

— Кольцо, — подсказал Мурад.

— Откуда вы знаете про кольцо? — удивился офицер.

— Долго объяснять, но я в курсе. Оно принадлежит Елизавете Петровне, девушке, которую вы спасли от смерти.

— Вот оно, я отобрал его. Верните его сами, а то мне недосуг возвращаться.

— Может быть, вместе вернем? У меня с ней как-то отношения не сложились.

— Мне надо в полк. Дайте слово, что вы вернете кольцо.

— Честное благородное. Собственно говоря, я здесь именно за этим.

— Как вас зовут?

— Мурад.

— А меня — Селим. Возьмите кольцо. Прощайте.

— Так звали, между прочим, моего деда, — сказал ему вслед Мурад и пошел в дом.

Мертвый хозяин лежал посреди двора. Тело одной его жены распростерлось рядом с ним, второй — на крыльце. Неподалеку валялись двое убитых армян в полувоенной одежде. В доме, стараясь не смотреть на убитых, он прошел в комнату и обнаружил на полу между кроватью и тумбочкой Елизавету Петровну.

— Не бойтесь, это я, — сказал Мурад.

Девушка не сразу узнала его, а узнав, с криком бросилась ему на грудь.

— Боже, какое счастье, что вы здесь, — причитала она, — если бы вы только видели, что они здесь творили. Это не люди, даже не звери. Я пыталась защитить женщин, но меня ударили. Сорвали обручальное кольцо. Они хотели надругаться надо мной. Если бы не этот офицер. Он убил двоих, а третий убежал. Он погнался за ним, потому что я просила вернуть мое обручальное кольцо. Спасибо, что вы пришли. Я была к вам несправедлива. Простите меня.

— Вот ваше кольцо, возьмите. Офицер отобрал его у мародера и ушел по своим военным делам.

— Как мне благодарить вас?

— Лучшей благодарностью будет, если вы меня послушаетесь. Вам нужно сейчас добраться до вокзала. Я вас провожу. И сесть на первый же поезд, идущий в Россию.

— Я же вам говорила, что жду своего жениха здесь. Как я уеду?

— Вы опять за свое, — зло сказал Мурад.

— У меня почти нет денег. Я издержалась. Дороговизна ужасная.

— Вот вам тридцать рублей на билет. Больше у меня нет, но надеюсь, что этого хватит, пойдете.

— Делайте что хотите, я подчиняюсь, — покорно сказала девушка.

Они вышли на улицу.

— Нам надо на вокзал, только вряд ли мы туда доберемся сами. Пойдете искать русских солдат. У церкви дежурит один знакомый матрос. Держите меня под руку. И смело смотрите всем в лицо. Вы русская. Вас не тронут. А я буду изображать пьяного.

— Для вас это не составит труда.

— И это ваша благодарность?

— Простите.

— Если спросят, скажете, что я ваш муж.

— Нет.

— Тогда брат.

— Зачем мы прячемся? Надо идти в полицию.

— Полицию новая власть упразднила. Теперь у них ВЧК.

— Тогда пойдете к этой новой власти, в эту самую ВЧКу. Это зверство не должно остаться безнаказанным.

— Так новая власть все это и учинила.

— Я в это не верю.

— Можете не верить, просто я знаю больше вашего.

— Почему это вы знаете больше моего? Откуда у вас такие познания?

— Мне об этом рассказывала ваша внучка.

— И вы опять за свое? С ума меня свести хотите?

На счастье, революционный патруль все еще находился у армянской церкви. Русские солдаты и матросы с угрюмыми лицами наблюдали происходящее вокруг.

— Ваня, братишка! — крикнул Мурад. Матрос оглянулся на зов и, завидев Мурада, осклабился в щербатой улыбке.

— Это, товарищи, мой земляк из Рязани, — пояснил матрос сослуживцам.

— Из Коломны, — поправил Мурад.

— Ты чего такой взъерошенный?

— Эта барышня — моя родственница, — торопливо заговорил Мурад. — У нее беда случилась. Семейно хозяина квартиры убили. Ее чуть не убили. Один из ваших военных спас. Помогите нам, Иван. Ее надо до вокзала проводить.

— Ладно, землячок, дамочку твою мы на вокзал доставим в лучшем виде, — пообещал Иван.

Мурад отвел девушку в сторону и сказал:

— Елизавета Петровна, я вас очень прошу, поезжайте в Москву. Сегодня только первый день погромов. Что касается вашего жениха, то все в руках божьих. Если судьбе будет угодно, то он сам найдет вас.

— Я была несправедлива к вам, а вы спасли меня.

— Не я, вас спас тот офицер.

— Да, конечно, но и вы тоже. Я совсем не умею разбираться в людях. Простите. А может быть, и вы со мной в Москву?

— Я бы с удовольствием, но у меня другой путь. Это называется телекинез.

— Вы опять заговорили загадками. Но я больше не сержусь на вас. Прощайте.

— Прощайте, — сказал Мурад и ушел, не оглядываясь.

— Ну что, барышня, на вокзал потопали? — спросил матрос.

— Нет, я не пойду на вокзал, я передумала. Если вам нетрудно, проводите меня до гостиницы какой-нибудь, где безопасно. Найдется такая в этом городе?

— Здесь рядом «Астория». Это самое безопасное место. Там военно-революционный комитет заседает. Да вы не бойтесь. Эти инородцы русских не трогают. Они друга друга режут.

— Вообще-то это мы с вами здесь инородцы.

— И то верно. Ладно, пошли в «Асторию», это ближе будет, чем вокзал.

До своей гостиницы Мурад добрался без происшествий. В номере долго стоял у окна. Отсюда было видно, как азербайджанцы роют окопы. Он боролся с желанием присоединиться к ним. Но боялся своим поступком что-нибудь разладить в загадочном механизме времени. Мурад лег на кожаный диван и закрыл глаза.

* * *

Когда он открыл глаза, то увидел Анастасию.

— Тебя так долго не было, я чуть с ума не сошла.

Пока Мурад подбирал слова для подходящей остроты, из соседней комнаты раздался старческий голос.

— Настюша, внученька, ты дома?

Глаза девушки округлились от изумления. Она бросилась в соседнюю комнату. Мурад последовал за ней и увидел застывшую в столбняке Анастасию и сидящую перед ней на кровати бабушку. От света настольной лампы на ее безымянном пальце тускло отсвечивало обручальное кольцо.

— А это кто? — бодро спросила Елизавета Петровна. — Кавалер твой?

Анастасия оглянулась, на ее лице светилась счастливая улыбка.

— Интересно, во сколько завтра загс открывается? — спросил Мурад.

— В одиннадцать, — ответила девушка.

— Я не успею купить новый костюм, — озабоченно произнес Мурад.

— Ничего, и этот сойдет, — сказала Анастасия. — Бабушка, я выхожу замуж, ты рада?